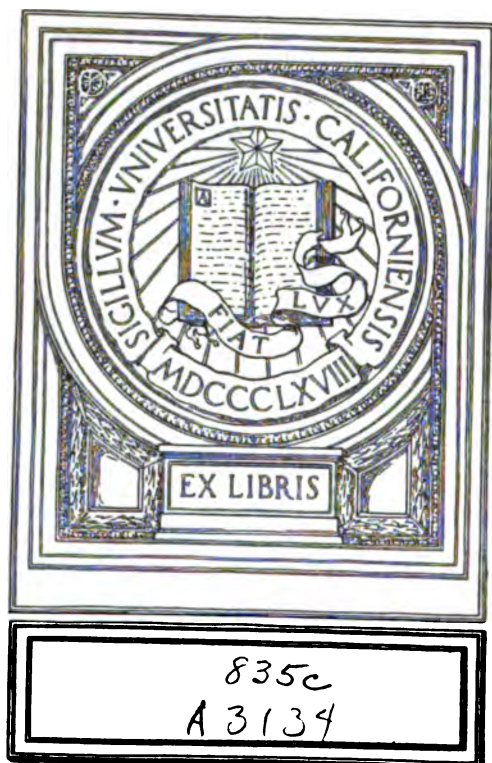

UC-NRLF
B 3 794 139

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ

О

ЯЗЫКѢ И СЛОВЕСНОСТИ

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ

о

ЯЗЫКѢ И СЛОВЕСНОСТИ.

ВЪ ЗАСѢДАНІЯХЪ

II-го ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

1854 и 1855 гг.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1855.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ, 1-го Ноября 1855 г.

Непремѣнный Секретарь *А. Миддендорфъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ

О ЯЗЫКѢ И СЛОВЕСНОСТИ.

I.

ПАМЯТНИКИ X-го ВѢКА ДО ВЛАДИМИРА СВЯТАГО. *)

Записка И. И. Срезневскаго.

Со времени крещенія Владимира святаго и его Руси южной и сѣверной слово Русское, оживляемое духомъ христіанства, стало все болѣе обогащаться дарами просвѣщенія. Книги Слова Божія и творенія отцевъ церкви, изліянія убѣжденій нашихъ домашнихъ наставниковъ, духовныя пѣсни, церковныя правила и сказанія, жизнеописанія, повѣсти о дѣлахъ минувшихъ—давали уму и чувству Русскаго читателя пищу обильную и разнообразную. Такъ было съ XI вѣка. А до этого времени — ужели не было ничего? И до 988 года были на

*) При возобновленіи Историческихъ чтеній о языкѣ и словесности Отдѣленіе предположило остановиться прежде всего на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые были уже въ прошломъ году предметомъ разсужденій въ засѣданіяхъ и по особеннымъ обстоятельствамъ не вошли въ составъ Чтеній. Исполняя порученіе Отдѣленія, ограничиваюсь на первый разъ представленіемъ нѣсколькихъ соображеній о памятникахъ древнѣйшаго времени.

Руси христіане — даже вѣроятно въ большемъ числѣ, чѣмъ можетъ инымъ казаться; были христіане и при княгинѣ Ольгѣ, и при Оскольдѣ и Дирѣ, и даже ранѣе. Были слѣдовательно и книги. Эти книги были не только списки трудовъ первоучителей Славянскихъ, Константина и Меѳодія и ихъ учениковъ, приносимыя намъ отъ Славянъ югозападныхъ изъ-за Дуная; но и домашнія Русскія, какъ свидѣтельствуетъ сохраненное преданіемъ сказаніе самого Константина философа, видѣвшаго въ Херсонѣ Русскій переводъ Евангелія и Псалтыря еще въ то время, когда самъ онъ не начиналъ своего подвига просвѣщенія Славянъ. Были свои домашнія религіозныя книги, о которыхъ осталось только темное воспоминаніе. Ужели не осталось ничего кромѣ воспоминанія? Въ лѣтописяхъ сохранились четыре Договора съ Греками, и первый изъ нихъ относится къ одному изъ первыхъ лѣтъ X-го вѣка. Эти Договоры драгоцѣнны по даннымъ, изображающимъ бытъ Русскаго народа во время Олега, Игоря и Святослава, какъ могли его выразить Греки, ихъ составлявшіе, и какъ могли допустить Русскіе, для которыхъ ихъ составляли и потомъ переводили. Но это не подлинники, а переводы съ Греческаго, переводы несвободные, выразившіе случайно только то, что было Грекамъ нужно, и такъ, какъ было нужно. Ужели не сохранилось ничего болѣе? Есть еще преданія о подвигахъ Кія и братьевъ, Оскольда и Дира, Олега, Игоря, Ольги, Святослава и ихъ дружинъ, занесенныя въ лѣтописи рядомъ съ краткими замѣтками о другихъ дѣлахъ того времени, преданія, на которыхъ лежитъ печать народной поэзіи. Но эти преданія должны были образоваться въ памяти народной изъ историческихъ расказовъ постепенно уже тогда, когда событія, въ нихъ переданныя, отошли къ числу давнопрошедшихъ, и занесены могли быть

лѣтописцами еще позже; притомъ же и передавались онѣ лѣтописцами, пересказывались ими недословно такъ, какъ ходили въ народѣ. Онѣ драгоцѣнны только, какъ изображенія древняго быта предковъ въ томъ видѣ, какъ понимали его потомки — можетъ быть въ XI или даже и XII вѣкѣ. Ужели же отъ нашей древности до-Владимировской не осталось ничего болѣе? Между памятниками древности бываютъ сложные, памятники двухъ-трехъ различныхъ вѣковъ разомъ — въ родѣ палимпсестовъ, на которыхъ сквозь начерченныя вновь, хотя и древнія письмена виднѣются другія вытертыя, еще болѣе древнія, въ родѣ Каринтійскаго престола, древняго остатка Славянъ Дравскихъ, между камнями котораго есть и намогильный камень Римскій съ Латинскою надписью *). Нѣтъ ли и у насъ хоть такого остатка отъ первоначальныхъ вѣковъ нашей Русской жизни, Русскаго труда, Русской образованности—образованности, конечно, не въ томъ значеніи, которое связывается съ понятіемъ о ней при мысли о времени нашемъ, а въ томъ общемъ, которое не чуждо ни одному образующемуся народу во всѣ вѣка его жизни?

Не знаю, былъ ли предлагаемъ такой вопросъ; но дан-

---

*) Этотъ памятникъ—Kärntens Hergogs-Stuhl—какъ написано на рѣшеткѣ, его окружающей—находится у большой дороги въ С. Веитъ, въ милѣ отъ Клагенфурта (Цѣловца). На одномъ изъ камней есть надпись: мд(н)svяti vяai, что нѣкоторые изъ ученыхъ хотѣли читать по Славянски и именно на нарѣчіи Каринтійскомъ, но, конечно, напрасно. Хотя и справедливо, что ma sveti veri (Ст. Слав. мна сватж вѣрж) не непонятно для нынѣшняго Каринтійскаго Словенца, и было бы кстати на памятникѣ, гдѣ возсѣдалъ когда то повелитель народа среди своихъ подданныхъ; но тогда бы камень не поставленъ былъ, какъ стоитъ, съ боку, рубомъ, такъ что и буквы надписи легли съ верху въ низъ бокомъ; да и не кстати было бы повтореніе на томъ же камнѣ съ другой стороны слова vяai. Ясно, что это памятникъ Мансвету Веру.

ныя для отвѣта виднѣлись не одному изъ нашихъ изслѣдователей. Вспоминая здѣсь о замѣчаніяхъ, высказанныхъ въ этомъ отношеніи сочленами нашими *), я позволяю себѣ отвѣчать на предложенный вопросъ положительно — съ обозначеніемъ тѣхъ данныхъ, которыя мнѣ представились въ слѣдствіе личнаго изученія того, что мнѣ казалось для этого нужнымъ. Отвѣтъ на вопросъ находится въ нашихъ лѣтописяхъ. Наши древнія лѣтописи — памятники такого же рода, какъ помянутый Каринтійскій престолъ: онѣ древни, но составлены изъ частей еще болѣе древнихъ, — и нѣкоторыя изъ этихъ частей принадлежатъ до-Владимировскому времени. — Передавая снисходительному суду сочленовъ соображенія о томъ, въ какое время начаты были наши лѣтописи, присоединяю къ нимъ и посильный отвѣтъ на вопросъ, въ какомъ видѣ онѣ были первоначально составляемы, и гдѣ и кѣмъ были писаны **).

I. Воспоминаніе о древнихъ лѣтописяхъ Русскихъ неразрывно съ воспоминаніемъ о Несторѣ.—Несторъ жилъ въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка; «Повѣсть временныхъ лѣтъ», освященная его именемъ, оканчивается 1110-мъ годомъ; а между тѣмъ въ ней есть воспоминанія о событіяхъ не только VII—VIII вѣка, но и болѣе раннихъ, и рядъ годовыхъ чиселъ начинается въ ней съ 6360 = 852 года. Исключивъ изъ числа лѣтописныхъ сказаній, въ нее вошедшихъ, всѣ тѣ, ко-

*) Кому неизвѣстны заслуги, оказанныя въ отношеніи къ разъясненію древностей Русскихъ П. Г. Бутковымъ, М. П. Погодинымъ и Я. И. Бередниковымъ?

**) Кое что объ этомъ было уже мною высказано въ статьѣ о новыхъ изслѣдованіяхъ касательно лѣтописей Новгородскихъ (Изв. II. 18—27, 70—78). Не повторяя всего, вношу сюда только то, что мнѣ кажется нужнымъ для нѣкоторой полноты очерка. Вмѣстѣ съ этимъ не могу умолчать, что нѣкоторыя изъ соображеній, здѣсь мною доказываемыя, были уже высказаны М. П. Погодинымъ.

торыя могли быть заимствованы изъ Византійскихъ или Болгарскихъ источниковъ, все ёще останется довольно значительное число событій, о которыхъ лѣтописецъ могъ узнать только изъ источниковъ домашнихъ. Рядъ этихъ событій отмѣченныхъ годами, начинается въ Несторовой лѣтописи 6367-мъ (859—860) годомъ: «Имаху дань Варязи, пришедше изъ заморья». Съ 860-хъ до 1110-хъ годовъ прошло два вѣка съ половиной. Поддерживать преданіемъ годы событій такого пространства времени память народная не могла. Не могъ слѣдовательно и Несторъ первый примѣнить повременности лѣтъ къ повременности событій. У него подъ руками были слѣдовательно лѣтописныя замѣтки, хотя бы и безжизненныя по изложенію, безсвязныя по взаимному соотношенію, въ томъ же родѣ какъ замѣтки древнихъ анналистовъ западной Европы, но замѣтки погодныя, сдѣланныя еще тогда, когда можно было замѣтить вѣрно, когда именно случилось какое происшествіе.

Пользуясь такими замѣтками, и находя иногда между ними противорѣчія, Несторъ старался добраться истины, и предпочетши одно сказаніе другому, не считалъ безполезнымъ даже оспорить то, что казалось ему неправдой. Такъ говоря объ основаніи Кіева, онъ замѣтилъ, что «ини не свѣдуще рекоша, яко Кыи перевозникъ былъ: аще бо бы перевозникъ Кыи, не бы ходилъ Царюграду». Такъ говоря о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ, онъ замѣтилъ, что «се же несвѣдуще право глаголють, яко крьстилъся есть въ Кыевѣ, и ини же рѣша—Василеви, друзии же инако скажють». Нужда оспаривать описанія событій указываетъ на нѣсколько періодовъ составленія лѣтописей до начала XII вѣка, указываетъ на то, что лѣтописцы поздніе вставляли замѣтки о важнѣйшихъ событіяхъ по слухахъ, безъ помощи лѣтописей древнихъ, гдѣ

могли найти сказанія болѣе достовѣрныя, а слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что были лѣтописи очень древнія, очень близкія ко времени событій, которыхъ сказанія можно было считать достовѣрными. Нельзя забыть еще, что Несторъ, пользуясь прежними лѣтописными замѣтками, не имѣлъ ихъ всѣхъ подъ рукою, или по крайней мѣрѣ не пожелалъ воспользоваться всѣми безъ исключенія: теперь эти пропуски надо дополнять изъ другихъ лѣтописныхъ сборниковъ, составленныхъ или независимо отъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» Нестора, каковы напр. Новгородскіе, или по Нестору, но позже, каковы Софійскіе, Псковскіе и т. д.

Черезъ сто лѣтъ съ небольшимъ послѣ крещенія Владимира уже различно говорили, гдѣ онъ крестился; слѣдовательно въ продолженіи ста лѣтъ съ небольшимъ не выдержало себя народное преданіе вѣрно—въ отношеніи къ одному изъ самыхъ важнѣйшихъ событій того времени. Можно ли послѣ этого думать, что оно бы выдержало вѣрно годы событій не ста, а 250 лѣтъ? Но пусть бы выдержало оно и сто лѣтъ; то все же 860-е годы должны были быть отмѣчены не позже 960-хъ, 900-е не позже 1000-хъ, и т. п.,—и все таки, разумѣется, годы только самыхъ важнѣйшихъ событій, а не всѣхъ безъ исключенія. Допустимъ еще, что нѣкоторые другіе годы были указаны по соображенію съ извѣстными годами главнѣйшихъ событій; но за исключеніемъ и этихъ годовъ, останется еще довольно много такихъ, которые никакъ не могутъ оставаться въ памяти по самому значенію происшествій, какъ напр. 864-й годъ, когда возмутились было Новгородцы противъ Варяговъ,—867-й годъ, когда нѣкоторые изъ Новгородцевъ бѣжали въ Кіевъ, гдѣ между тѣмъ былъ голодъ, — 903-й годъ, какъ годъ женидьбы Игоря на Ольгѣ,—942 годъ, какъ годъ рож-

денія Святослава, и т. д. Если все это такъ, то смѣло можно сказать, что лѣтописныя замѣтки были на Руси уже въ началѣ X вѣка и съ тѣхъ поръ были продолжаемы.

Подтвержденіе такого заключенія находимъ въ самыхъ описаніяхъ событій этого отдаленнаго времени. Конечно, многія подробности могли быть долгое время не заносимы въ краткія лѣтописи и удерживаться въ памяти устнымъ преданіемъ, естественно облекаясь при пересказѣ въ формы эпопей: такихъ пересказовъ есть нѣсколько въ лѣтописи Нестора изъ временъ Олега, Игоря, Ольги, Святослава.... Многія другія подробности, оставаясь безъ этого пересозданія, должны гибнуть изъ памяти, и если не погибли и занесены въ лѣтопись, то должны были быть занесены въ свое время. Чѣмъ онѣ отрывочнѣе и—если можно такъ выразиться—временнѣе, тѣмъ скорѣе гибнутъ, или скорѣе заносятся въ лѣтопись. Есть нѣсколько такихъ и между подробностями нашихъ лѣтописей. Обозначу нѣкоторыя.

— «Въ лѣто 6367 (859) Козари имаху на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вятичѣхъ, имаху *по бѣлѣи выверицѣ отъ дыма*».

— «Въ лѣто 6390 (882)....Олегъ.... устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода *гривенъ* 300 *на лѣто*, мира дѣля—*иже и нынѣ даютъ*». Это *нынѣ* продолжалось, какъ объяснено въ лѣтописи Несторовой, до смерти Ярослава.

— «Въ лѣто 6391 (883) поча Олегъ воевати Деревляны и примучивъ я, имаше на нихъ дань по *чернѣ кунѣ*.»

— «Въ лѣто 6392 (884) иде Олегъ на Сѣверяны, и възложи на нь *дань легъку*, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити.»

— «Въ лѣто 6393 (885) посла Олегъ къ Радимичемъ,

рька: кому дань даите? Они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не даите Козаромъ, но мнѣ даите. И вдаша Ольгови *по щьлягу, ꙗкоже Козаромъ даꙗху.*»

— «Въ лѣто 6419 (912) ꙗвися звѣзда велика на западе *копьйнымъ образомъ.*» (Сравн. Annal. Alaman. Colon. Besun. Corbej. Mellic. у Перца въ Scriptores r. G. I, 55, 98. II, 249. III, 4. IX, 496 и пр.)

— «Въ лѣто 6422 (914) иде Игорь на Древꙗны и побѣдивъ възложи на ня дань *большю Ольговы.*» Въ то время когда записывали объ Игоревомъ походѣ на Древлянъ памятенъ былъ походъ Олеговъ 6391 (883) года, и еще умѣли сравнивать ихъ послѣдствія, слѣдовательно эти событія не были еще затуманены въ памяти событіями болѣе важными; а съ Древлянами князья Кіевскіе воевали часто.

— «Въ лѣто 6423 (915) приидоша Печенѣзи *первои* на Рус'кую землю». Не странно ли, что спустя 33 года послѣ этого, подъ 6476 (968) опять записано: «приидоша Печенѣзи на Рус'ку землю *первои*». Считать это повтореніе нельзя простою опискою. Позволительнѣе думать, что въ 915 Печенеги пришли въ первый разъ со времени начала княженія Игоря, а въ 968 тоже въ первый разъ со времени начала княженія Святослава. Эти воспоминанія о первыхъ появленіяхъ Печенѣговъ въ области Русской, не затемненныя воспоминаніями о ихъ послѣдовавшихъ набѣгахъ, мнѣ кажется, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ давно занесены онѣ въ рядъ замѣтокъ лѣтописныхъ.

— Во время смерти Игоря при юномъ Святославѣ воеводою былъ Свѣнельдъ (= Свѣналдъ = Свѣнгелдъ = Свинделдъ = Свиндѣлъ = Свѣнтелъ и т. п.) «*тъ же отьць Мистишинъ* (=Мьстишинъ)». Имя Свѣнельда не разъ упо-

мянуто въ лѣтописи и прежде и послѣ этого намека, на протяженіи слишкомъ 60-ти лѣтъ (съ 914 до 977 года), какъ имя воеводы княжеской дружины. Одинъ-ли и тотъ же витязь является тутъ подъ этимъ именемъ или разные, все равно; но замѣтка о Свѣнельдѣ какъ объ отцѣ Мистиши въ 945-мъ году указываетъ на то, что въ то время, когда эта замѣтка сдѣлана, былъ на виду и другой Свѣнельдъ, если не два или три, и что его надобно было отличить именемъ сына. Сынъ Свѣнельда Мистиша (если только подъ его именемъ не скрывается Лютъ Свѣнельдичь, убитый Олегомъ Древлянскимъ на охотѣ въ 975 году), ни разу болѣе не вспоминается, ни почему другому не нашелъ себѣ права на память лѣтописца; онъ былъ слѣдовательно важенъ для лѣтописца только какъ современникъ, и могъ быть замѣченъ только современникомъ— слѣдовательно еще въ X вѣкѣ.

— «Въ лѣто 6454 (946) возложи (Ольга) на ня (на Древлянъ) дань тяжьку: *двѣ части дани* идета Кыкву, а *третьюю* Вышегороду къ Ользѣ». Слѣдующее за тѣмъ выраженіе «бѣ бо Вышьгородъ градъ Вользинъ» прибавлено, безъ сомнѣнія, позже.

— Въ лѣто 6455 (947) иде Вольга Новуграду и устави по *Мьстѣ* повосты (= погосты) и дани, и по *Лузѣ* погосты, оброки и дани». Послѣдующимъ лѣтописцемъ прибавлены объясненія: «и сани кк стоять въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и кстъ село кк Ольжичи и доселѣ».

— Въ лѣто 6472 (964) ....(Святославъ) иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи, и рѣче Вятичемъ: кому дань дакте? Они же рѣша: Козаромъ *по щьлягу отъ рала дакмъ.*

— Въ 6477 (969) «умре Ольга *іюля въ 11-й день*». До сихъ поръ мы празднуемъ этотъ день....

— Въ 6479 (971) «приде Святославъ (изъ Болгаріи Дунайской) къ порогомъ, и не бѣ лзѣ пройти порогъ, и възвратися въспять до устья Днѣпрьского, и ста зимовати въ лузѣ моря и на Бѣлѣ берегу (= въ Бѣлобережьи), бѣ бо зима приспѣ, и не бѣ у нихъ брашьна уже, и бѣ гладъ великъ, *яко по полугривнѣ глава коняча*». Послѣднее замѣчаніе обличаетъ современника, спутника Святославова, одного изъ тѣхъ немногихъ, которые успѣли избѣгнуть смерти или плѣна Печенѣжскаго вмѣстѣ съ воеводою Свѣнельдомъ, или послѣ освободившагося изъ плѣна.

Можемъ заключить, что лѣтописныя замѣтки велись уже во время Игоря и Святослава.

Какими же годами оканчивались эти перволистки нашей лѣтописной литературы? Мнѣ кажется, есть возможность отвѣчать и на этотъ вопросъ. Отвѣтъ находимъ между прочимъ въ перечнѣ лѣтъ по княженіямъ, находящемся въ Несторовой лѣтописи. Этотъ перечень оканчивается сводомъ лѣтъ: «отъ смерти Святославли до смерти Ярославли лѣтъ 85, а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи 60». Тутъ счетъ Русскихъ лѣтописныхъ лѣтъ раздѣленъ на три части: 1) до смерти Святослава, 2) до смерти Ярослава, 3) до смерти Святополка. Для чего нужно было это дѣленіе? Само по себѣ, конечно, ни для чего, потому что и безъ него числа, какъ очевидно были извѣстны. Оно слѣдовательно прибавлено случайно, независимо отъ воли лѣтописца, — только по отношенію лѣтописца къ тѣмъ лѣтописямъ, изъ которыхъ бралъ онъ матеріалъ. Годомъ смерти Святополка думалъ заключить свою лѣтопись тотъ лѣтописецъ, который пережилъ Святополка (1114 г.); го-

домъ смерти Ярослава оканчивался трудъ одного изъ его предшественниковъ; годомъ смерти Святослава оканчивалась хоть одна изъ лѣтописей прежде, чѣмъ продолжена была далѣе. Такимъ образомъ одна изъ древнѣйшихъ лѣтописей доведена была не далѣе какъ до 972 года. Но и эта была не первая, не самая древняя, какъ видно изъ вышепредставленныхъ данныхъ, изъ современности лѣтописныхъ замѣтокъ годамъ, подъ которыми они записаны и подробностямъ событій, отмѣченныхъ подъ этими годами.—Тоже видно и изъ сопоставленія событій не-Русскихъ съ Русскими. Въ лѣтописи Несторовой находимъ цѣлый рядъ событій, относящихся исключительно къ судьбамъ Византіи и Болгаріи. Рядъ такихъ событій начинается началомъ царствованія императора Михаила (6360 = 852) и оканчивается набѣгомъ Угровъ на Царьградъ (6451 = 943). Нѣкоторыя изъ этихъ событій стоятъ въ лѣтописи совершенно отдѣльно отъ событій Русскихъ: напр: «Въ лѣто 6366 Михаилъ царь изиде съ вои на Болгары.... Въ лѣто 6376 поча царьствовати Василии». Нѣкоторыя другія стоятъ въ лѣтописи на первомъ мѣстѣ, а событія Русскія за ними, или напротивъ; напр. «Въ лѣто 6421 поча княжити Игорь по Олзѣ. Въ се же время поча царьствовати Костантинъ.... И Древляне заратишася отъ Игоря по Ольговѣ смерти. Въ лѣто 6422 иде Игорь на Древляны.... Въ тоже лѣто приде Симеонъ Болгарьскыи на Царьградъ». Такого соединенія событій Русскихъ съ не-Русскими въ лѣтописи первоначальной быть не могло: оно было слѣдствіемъ существованія предварительнаго лѣтописи чисто Русской, къ которой бы послѣ могли быть прибавлены замѣтки не-Русскія, или изъ которой взяты замѣтки Русскія для дополненія лѣтописи не-Русской. Самый поверхностный взглядъ на содержаніе Несторовой лѣтописи до-

статоченъ для того, чтобы рѣшить, что не Русскими событіями умножена лѣтопись Византійско-Болгарская, а напротивъ лѣтопись Русская событіями Византіи и Болгаріи. Отъ чего же эти добавки Византійскія и Болгарскія прекращаются на 943 годѣ? (Далѣе слѣдуютъ только такія сказанія о дѣлахъ Византійскихъ, которыми поясняются сказанія о Русскихъ дѣлахъ). Отъ того, сказать можно, что до этого года продолжалась та Византійско-Болгарская лѣтопись, которою пользовался Русскій лѣтописецъ. Но какой же Русскій лѣтописецъ могъ пользоваться Византійско-Болгарскою лѣтописью, оканчивающеюся на половинѣ X вѣка? Какой Русскій лѣтописецъ времени напр. Владиміра святаго или Ярослава и т. д. дополняя свою лѣтопись событіями Византіи и Болгаріи до половины X вѣка, былъ бы принужденъ на этихъ годахъ разомъ прекратить этого рода дополненія, и отъ чего? Отъ чего никто изъ лѣтописцевъ Русскихъ древнихъ не продолжалъ этого способа обогащать лѣтопись любопытными данными? Отъ того, что не считалъ нужнымъ. Слѣдовательно прежде это могло считаться нужнымъ? Когда же прежде, какъ не тогда, когда старая Русская лѣтопись могла быть доведена только до половины X вѣка, не позже времени Святослава?

II. Нѣкоторымъ изслѣдователямъ кажется несомнѣннымъ, что первые образцы лѣтописей, въ подражаніе которыхъ стали у насъ составлять Русскія лѣтописи, явились къ намъ изъ Греціи, что древнѣйшія изъ нашихъ лѣтописей были сколки съ лѣтописей Византійскихъ. Многія обстоятельства подтверждаютъ это мнѣніе, по видимому, неопровержимо. Да и можно ли отказаться отъ убѣжденія, что съ принятіемъ всѣхъ началъ христіанской образованности отъ Грековъ, наши предки у Грековъ должны были искать и образцовъ

для произведеній искуства и науки, должны были искать и дѣйствительно искали и находили? Впрочемъ, ни сколько не ослабляя въ себѣ этого убѣжденія, достойнаго полной довѣренности и непоколебимаго никакимъ сомнѣніемъ, можно вмѣстѣ съ нимъ неразрывно допустить и другое убѣжденіе, не менѣе справедливое и оправдываемое здравымъ смысломъ, что и Русскіе, подобно всѣмъ другимъ народамъ, хоть сколько нибудь должны были чувствовать потребности духовныя и удовлетворять имъ сами по себѣ, независимо отъ помощи болѣе образованныхъ сосѣдей. Въ числѣ этихъ потребностей одна изъ самыхъ главныхъ есть память прошлаго и стремленіе увѣковѣчить эту память преданіемъ и письмомъ (принимаю это слово въ самомъ обширномъ смыслѣ). Помнить достойныя памяти событія, передавать расказъ о нихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, утверждать воспоминаніе о нихъ какими бы то ни было знаками — насыпями или грудами камней, рѣзами или чертами на деревѣ, на камнѣ, на тѣлѣ своемъ, на металлѣ, на кожѣ или бумагѣ — такъ естественно, такъ необходимо, такъ обще всюду было, есть и будетъ, какъ естественно, необходимо и обще людямъ сообщаться другъ съ другомъ посредствомъ дара слова. Тутъ зачало не только всѣхъ возможныхъ памятниковъ, надписей, записей, лѣтописей, но и самыхъ искуственныхъ и сложныхъ видовъ повѣствованій. Формы заимствуются, переносятся изъ странъ въ страны, распространяются какъ и мысли; но могутъ и должны являться и независимо, сами собою безъ заимствованія. Чѣмъ проще и естественнѣе мысль или форма, тѣмъ труднѣе доказать, что она занята, тѣмъ легче предполагать, что она порождена естественною потребностью. Что же естественнѣе какъ замѣчать происшествія однѣ за другими по порядку времени, и

пользоваться для этого тѣмъ пособіемъ, какое выгоднѣе, сподручнѣе? Что же для этого выгоднѣе и сподручнѣе таблицы, въ которой впередъ занесены годы въ порядкѣ одни за другими, въ которой стоитъ только записывать, чтò когда случилось, на сколько есть мѣсто и нужно не забыть? Лишь бы была такая таблица подъ рукою. А что такія таблицы были въ ходу у нашихъ первыхъ лѣтописцевъ, эко доказываютъ ряды годовыхъ цифръ безъ всякихъ лѣтописныхъ замѣтокъ, ряды цифръ, иногда очень изрѣдка прерываемыя замѣтками. Вотъ примѣръ перечета лѣтъ съ рѣдкими замѣтками изъ Несторовой лѣтописи: — Въ лѣто 6393 посла Олегъ къ Радимичемъ.... Въ лѣто 6394. Въ лѣто 6395. Въ лѣто 6396. Въ лѣто 6397. Въ лѣто 6398. Въ лѣто 6399. Въ лѣто 6400. Въ лѣто 6401. Въ лѣто 6402. Въ лѣто 6403. Въ лѣто 6404. Въ лѣто 6405. Въ лѣто 6406 идоша Угри мимо Кыевъ горою....» Такихъ пустыхъ годовъ безъ лѣтописныхъ замѣтокъ въ лѣтописи Нестора 107 изъ 259 лѣтъ (отъ 6360 до 6618), а въ 1-й Новгородской изъ первыхъ 97 лѣтъ, въ ней сохранившихся (отъ 6525 до 6622)—47. Записыванье пустыхъ цифръ лѣтъ безъ замѣтокъ соблюдено во всей Несторовой лѣтописи, гдѣ послѣдній годъ, занесенный одною цифрой есть 6595 (1087). Въ Лаврентьевскомъ продолженіи Нестора господствуетъ таже форма, какъ видно изъ лѣтъ 6670, 6671, 6699, 6768, 6794, вставленныхъ безъ надобности. Она господствуетъ и въ лѣтописи Ипатьевской, гдѣ занесены безъ событій годы 6647, 6750, 6752, 6775, 6783. Она господствуетъ и въ 1-й Новгородской, гдѣ даже начальные годы XIV вѣка, 6814 и 6815, отмѣчены безъ всякихъ данныхъ. Конечно, съ теченіемъ времени неопущенье пустыхъ годовыхъ цифръ могло остаться, какъ простое слѣд-

ствіе обычая, иногда удерживаемаго даже противъ желанія (какъ видно изъ позднѣйшихъ приписокъ при пустыхъ годахъ. «тишина бысть, мирно бысть, ничего не бысть»); но въ началѣ, первою причиною ихъ занесенья не могло быть, кажется, ничто другое, кромѣ табличной формы лѣтописей. Погодныя таблицы, примѣненныя къ кругу церковныхъ праздниковъ, ежегодно измѣняющихся во времени, были занесены къ намъ, безъ сомнѣнія, изъ Греціи; но таблицы, а не образцы лѣтописей. Погодныя таблицы Русскія могли быть начаты и прежде появленія таблицъ церковныхъ — таблицы иного рода, съ цифрами не годовъ отъ сотворенія міра, а съ какими нибудь другими. Въ этихъ таблицахъ записывали событія у годовъ, когда онѣ случились, минуя безъ замѣтокъ годы, подъ которыми записать было нечего, записывали коротко, не думая о связи событій: таковы были наши первыя лѣтописи, какъ видимъ и въ ихъ передѣлкахъ послѣдующаго времени, умноженныхъ различными вставками. Развѣ не высказываютъ онѣ сами собою младенчества письменности? Развѣ такія лѣтописи были въ ходу у Грековъ того времени, когда у насъ начиналась дѣятельность лѣтописная? Развѣ изъ такихъ Греческихъ лѣтописей дѣлали послѣ выписки тѣ изъ нашихъ лѣтописцевъ, которымъ впервые пришлось задуматься надъ возможностью придать Русскимъ воспоминаніямъ о прошломъ болѣе жизни и достоинства внѣшняго? Образцы Греческіе могли въ свое время найти себѣ у насъ сочувствіе, и дѣйствительно нашли; но первоначальные наши лѣтописцы не имѣли нужды выжидать ихъ появленія, ихъ пересмотра и изученія для того, чтобы начать свои замѣтки.

Несомнѣннымъ кажется мнѣ, что у насъ было въ этомъ отношеніи то же, что и на западѣ Европы. Требованія историческаго искуства проникли тамъ на сѣверъ съ юга довольно

рано: онѣ отразились уже на повѣствованіяхъ Іорнанда въ VI вѣкѣ, такъ же какъ послѣ на повѣствованіяхъ Григорія Турскаго, Фредегара, Льва Діакона и т. д. И однако монастырскіе лѣтописцы долго не слѣдовали этимъ образцамъ, а заносили замѣтки о событіяхъ въ погодныя таблицы безъ связи, безъ подробностей, минуя цѣлые ряды лѣтъ безъ всякихъ замѣтокъ. Сравнивая эти лѣтописи съ нашими не найдемъ въ формѣ никакой разницы. Только постепенно лѣтописи этого рода пріобрѣтали тамъ ту занимательность подробностей и связности событій, за которою наконецъ должна была скрыться ихъ первоначальная сухость и безжизненность; только постепенно дошли онѣ до такой послѣдовательности въ разсказѣ, какова напр. въ запискахъ Титмара или Гельмольда. Не разомъ у нихъ явились «*повѣсти* временныхъ лѣтъ». Не разомъ могли онѣ явиться и у насъ. Не даромъ народная память, забывши имена многихъ лѣтописцевъ, сберегла отъ забвенія священное имя Нестора: онъ, конечно, былъ тѣмъ первымъ лѣтописцемъ Русскимъ, который воспользовавшись безсвязными замѣтками прежняго времени, разсказами современниковъ, житіями, актами, и тѣмъ, что вычиталъ у писателей Византійскихъ, прежде всѣхъ другихъ придалъ своей «Повѣсти» о дѣлахъ минувшихъ связность и занимательность, жизнь и достоинство, подобно Козьмѣ Пражскому у Чеховъ или Мартыну Галлу у Поляковъ *). Онъ первый указалъ высокій образецъ для подражанія другимъ лѣтописцамъ, и тѣмъ болѣе былъ цѣнимъ, что ему трудно было подражать. Изъ его современниковъ и

*) Chronicon Boemorum Козьмы Пражскаго представляетъ также перечетъ лѣтъ, съ 894 до 1125, безъ пропуска тѣхъ, подъ которыми нечего было записать. Ряды пустыхъ лѣтъ очень значительны, на пр. съ 895 до 929, съ 933 до 967 и т. п.

ближайшихъ послѣдователей не нашлось ни одного, кто бы составилъ такую же лѣтопись о томъ же времени, — и потому онъ остался не только первымъ, но и единственнымъ: его переписывали и продолжали всюду, гдѣ могли имѣть его книгу и умѣли цѣнить безпристрастно ея достоинство. Изъ этого не слѣдуетъ однако, что Несторъ пересказывалъ событія всегда своими словами. Очевидно напротивъ, что онъ вносилъ въ свою лѣтопись описанія событій такъ, какъ находилъ ихъ въ избранномъ источникѣ, только связывалъ ихъ въ одно цѣлое, на сколько это было возможно: тутъ его величайшая заслуга какъ лѣтописца, вѣрнаго своему призванію, понятая послѣдователями и потому принятая за образецъ. Сохраняя все, какъ нашелъ, Несторъ принужденъ былъ внести въ свою лѣтопись и краткія замѣтки прежнихъ лѣтописцевъ иногда безъ всякихъ дополненій, безъ возможности соединить ихъ въ одно цѣлое съ описаніями событій прежнихъ и послѣдовавшихъ. Такимъ образомъ, отдѣливши изъ его лѣтописи все, что прибавлено имъ, или послѣ него, лишь бы сумѣли сдѣлать это, мы получимъ значительную часть состава древнихъ лѣтописей, необильныхъ подробностями, сжатыхъ въ изложеніи, отрывочныхъ въ составѣ, но правдивыхъ, и все таки лѣтописей, гдѣ замѣтки о событіяхъ были внесены въ погодныя таблицы.

Эти таблицы могли быть и церковными, съ годами отъ сотворенія міра; могли быть и нецерковными, съ годами напр. княженія каждаго князя и т. п. Какія же были онѣ у насъ первоначально? Мнѣ кажется, таблицы годовъ по княженіямъ или иныя въ этомъ родѣ. Это видно изъ слѣдующаго:

— Въ лѣтописи, освященной именемъ Нестора, первую годовую цифру находимъ при общемъ перечнѣ лѣтъ: «Въ лѣто 6360 индикта 15-к, наченшю Михаилу царствовати, нача ся

прозывати Рус'ка земля. О семь бо увѣдѣхомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишеться въ Лѣтописаньи Гречьстѣмъ. Тѣмъ же отселѣ поч'немъ и числа положимъ,—яко отъ Адама до потопа лѣтъ 2240 и 2» и пр. «А отъ перваго лѣта Михаилова до первого лѣта Олгова Рус'каго князя лѣтъ 29; а отъ первого лѣта Олгова, понеже сѣде въ Киевѣ, до первого лѣта Игорева лѣтъ 31; а отъ первого лѣта Игорева до первого лѣта Святославля лѣтъ 33; а отъ перваго лѣта Святославля до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополкъ княжи лѣтъ 8» и пр. У составителя этого перечня лѣтъ или того прежняго перечня, по которому составленъ этотъ, очевидно, была хронологическая таблица лѣтъ отъ сотворенія міра съ отмѣтками нѣкоторыхъ происшествій Византійскихъ и—списокъ происшествій Русскихъ по годамъ княженій: его дѣломъ было приравнить годы княженій къ годамъ отъ сотворенія міра. Сдѣлавши это, онъ перемѣнилъ хронологическую сѣть одну на другую, и далъ лѣтописи новый видъ. Ясно, что и прежде она имѣла видъ лѣтописи.

— Остатками хронологической сѣти по годамъ княженій могутъ считаться и слѣдующія замѣтки въ самой лѣтописи: 1. Подъ 6420 (912), гдѣ описана смерть Олега, сказано: «и бысть всѣхъ лѣтъ его княженія 33». Замѣтимъ, что, по перечню, Олегъ княжилъ въ Кіевѣ 31 годъ; конечно, это не ошибка: Олегъ умеръ осенью 6420 — 6421 года, это было его послѣднее 31-е лѣто, слѣдовательно первое было въ 6390-мъ году, т. е. лѣтомъ 6390 года Олегъ предпринялъ походъ на Смоленскъ и Любечь, и успѣлъ овладѣть Кіевомъ уже передъ зимою. Что же касается до 33-хъ лѣтъ княженія Олега, то счетъ начинается отъ года смерти царя Михаила, съ 6389-го, а не съ 6391.—2. Подъ 6463 (945)

годомъ читаемъ: «Княжи Игорь лѣтъ 34, съ Ольгою лѣтъ 43». Этотъ счетъ сдѣланъ независимо отъ годовъ, указанныхъ въ Лѣтописи: по Лѣтописи Игорь женился на Ольгѣ въ 6411, сталъ княземъ въ 6421, а умеръ въ 6453 году, слѣдовательно жилъ съ Ольгою, по видимому только 42 года, а княжилъ только 32, а не 34. По перечню, Игорь княжилъ 33 года, какъ и было: Олегъ умеръ осенью—если послѣ Сентября, то въ началѣ 6421 года, — и тутъ начался счетъ лѣтъ княженія Игоря; въ 6453-мъ, когда погибъ Игорь, была послѣдняя 33-я осень его княженія. — 3. Подъ 6480 (972) годомъ читаемъ: «И всѣхъ лѣтъ княженья Святославля лѣтъ 20 и 8». Такъ означено и въ перечнѣ. Отнеся смерть Святослава къ 6480-му году, лѣтописецъ долженъ бы по этому считать начало княженія Святослава въ 6452 году; но въ этомъ году еще жилъ Игорь, погибшій въ 6453, а «начало княженія Святославля» поставлено въ лѣтописи подъ 6454-мъ годомъ, гдѣ отмѣченъ и первый его подвигъ противъ Древлянъ: «князь уже началъ». Но это противорѣчіе только кажущееся: Игорь погибъ лѣтомъ 6453; 6453-мъ годомъ начался счетъ лѣтъ княженія Святославова; конецъ лѣта 6453 года было первое лѣто княженія Святослава, а начало лѣта 6480 года, когда Святославъ, послѣ зимовки у береговъ Черноморскихъ, пошелъ вверхъ по Днѣпру къ порогамъ, было 28-е.

— Остаткомъ хронологической сѣти по годамъ княженій считать можно и занесеніе двухъ *первыхъ* появленій Печенѣговъ въ землѣ Русской, одного послѣ другаго спустя 33 года, какъ замѣчено уже было выше.

Съ счетомъ лѣтъ по княженіямъ могъ соединяться и даже быть главнымъ какой нибудь другой счетъ, теперь уже утраченный; этого пока отвергать не возможно.

III. Древность не оставила намъ ни одного лѣтописнаго сборника, въ которомъ бы всѣ факты сведены были вмѣстѣ; самые подробные своды неполны. И эта неполнота лѣтописей относится къ самому древнѣйшему времени, не только къ X-му вѣку, но и къ IX-му. Такъ въ лѣтописи Несторовой не достаетъ — подъ 6360 (852) — о походѣ Русскихъ съ Бравалиномъ на Грековъ къ Херсону, Корчеву и Сурожу, — подъ 6370 (862) — о возстаніи Кривичей, Славянъ, Чуди, Мери противъ Варяговъ, въ слѣдствіе чего призваны были братья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, — подъ 6372 — о смятеніи Новгородцевъ, о смерти Вадима, объ убіеніи Оскольдова сына въ Болгаріи, — подъ 6373 — о рожденіи Игоря, о походѣ Оскольда и Дира на Полочанъ, — подъ 6375 — о возвращеніи Оскольда и Дира въ Кіевъ, о побѣдѣ ихъ надъ Печенѣгами, о бѣгствѣ Новгородскихъ мужей въ Кіевъ, и т. д. Неполнота лѣтописей и необходимость дополнять ихъ взаимно свидѣтельствуетъ, что отъ самаго древняго времени лѣтопись велась у насъ не одна. Тоже свидѣтельствуетъ и разнообразіе счета лѣтъ, какъ отчасти уже было показано. — Есть отличія въ самомъ изложеніи событій. Такъ подъ 6370 годомъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ читаемъ: «изъбрашася 3 братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша... старѣйшии Рюрикъ (сѣде въ *Новѣградѣ*), а другыи Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ, а третии Изборьстѣ Труворъ.... По дву же лѣту.... прия власть Рюрикъ и раздаы мужемъ своимъ грады». Тоже въ Ипатьевскомъ спискѣ иначе: «Изъбрашася трие брата съ роды своими, и пояша по собѣ всю Русь, и придоша къ *Словѣномъ* и *срубиша городъ Ладогу* и сѣдѣ старѣишии въ *Ладозѣ* Рюрикъ.... По дьвою же лѣту.... прия Рюрикъ власть всю одинъ, и *пришедъ къ Ильмерю, и сруби городъ надъ*

Волховомъ, и пришедша к Новгородъ, и сѣде ту князя и раздая мужемъ своимъ волости и городы рубити». — Есть и явные слѣды списыванья въ одну лѣтопись изъ двухъ различныхъ. Такъ подъ 6453 годомъ, повторяемымъ два раза, читаемъ въ Несторовой лѣтописи при концѣ одной записи: «и присѣ осень, нача (Игорь) мыслити на Деревляны, хотя примыслити большую дань»; въ началѣ второй: «Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: Отроци Свѣнелъжи (=Свѣнделжи) изодѣлися суть оружьемь и порты, а мы нази: поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы. Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань»....

Большая часть происшествій сосредоточивается около Новгорода и Кіева: изъ этого надобно заключить, что древнѣйшія лѣтописи велись въ Новгородѣ и Кіевѣ. Есть еще намеки, что лѣтопись издревле велась и въ области Волынской; въ числѣ такихъ можно считать сравненіе даней, взятыхъ съ Древлянъ Олегомъ и Игоремъ, подробное припоминаніе о дѣлахъ Свѣнелда въ землѣ Уличей, неопредѣленное упоминаніе о Мистишѣ сынѣ Свѣнельда, который (если не былъ одно лицо съ Лютомъ, а только братомъ его), подобно отцу (и брату), могъ имѣть свои владѣнія скорѣе всего въ землѣ Деревской. Значительность этихъ намековъ увеличивается показаніями послѣдующаго времени. Теперь уже трудно отдѣлить первоначальныя части лѣтописей Новгородскихъ и Кіевскихъ, не только Волынскихъ или какихъ другихъ; но заключеніе, что лѣтописи велись независимо въ разныхъ краяхъ Руси должно остаться неоспоримымъ.

Гораздо труднѣе отвѣчать на вопросъ, что за люди были первые лѣтописцы. Скорѣе всего, это были особы духовныя: такое предположеніе оправдывается и счетомъ лѣтъ отъ со-

творенія міра. Едва ли, впрочемъ, оно можетъ быть принято исключительно. Тутъ вспомнимъ, что разногласіе постановки событій по лѣтамъ отъ сотворенія міра и по лѣтамъ княженій позволяетъ думать, что хоть нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописей были составляемы по годамъ княженій каждадаго князя, какъ было и на западѣ Европы. Кромѣ того, особы духовныя не опустили бы изъ лѣтописи обстоятельствъ, важныхъ въ церковномъ отношеніи; напр. о приходѣ первыхъ учителей вѣры Христовой въ Русь, о построеніи первыхъ церквей, о построеніи той соборной церкви св. Ильи, въ которой присягала «христианаія Русь» при заключеніи договора съ Греками въ 945, о состояніи христіанства въ Руси или по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ послѣ пріѣзда Ольги изъ Цареграда. Ничего подобнаго нѣтъ въ лѣтописяхъ до-Владимирова времени, не такъ какъ было послѣ X вѣка, когда происшествія церковныя стали быть записываемы все въ большемъ числѣ. Есть, конечно, и между замѣтками о IX — X-мъ вѣкѣ, до Владимира, нѣсколько церковныхъ (напр. повѣствованіе о подвигахъ Константина и Меѳодія, о крещеніи Оскольда и Дира, о крещеніи Ольги и пр); но всѣ онѣ носятъ на себѣ черты позднѣйшаго времени, когда уже извѣстны были источники Византійскіе, когда вмѣсто немногословной отмѣтки старались уже занести цѣлый разсказъ, когда лѣтопись была уже сборникомъ разнообразныхъ свѣдѣній и выписокъ. Не менѣе важно отсутствіе въ трудахъ нашихъ древнихъ лѣтописцевъ всего, что выражаетъ начитанность служителя церкви, знанія Св. Писанія, церковныхъ книгъ и т. п. Все это выразилось, но позже. Несторъ, вѣроятно, первый примѣнилъ свои знанія къ труду лѣтописателя, и соображая событія, задумываясь надъ ними, сопоставляя ихъ съ другими подобными,

сталъ оцѣнять ихъ взглядомъ души, проникнутой истинами вѣры Христовой. Понятно, почему древнѣйшія Русскія лѣтописи, по своему содержанію, были исключительно свѣтскія, военныя. Это, конечно, вовсе не мѣшаетъ допустить, что въ написаніи лѣтописей могли принимать участіе и лица духовныя; но принимали его не какъ духовныя лица, а какъ болѣе образованныя. И это очень естественно для времени, когда хотя лучь вѣры Христовой уже и проникнулъ въ Русь, но еще теплился середи язычества только для избранныхъ, между тѣмъ какъ и язычники могли нуждаться въ знаніи прошедшаго. Указанія на то, что лица недуховныя принимали участіе въ составленіи лѣтописей въ послѣдующее время, сдѣланы уже давно и съ полной очевидностью.

Изъ какого народа были наши древнѣйшіе лѣтописцы? Были ли это такіе же Русскіе, каковы и мы теперь? наши предки? или же чужеродцы? Вопросъ безотвѣтный, если его не подставить другимъ, болѣе осязательнымъ. На какомъ языкѣ и для кого были писаны эти лѣтописи? А при такой подстановкѣ вопроса, на отвѣтѣ трудно задуматься. Очевидно, онѣ писаны на языкѣ, который Русскіе, наши предки, могли назвать своимъ роднымъ, писаны для Русскихъ. Писали ли сами Русскіе, или же Варяги, Греки, Болгары — все равно, лишь бы писали для Русскихъ, по Русски — о томъ, что нужно было Русскимъ; а что такова была цѣль лѣтописей и древнѣйшихъ, какъ и лѣтописей послѣдующаго времени, это такъ очевидно для всякаго, кто читалъ лѣтописи или ихъ новыя передѣлки, кто знаетъ ихъ содержаніе хоть изъ историческихъ учебниковъ, что едва ли и на мысль кому бы то ни было можетъ взойти какое нибудь сомнѣніе. И тутъ огромная разница между лѣтописями западной Европы, гдѣ сказанія о подвигахъ пред-

ковъ и современниковъ, необлеченные въ поэтическія формы пѣсень и сагъ, сколько ни были народны по содержанію, по своему чуженародному языку Латинскому долгое время оставались чуждыми народу. Немногіе памятники этого рода, подобно лѣтописямъ Англосаксонской и Бретонской *), избѣгли этой общей участи. — Но какъ же могло быть, что лѣтописи, заключавшія въ себѣ замѣтки о дѣлахъ военныхъ, были писаны на языкѣ Славянъ Русскихъ, тогда какъ военныя дружины, которыхъ славу онѣ увѣковѣчивали, были не Славяне, а чужеродцы Скандинавскіе? Не скорѣе ли могло случиться, что подвиги витязей были бы для нихъ и для ихъ потомковъ записаны на ихъ собственномъ языкѣ? И однако нѣтъ и слѣдовъ того, что Русскія лѣтописи были когда нибудь писаны не по Русски, какъ нѣтъ слѣдовъ, что и Договоры съ Греками, съ ними одновременные, переведены были съ Греческаго на какой нибудь другой языкъ, кромѣ Славянскаго Русскаго, или что что бы то ни было писалось на Руси для Русскихъ не по Славянски. Конечно, все это было не безъ причинъ и, безъ сомнѣнія, причинъ важныхъ, какъ не безъ причинъ было и то, что напр. Франки и Норманы утратили во Франціи свой языкъ, передѣлавшись въ Романцевъ, или что Болгары на Дунаѣ исчезли безъ слѣда въ покоренныхъ Славянахъ.... Легко

---

*) The Saxon Chronicle, with an English translation and notes, critical and explanatory, by the Rev. *James Ingram*. 1823. Первое изданіе было въ Cantabrig. 1644: Chronologica Anglo-Saxonica cura *Abrah. Wheloci*. — Brut y Brenhinoedh или Brut Tyuyssogion — была начата въ половинѣ X вѣка и потомъ много разъ передѣлываема. Три передѣлки изданы *Овеномъ Джонесомъ* (Owen Jones Myvyr) въ его Myvyrian, Archaiology of Wales. Lond. 1802. Срав. Achaeologia Britannica by *E. Lhuyd*. Oxford. 1707. стр. 235. *Th. de la Villemarqué*, Contes des Bretons. Paris. 1842. II. стр. 319—321.

изобрѣтать вопросы и предположенія, но не проникать въ тьму прошедшаго, о которомъ осталось такъ мало свидѣтельствъ.

Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что — если вѣрны предъидущія соображенія—едва только успѣли осѣсть Варяжскія дружины въ землѣ Русской, едва только успѣли утвердить свою воинскую славу, какъ уже пишется лѣтопись о ихъ дѣлахъ на языкѣ для нихъ чуждомъ.

И такъ въ X-мъ вѣкѣ до Владимира святаго были у насъ лѣтописи и лѣтописцы; была слѣдовательно нужда имѣть ихъ, и былъ обычай сберегать эти лѣтописи, иначе бы онѣ не сберeглись; была письменность хоть въ тѣсномъ кругу....

—

Какъ бы ни мелочны и безцвѣтны казались первые проблески дѣятельности высшей въ народѣ образующемся въ сравненіи съ блескомъ той же дѣятельности въ томъ же народѣ черезъ нѣсколько вѣковъ, они всегда будутъ многозначительны для ума, слѣдящаго за судьбами народа не по домысламъ воображенія и заранѣе принятыхъ убѣжденій, а съ твердымъ желаніемъ проникнуть въ истину. Какъ бы ни мелочны и безцвѣтны казались выводы изъ наблюденій надъ всѣмъ, въ чемъ отразились эти проблески жизни давноминувшей, они могутъ принести свою долю пользы даже своей невѣрностью, пробуждая желаніе дойти до истины болѣе счастливыми путями. А нельзя не желать дойти между прочимъ и до опытовъ возстановленія древнихъ лѣтописей до-Владимировскихъ если и не дословнаго, что (въ слѣдствіе темнаго соединенія первоначальныхъ замѣтокъ лѣтописныхъ съ преданіями и измѣненіями позднѣйшаго времени) иногда рѣшительно невозможно, то по крайней мѣрѣ приблизительнаго, изъ котораго бы хоть сколько нибудь видѣнъ былъ кругъ понятій лѣтописцевъ, а слѣдо-

вательно и ожиданій тѣхъ, для кого они трудились. Пусть первыя попытки будутъ и не удачны: ужели это должно устрашать работающихъ? Странно было бы, если бъ люди ученые руководствовались только желаніемъ выказывать свою непогрѣшительность и боязнію быть пристыжеными за неизбѣжныя ошибки.

II.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ВЪ XIII ВѢКѢ.

Акад. С. П. Шевырева. *)

На границѣ между XII и XIII столѣтіями, въ послѣдней половинѣ XII-го и первой XIII-го, встрѣчаемъ двухъ писателей замѣчательныхъ, связанныхъ дружбою и единствомъ труда. Эти писатели — Симонъ и Поликарпъ, сочинители Кіевскаго Патерика [1]).

Симонъ былъ черноризцемъ Кіевопечерскаго монастыря и самымъ ревностнымъ его приверженцемъ; въ 1214 году, изъ игумновъ обители Рождества Богородицы поставленъ онъ епископомъ Суздальскимъ и Владимирскимъ, а въ 1226 г. скончался во Владимирѣ, принявши схиму. Лѣтопись именуетъ его блаженнымъ, милостивымъ и *учительнымъ* [2]). Кромѣ Сказанія о Кіевопечерской церкви [3]), Симонъ написалъ Посланіе къ Поликарпу и при немъ Житія Кіевопечерскихъ Святыхъ: Евстратія пост-

*) Это чтеніе въ Исторіи словесности С. П. Шевырева составляетъ XI-ю лекцію.

ника, Никона многотерпѣливаго, прозваннаго сухимъ, священномученика Кукши, крестителя Вятичей; Аѳанасія затворника, Николая Святоши, князя Черниговскаго; Эразма, истощившаго все имѣніе свое на иконы Кіевопечерской церкви; Арефы, которому имѣніе украденное ворами вмѣнилось въ милостыню; попа Тита, желавшаго тщетно погасить вражду діакона Евагрія.

Посланіе Симона къ Поликарпу [4]) принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній, завершающихъ первую эпоху нашей словесности до Татаръ. Извѣстно, что наша литература богата посланіями духовныхъ и даже свѣтскихъ лицъ. Первоначальный образецъ для нихъ заключается въ Посланіяхъ апостольскихъ. Степенная книга объясняетъ мѣстное происхожденіе этого рода сочиненій у насъ изъ обычая, что если кто по простотѣ сердца, или по невѣдѣнію божественныхъ писаній, впадалъ въ прегрѣшеніе, то знающіе дѣло бесѣдами и посланіями, любовно и разумно исправляли такого [5]). Главная цѣль Симонова Посланія заключается въ томъ, чтобы успокоить честолюбіе Поликарпа, который желалъ быть игумномъ въ обители Козмодемьянской, или у святаго Димитрія: Верхуслава, супруга Ростиславова, желала поставить его епископомъ въ Новгородѣ, или въ Смоленскѣ, или въ Юрьевѣ. Симонъ, прозрѣвая, конечно, что Поликарпъ довершитъ дѣло, имъ начатое — описанія житій угодниковъ Кіевопечерскихъ — склонялъ его къ тому, чтобы онъ остался въ монастырѣ и послужилъ архимандриту Анкидину. Главная мысль, одушевляющая Симона въ его словѣ къ Поликарпу, есть мысль о церкви. Такъ онъ ее выражаетъ: «Какъ дождь раститъ сѣмя, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла: все что творишь ты въ келліи ни во что вмѣняется, Псалтырь ли читаешь, два-

надесять ли псалмовъ поешь, ни единому Господи помилуй подобится соборнаго пѣнія. Вспомни, братъ, что верховный апостолъ Петръ, самъ будучи церковью Бога живаго, взятый Иродомъ и посаженный въ темницу, избавленъ былъ отъ руки его церковною молитвою! Давидъ молился такъ: одного прошу у Господа и того ищу, чтобы жить мнѣ въ дому Господнемъ во всѣ дни жизни моей, и видѣть красоты Господни, и посѣщать святую Его церковь. Самъ Господь говоритъ: домъ Мой — домъ молитвы наречется; гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ и Я среди нихъ. Если же такой соборъ соберется болѣе ста, вѣруй, что Богъ нашъ съ ними. Отъ Его божественнаго огня ихъ обѣдъ сотворяется, отъ него же и я желаю хотя одной крупицы, болѣе всего сущаго передо мною» [6]). — Возможность олицетворить эту мысль о церкви представляется Симону въ Печерскомъ монастырѣ, который, по слову его, «море есть, не держитъ въ себѣ гнилаго, но измететъ вонъ». — «Какъ отъ самаго Христа Бога нашего апостолы во всю вселенную были посланы, такъ отъ Матери Госпожи нашей Богородицы великаго монастыря многіе епископы поставлены были въ Русскую землю». — Симонъ самъ оставилъ бы епископство и работалъ бы игумену, если бы Владимірская и Суздальская церковь, которую онъ самъ создалъ, не удерживала его своими красотами. Но всѣ города, области и села, и десятину, всю эту славу и власть, онъ вмѣнилъ бы во прахъ, если бы только могъ *трескою* торчать за воротами Печерскаго монастыря, или *сметіемъ* въ немъ валяться, попираемымъ человѣками. Лучше счесть одинъ день временной жизни въ дому Божіей Матери, нежели тысячу лѣтъ въ селеніяхъ грѣшничихъ». — И далѣе говоритъ Симонъ: «Я грѣшный епископъ Симонъ тужу и скорблю, и плачу и желаю

тамъ мнѣ скончаться, чтобы только положенъ я былъ въ божественной этой персти и принялъ отраду отъ многихъ грѣховъ моихъ».

Таковы были любовь и благоговѣніе иноковъ Кіевопечерскихъ къ обители, ихъ воспитавшей. Чтобы сильнѣе устремить брата на желанный подвигъ и возбудить въ немъ ревность къ монастырю, Симонъ представляетъ ему примѣры святыхъ его мужей. Евстратій у Жидовъ, Никонъ у Половцевъ, Кукша у Вятичей свидѣтельствуютъ мученіями истину Христовой Вѣры. Аѳанасій изображаетъ подвигъ 12-ти лѣтняго затворничества; Святоша—отреченіе отъ княжеской власти и почестей; Эразмъ и Ареѳа—отъ стяжаній; Титъ—любовь, стремящуюся погасить вражду, не угасавшую въ вѣкѣ вражды непрерывной.

Источниками Симону для описанія житій угодниковъ служили живыя преданія самой обители. Всѣ знаютъ, говоритъ онъ, о Кукшѣ, какъ онъ бѣсовъ прогонялъ, и Вятичей крестилъ, и дождь свелъ съ неба, и озеро изсушилъ. Вавила, исцѣленный затворникомъ Аѳанасіемъ, самъ разсказывалъ Симону объ этомъ исцѣленіи. Келья, гдѣ жилъ Святоша, еще при немъ звалась Святошиною. Въ обители былъ огородъ, устроенный его руками; хранились книги, имъ подаренныя. Никто въ монастырѣ не видалъ Святошу празднымъ. Иконы, окованныя Эразмомъ, находились во время Симона надъ олтаремъ. Подробности о постриженіи въ схиму и о кончинѣ Эразма онъ слышалъ «отъ тѣхъ свидѣтелей святыхъ и самовидцевъ блаженныхъ старцевъ». Арефу онъ самъ видѣлъ, самъ вмѣстѣ съ отцемъ обители былъ свидѣтелемъ перемѣны, происшедшей въ его умѣ и нравѣ, когда воры украли его имѣніе, которое прежде составляло единственный предметъ заботъ его.

Вражда попа Тита и діакона Евагрія, болѣзнь перваго и внезапная смерть втораго, не захотѣвшаго уступить просьбѣ братіи и помириться съ противникомъ—случились на глазахъ Симона. Въ помянникахъ сохранялись имена святыхъ: Евагрій записанъ былъ *протостраторомъ* ради его мученической кончины, а Никонъ названъ *сухимъ*, потому что высохъ отъ ранъ, полученныхъ имъ отъ Половцевъ. Изъ книгъ ссылается Симонъ на Іоанна Лѣствичника, на Лѣтописца стараго Ростовскаго, касательно числа епископовъ, вышедшихъ изъ монастыря Кіевопечерскаго, на Житія Антонія и Ѳеодосія, особенно же перваго во многихъ мѣстахъ [7]).

Тому же епископу Симону Татищевъ приписываетъ участіе въ продолженіи Несторовой лѣтописи, на основаніи рукописей, которыя были въ рукахъ его, но до насъ не дошли. [8])

Ни годъ рожденія Поликарпа, ни годъ кончины его не извѣстенъ. Вѣроятно, въ юныхъ лѣтахъ постригся онъ въ монастырѣ [9]). Двои двери въ большомъ храмѣ святой Богородицы Печерской были устроены имъ [10]). Знаемъ, по его же свидѣтельству, что онъ былъ въ Ростовѣ самовидцемъ чуда, совершившагося отъ иконы, писанной Алипіемъ Кіевопечерскимъ [11]). Монастыри св. Козьмы и Даміана и св. Димитрія желали его имѣть своимъ игуменомъ. Княгиня Верхуслава или Анастасія, дочь Всеволода III, намѣревалась доставить ему епископскій санъ въ Новгородѣ, Смоленскѣ, или Юрьевѣ. Князь Георгій Всеволодовичь, братъ ея, хотѣлъ поставить его намѣстникомъ Симона на епископіи Владимірской и Суздальской. Всѣ эти обстоятельства свидѣтельствуютъ объ умѣ, дарованіяхъ и учености Поликарпа. Но Симонъ отвлекъ его отъ этихъ прельщеній возвышенія, и самъ воспротивился желаніямъ княгини Верхуславы и князя Георгія. Онъ, вѣроятно, про-

видѣлъ въ немъ будущаго продолжателя начатаго имъ труда, и потому писалъ, чтобы Поликарпъ не оставлялъ обители [12]).

Поликарпъ совершилъ это дѣло, по желанію архимандрита Анкидина, какъ онъ самъ то свидѣтельствуетъ [13]). Въ Посланіи къ нему онъ изложилъ житія тѣхъ святыхъ и блаженныхъ черноризцевъ Кіевопечерскихъ, которые не были описаны епископомъ Симономъ [14]). Въ изложеніи своемъ онъ подражалъ древнимъ мужамъ, слагателямъ житій святыхъ отецъ въ Патерикѣ Печерскомъ [15]), равно и Нестору, написавшему въ Лѣтописцѣ своемъ кратко о Даміанѣ, Іереміи, Матѳіи и Исаакіи. Цѣль его при этомъ изложеніи состояла въ томъ, чтобы потомкамъ, пользы ради, оставить то, чтò пришло бы въ совершенное забвеніе, если бы онъ о томъ умолчалъ [16]). Время своего труда авторъ самъ опредѣляетъ пятнадцатымъ годомъ игуменства Анкидинова. Объ Анкидинѣ упоминаетъ лѣтопись подъ 1231 годомъ: онъ участвовалъ въ ставленіи Кирилла епископомъ Ростову [17]). Но неизвѣстно, сколько времени тогда онъ уже былъ архимандритомъ. Ближе опредѣляется время Поликарпова труда слѣдующими его словами: «сто шестьдесятъ лѣтъ не было воспоминовенія о святыхъ отцахъ обители», говоритъ онъ въ слѣдъ за тѣмъ, какъ упомянулъ о сказаніи Нестора. Ясно, что онъ имѣлъ предъ глазами лѣтопись, которая подъ 1074 годомъ содержитъ въ себѣ житія, описанныя Несторомъ. Если приложимъ къ этому числу 160, то время труда Поликарпова опредѣлится со всею вѣроятностію 1234 годомъ — и оправдывается обстоятельствомъ, приведеннымъ выше относительно архимандрита Анкидина.

Главнымъ источникомъ для Поликарпа послужили устныя сказанія епископа Симона, о чемъ онъ свидѣтельствуетъ два раза [18]). Лѣтопись Нестора была ему извѣстна, какъ то ясно

изъ его двукратнаго объ ней упоминанія. Кромѣ того онъ ссылается на лѣтописца въ томъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ о небесномъ знаменіи, о трехъ столпахъ, явившихся надъ трапезницею во время преставленія Пименова [19]). Въ другомъ мѣстѣ, повѣствуя о дѣлахъ происходившихъ у Ляховъ, ссылается на лѣтописца, вѣроятно Польскаго [20]); а иногда дополняетъ событія, извѣстныя изъ лѣтописи, монастырскими сказаніями. Такъ Григорій чудотворецъ, обезчещенный отроками Ростислава Всеволодовича, предсказываетъ имъ гибель отъ воды вмѣстѣ съ княземъ ихъ, за что и самъ брошенъ въ воду симъ послѣднимъ: лѣтопись дѣйствительно доноситъ намъ о томъ, какъ Ростиславъ погибъ въ рѣкѣ Стугнѣ. Слово о Полку Игоревѣ также оплакиваетъ кончину его въ рѣкѣ [21]). Въ Житіи Прохора, творившаго хлѣбъ изъ лебеды и соль изъ пепла, сказано объ рати, которая была между Святополкомъ и Давидомъ Игоревичемъ по случаю ослѣпленія Василька: не пускали гостей изъ Галича, ни ладей изъ Перемышля, и не было соли во всей Русской землѣ [22]). Въ Житіи Ѳеодора и Василія говорится о томъ, какъ Мстиславъ Святополковичь выпытывалъ у нихъ о сокровищѣ, которое скрылъ Ѳеодоръ, какъ Василій былъ уязвленъ отъ князя стрѣлою до смерти и предсказалъ ему смерть отъ стрѣлы же, и какъ Мстиславъ, пораженный на стѣнахъ Владимира стрѣлою, во время битвы съ Давидомъ Игоревичемъ, припомнилъ тогда же предсказаніе Василіево. Лѣтопись дѣйствитегьно упоминаетъ о подобной кончинѣ Мстислава, но безъ подробностей о Василіи и его предсказаніи [23]).

Взглянемъ теперь на тѣ образцы святости, которые изобразилъ Поликарпъ къ Акиндину. Никита затворникъ, въ послѣдствіи епископъ Новгородскій, представляетъ гордость

знанія, побѣжденную молитвою иноковъ и смиреніемъ. Агапитъ, безмездный врачь, торжествуетъ надъ искуснымъ врачемъ Армениномъ; чтобы не нарушить монастырскаго устава и не покидать обители, не рѣшается идти къ больному Владиміру Мономаху на его приглашеніе, но изцѣляетъ его заочно, отвергаетъ дары князя и побуждаетъ его раздать все имѣніе нищимъ. Григорій чудотворецъ борется съ ворами и обращаетъ ихъ въ усердныхъ работниковъ обители. Іоаннъ затворникъ, сражаясь съ помысломъ чувственнымъ, употребляетъ противъ него безсоніе, жажду, тяжкія вериги, наконецъ яму и персть земную на все тѣло, кромѣ рукъ и головы. Привлекательна повѣсть о цѣломудренномъ красавцѣ Моусеѣ, родомъ Венгерцѣ, который былъ братомъ Георгію, убитому вмѣстѣ съ святымъ Борисомъ на Альтѣ. Уведенный въ плѣнъ Болеславомъ вмѣстѣ съ Предславою, сестрою Ярослава, въ Польшу, Моусей становится предметомъ страстной любви одной богатой Польской жены, противостоитъ всѣмъ ея искушеніямъ, терпитъ муки и спасаетъ свое цѣломудріе. Прохоръ, во время голода, печетъ вкусные хлѣбы изъ лебеды, и во время безпорядковъ, разрушившихъ торговлю, добываетъ соль изъ пѐпла (вѣроятно, поташъ), и тѣмъ помогаетъ страдающему народу. Маркъ печерникъ копаетъ могилы для братія, и мертвые его слушаются. Ѳеодоръ и Василій заставляютъ бѣсовъ работать на монастырь, и презираютъ скрытое первымъ сокровище, вынося за то муки отъ власти княжеской. Алипій иконописецъ украшаетъ храмы обители и другіе чудными иконами, и своими цѣлебными вапами врачуетъ безобразіе человѣка, покрытаго струпами. Наконецъ Пименъ многострадальный, въ теченіе двадцати лѣтъ, страдаетъ въ обители тяжкимъ недугомъ, и какъ Іовъ поетъ хвалу Господу.

Сочиненіе Кіевскаго Патерика восходитъ такимъ образомъ къ самому началу Татарскаго нашествія. Изображеніе подобныхъ примѣровъ святости явилось кстати въ эпоху, когда своекорыстіе, себялюбіе и ненависть, раздирая утробу Россіи, привлекали въ нее полчища дикарей самыхъ грубыхъ. Чтеніе Патерика послужило много къ тому, чтобы воспитывать въ духовенствѣ и во всѣхъ сословіяхъ Русскаго народа въ древнемъ его періодѣ тѣ добродѣтели, которыми и теперь твердо и непоколебимо наше Отечество.

Переходя къ XIII столѣтію и обращая взоръ на совокупность памятниковъ словесности XII-го вѣка, мы можемъ, со всею вѣроятностію, сказать, что это одни только значительные обломки отъ великаго кораблекрушенія нашей до-Татарской древности. Славяно-Русское слово говорило въ XII-мъ вѣкѣ устами богомольнаго странника, великаго князя, митрополита, юмориста-заточника, глубокомысленнаго и краснорѣчиваго проповѣдника, пѣвца-друга отечества, мужей святыхъ, славившихъ свою обитель, плодотворную чудесами. Въ глубинѣ всѣхъ этихъ произведеній лежитъ одна великая и живая мысль — какъ зерно будущаго величія Россіи, какъ залогъ ея соединенія государственнаго, какъ основа ея силъ нравственныхъ, какъ опора и точка отправленія въ ея умственномъ развитіи—мысль о православной Церкви нашей источникѣ спасенія и временнаго и вѣчнаго. Изъ памятниковъ древнѣйшаго нашего слова мы видимъ, что сѣмя Русское взошло было славно, но Татарскіе снѣга его завалили: волею Промысла оно было уже окрещено, и потому не могло погибнуть; долго лежало подъ снѣгами; росло между тѣмъ крѣпкою внутреннею, духовною жизнію, пока Провидѣнію угодно стало вызвать его снова на свѣтъ Божій.

Рѣзкая граница отдѣляетъ XII вѣкъ отъ послѣдующаго, начиная со второй его четверти. Внезапное безплодіе, поражающее насъ въ XIII вѣкѣ, можно было бы сравнить съ впечатлѣніемъ пустыни, встрѣчавшей въ тѣ времена странниковъ нашихъ на ихъ пути изъ населенной Россіи къ полудню, къ Татарскимъ кочевьямъ. Слова̀, читаемыя нами подъ 1224 годомъ лѣтописи, объясняютъ намъ это безплодіе: «Томъ же лѣтѣ, по грѣхомъ нашимъ, придоша языци незнаеми, ихъ же добрѣ никтоже не вѣсть, кто суть и отколѣ изыдоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; а зовуть я̀ Татары».

Не льзя лучше выразить всей внезапности ужаса, который обуялъ тогда нашихъ соотечественниковъ. Силы Моголовъ, въ то время еще не разъединенныя, были огромны; наши же, не смотря на личную храбрость многихъ князей и на самоотверженіе многихъ городовъ, раздроблены и потому ничтожны. Вспомнимъ, что нашествіе Татаръ поразило страхомъ всю Европу. Императоры созвали противъ нихъ крестовый походъ. Папа испугался за безопасность своей церкви [24]) и счелъ за нужное отправить къ Татарамъ пословъ-миссіонеровъ, которые въ ордѣ подвергались всѣмъ унизительнымъ условіямъ Ханскаго обычая. Плано Карпини и Асцелинъ, съ двухъ сторонъ, проникли въ Татарскія орды въ 1246 году. Французскій король Людовикъ святой, въ 1253, отправилъ къ нимъ также и своего посла, Рубруквиса.

Храбрость, смѣшанная съ легкомысліемъ, обнаружилась въ первыхъ дѣйствіяхъ нашихъ противъ Татаръ. Отдѣльные князья вооружились мужественно, а губили Татарскихъ пословъ легкомысленно. Битва Калкская проиграна потому только, что три Мстислава, Кіевскій, Козельскій и Галицкій, старѣй-

шины Русской земли, ненавидѣли другъ друга. Втунѣ покрытъ ранами храбрый, осмнадцатилѣтній юноша, Даніилъ Романовичъ; втунѣ стоитъ твердо Олегъ Курскій; даромъ льется Русская кровь какъ вода: пораженіе при Калкѣ было такое, какого князья наши не испытали отъ самаго начала Русской земли. Изъ воиновъ десятый не избѣжалъ меча. Погибло семьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей, въ томъ числѣ Александръ Поповичъ и Добрыня Рязанскій, золотой поясъ. Самъ великій князь Кіевскій, Мстиславъ Романовичъ, съ дѣтьми и съ зятемъ, былъ убитъ руками Татаръ. Кіевлянъ однихъ избито 60.000, а другихъ сколько? одинъ Богъ то вѣдаетъ: «число безчисленное».

Несчастный примѣръ юга не былъ спасителенъ для раздробленнаго сѣвера. Батый, «молнійная стрѣла», устремился на Рязань. Юрій Всеволодовичъ не пошелъ на приглашеніе Юрія Игоревича Рязанскаго. Ѳеодоръ Юрьевичъ убитъ Батыемъ за то, что не хотѣлъ выдать прекрасной супруги своей сластолюбцу. Бросилась съ высокаго своего терема и прекрасная Евпраксія съ сыномъ своимъ Иваномъ, когда услыхала о смерти мужа, и убилась дó смерти. Городъ за городомъ берутъ Татары: 14 городовъ взято ими за одинъ февраль мѣсяцъ въ Рязанской и Суздальской области. Воевода Филиппъ Нянька погибъ въ Москвѣ за православную вѣру: старцы и дѣти обагрили кровью улицы города. Владиміръ, лишенный своего князя, славно противится и въ соборномъ храмѣ возноситъ къ небу жертвенникъ всесожженія, въ которомъ сгараютъ владыка Митрофанъ, великая княгиня съ дочерьми и снохами, бояре съ семействами. Евпатій Коловратъ, богатырь Рязанскій, собираетъ дружину, бьетъ воиновъ Батыевыхъ, поражаетъ Татарскаго богатыря, Хоздовруда, и самъ уступаетъ

только множеству враговъ. Меркурій, витязь Смоленскій, родомъ Римлянинъ, положилъ Татарскаго исполина, на долгомъ мосту. Козельскъ увѣнчался славою имени *злаго города*, даннаго ему Батыемъ, и умылся кровью своихъ младенцевъ, непощаженныхъ мстителемъ. Палъ великодушно на берегахъ Сити Юрій Всеволодовичь съ своими воеводами, боярами и воинствомъ. Преданъ мученической смерти и братаничь его, Василько Константиновичь-Ростовскій, въ плѣну у Татаръ, за тѣ словà, которыми онъ поносилъ ихъ От многовѣтвистаго дерева князей Русскихъ уцѣлѣло всего 15 князей, избывшихъ меча Татарскаго.—Погасла передъ Батыемъ и величественная красота Кіева: едва ли 200 домовъ оставалось въ городѣ въ то время, когда посѣтилъ его Папскій посланникъ, Плано Карпини. Одинъ за однимъ, сдавались Батыю Русскіе города. Въ 1243 году, великій князь Ярославъ Всеволодовичь кланялся ему въ ордѣ, и принялъ отъ него старѣйшинство надъ всѣми князьями и народомъ. Начались жалкія странствія князей Русскихъ въ орду, гдѣ они подвергались всевозможнымъ униженіямъ своего сана, гдѣ самые низшіе прислужники ханскіе ходили впереди ихъ, занимали всегда первое и верхнее мѣсто, и часто сажали ихъ позади себя. Въ 1257-мъ году, Татары сочли всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую, поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ, не сочли только одного духовенства. Въ 1259 году, Новгородцы, боясь Татарской рати, добровольно сами пригласили къ себѣ Татарскихъ счетчиковъ, которые изочли земли, и Новгородскую, и Псковскую. Изрѣдка вспыхиваетъ открыто ненависть противъ Татаръ: въ 1262 г. Русскіе князья избиваютъ Татарскихъ баскаковъ, а другихъ изгоняютъ; иные Татары крестятся въ нашу вѣру [25]). Въ Ярославлѣ народъ предаетъ

смерти и псамъ на съѣденіе отступника монаха Зосиму, который гонитъ православіе въ пользу магометанства и мирволитъ Татарамъ! Но въ 1278 году Русскіе князья воюютъ уже за-одно съ Татарами противъ Ясовъ.

Образованіемъ своимъ мы дѣйствовали тогда на Татаръ. Воевода Батыевъ, Мангу-ханъ, удивился красотѣ и величеству Кіева, и даже сначала не хотѣлъ разорять его. Плано Карпини, проѣзжая черезъ Кіевъ, нанялъ въ немъ толмача для переговоровъ съ Татарами; но онъ однако не былъ въ состояніи перевести Латинскую папскую грамоту на Татарскій языкъ. Золотыхъ дѣлъ мастерà были весьма честимы Татарами. Такъ Русскій золотыхъ дѣлъ мастеръ, Кузьма, былъ очень любимъ ханомъ Гаюкомъ и помогалъ миссіонерамъ папскимъ въ ихъ нуждахъ. Онъ сдѣлалъ для Хана престолъ и печать[26]). Толмачемъ при великомъ князѣ Ярославѣ и спутникѣ его, Половецкомъ князѣ Сангорѣ, былъ Русскій изъ Суздаля. Монахъ Рубруквисъ, посолъ Людовиковъ, нашелъ при дворѣ Мангу-хана Русскаго архитектора. Къ духовенству Русскому Татары питали уваженіе. Ихъ перепись, которая забирала все въ подданство ханамъ, не коснулась только духовенства: они не считали ни архимандритовъ, ни игуменовъ, ни иноковъ, ни поповъ, ни діаконовъ, ни крылошанъ, ни всего причта церковнаго, говорятъ лѣтописцы. Многіе духовные Русскіе люди пребывали при дворѣ ханскомъ, когда былъ тамъ Плано-Карпини. Передъ большимъ шатромъ Гаюка, отличавшагося особеннымъ сочувствіемъ къ христіанству, всегда была христіанская часовня, гдѣ наши священнослужители открыто звонили къ часамъ и пѣли. Въ 1261 году, учреждена была въ Сараѣ Сарская епархія, и Кириллъ митрополитъ поставилъ первымъ Сарайскимъ митрополитомъ Митрофана, который въ

1269 году облекся въ схиму и уступилъ свое мѣсто новопоставленому епископу Переславскому и Сарайскому, Ѳеогносту.

На юго-западѣ Руси, въ Галиціи, куда не столько достигала Татарская гроза, было болѣе приволья строить города и украшать ихъ храмы. Лѣтописецъ Волынскій разсказываетъ о городѣ Холмѣ, сожженномъ въ войну съ Куремсою, какъ онъ созданъ былъ Даніиломъ, какъ приходили къ нему Нѣмцы, Ляхи и Русь, какъ всякіе мастера бѣжали отъ Татаръ, ковачи желѣза, мѣди и серебра, *и была жизнь*, и дворами наполнились всѣ окрестности, поля и села, окружавшія городъ. Создана была великолѣпная церковь во имя св. Іоанна: своды ея были поставлены на четырехъ головахъ человѣческихъ, изваянныхъ какимъ-то художникомъ: должно думать, что онѣ изображали четырехъ Евангелистовъ; три окна были украшены Римскими стеклами, вѣроятно росписанными; два столпа изъ цѣльнаго камня стояли въ олтарѣ; надъ ними своды, а верхъ украшенъ золотыми звѣздами по лазурю; внутренній помостъ вылитъ изъ мѣди и чистаго олова, и блестѣлъ какъ зеркало; двои дверей украшены камнемъ Галицкимъ бѣлымъ и зеленымъ Холмскимъ: узоры на нихъ дѣлалъ художникъ Авдѣй, шарообразные и золотые; на однихъ дверяхъ изображался Спаситель, на другихъ св. Іоаннъ. Огромная башня поднималась середи города, снизу каменная, верхъ деревянный; выбѣленная, свѣтилась она во всѣ стороны. И послѣ пожара Даніилъ возобновилъ городъ и храмъ, но не могъ возобновить башни, потому что надобно было строить города противъ Татаръ. Другую церковь построилъ онъ въ городѣ Холмѣ, во имя Пресвятыя Богородицы, и украсилъ ее чашею изъ багрянаго мрамора, принесенною изъ земли Угорской: чудно была она изваяна и змѣиныя главы обвивали ее.

Тотъ же Волынскій лѣтописецъ упоминаетъ вскользь о славномъ пѣвцѣ Митусѣ, который за гордость не хотѣлъ служить князю Даніилу и жилъ въ Перемышлѣ: дворецкій Даніиловъ, Андрей, привелъ пѣвца связаннаго и въ разодранномъ рубищѣ къ своему князю. — Въ той же лѣтописи говорится о славной пѣсни, которую пѣли Даніилу и его воинамъ, послѣ побѣдъ ихъ надъ Ятвягами и послѣ того, какъ они многихъ христіанъ освободили отъ плѣна. Лѣтописецъ сравниваетъ Даніила съ отцомъ его, Романомъ, который, какъ левъ, выходилъ на поганыхъ: именемъ Романа Половцы стращали дѣтей. Но лѣтописецъ не распространяется объ этой пѣсни, заимствуя, можетъ быть, изъ нея выраженіе объ Романѣ: ибо, по его мнѣнію, изъявленному въ другомъ мѣстѣ по случаю хвальнаго слова, произнесеннаго Даніиломъ, *Богъ похвальнаго слова не любитъ* [27]).

Въ лѣтописяхъ XIII-го же вѣка упоминается о томъ, какъ въ областяхъ Олега князя Рыльскаго и Волгорскаго были ловища лебединыя и сокольники царя Ногая ловили ему лебедей соколами. Въ этихъ ловляхъ древней Руси, которыя совершались въ 1284 году въ Курскомъ княженіи, заимствованъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ образовъ превосходной хороводной пѣсни нашего народа: *Ахъ по морю, морю синему, плыла лебедь бѣлая со лебедушками.... Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ, убилъ, ушибъ, лебедь бѣлую....* [28])

Три князя олицетворяютъ для насъ Россію этого времени; Александръ, Михаилъ и Владиміръ.

Во времена униженія народнаго духа и страданій всякаго рода, мысль лѣтописца и съ нимъ вмѣстѣ мысль всякаго Русскаго отдыхаетъ на величавомъ и прекрасномъ образѣ родоначальника будущихъ освободителей Россіи, князей Москов-

скихъ, Александра Невскаго, въ которомъ не умирала наша древняя воинская слава. Западныя страны, по словамъ лѣтописца, дивились ему и завидовали его славѣ. Мужество и благоразуміе сочетались въ немъ. Въ то время, когда на югѣ одолѣвали насъ Татары, Александръ на сѣверѣ, окруженный шестью богатырями, побѣждалъ Нѣмцевъ. Онъ ѣдетъ въ орду, по призыву Батыя, и Батый удивляется его добротѣ и величеству, и жены Татарскія, какъ вѣроятно пѣли тогда въ народныхъ пѣсняхъ, убаюкивали плачущихъ младенцевъ словами: молчи, в. князь Александръ ѣдетъ. Слава его расходится по всѣмъ землямъ отъ моря Варяжскаго до Понтійскаго, до горъ Араратскихъ и до Рима. «Чада милыя, разумѣйте, что зашло солнце земли Русской!» сказалъ митрополитъ Кириллъ, по преставленіи сего князя.

Въ то время, какъ Александръ Невскій подвигами меча питалъ воинственный духъ въ князьяхъ и народѣ, другой великій князь, Михаилъ Черниговскій, съ своимъ вѣрнымъ бояриномъ Ѳеодоромъ, подвигомъ мученичества укрѣплялъ въ нихъ вѣру и кровію своею посѣялъ сѣмя будущаго спасенія отечества. Когда всѣ Русскіе князья, миссіонеры папы и послы короля Французскаго совершали языческое поклоненіе огню и солнцу, по требованію хановъ, Михаилъ Всеволодовичъ, князь Черниговскій, и бояринъ его Ѳеодоръ объявили рѣшительно волхвамъ или жрецамъ хана, что христіане не поклоняются ни твари, ни идоламъ, а поклоняются только Пресвятой Троицѣ—Отцу и Сыну и Святому Духу. Тщетно племянникъ Михаила, князь Борисъ Васильковичъ Ростовскій, тщетно многіе Русскіе князья и бояре со слезами убѣждали Михаила исполнить волю цареву и обѣщались, возвратясь въ свою землю, всею землею взять этотъ грѣхъ на себя и совер-

нить всенародную эпитимію за князя; тщетно говорили Михаилу, что онъ многими благами Русской землѣ и имъ всѣмъ искупитъ этотъ грѣхъ. Подкрѣпило Михаила, въ минуту искушенія, сильное слово Θеодора, напомнившаго ему о Евангельскомъ наставленіи духовника ихъ, Ивана.—Рѣшительный отвѣтъ Михаила Эльдегѣ, ханскому вельможѣ, что онъ готовъ умереть, вызвалъ мученіе. Нашелся отступникъ изъ Русскихъ, нѣкто Доманъ, Сѣверянинъ, родомъ изъ Путивля, чтобы отрѣзать ножемъ честную главу святаго великомученика Михаила, которая, отброшенная отъ тѣла, проговорила: христіанинъ есмь. Бояринъ Θеодоръ принялъ тоже мученіе. Посторонній очевидецъ событія, папскій посолъ Плано-Карпини, засвидѣтельствовалъ его истину [29]. Князь Романъ Олговичь Рязанскій, въ 1270 г., послѣдовалъ примѣру Михаила и вынесъ въ ордѣ жесточайшія истязанія за Вѣру.

Третій князь, въ которомъ олицетворяется Россія XIII вѣка, былъ Владиміръ Васильковичь Волынскій. Высокій ростъ, сильныя плечи, прекрасное лицо, русые кудрявые волосы, борода остриженая, стройныя руки и ноги, исподняя часть ртá полная и голосъ громкій, составляли признаки его наружности. Онъ былъ искусный ловецъ, храбръ, кротокъ, смиренъ, незлобивъ, правдивъ, не мздоимецъ, ненавидѣлъ воровство, не пилъ вина отъ раннихъ лѣтъ своихъ, имѣлъ высокое просвѣщеніе, говорилъ вразумительно отъ книгъ, любилъ бесѣду съ духовными, украсилъ храмы городовъ Берестья и Каменца, имъ основанныхъ, Бѣльска, Владиміра Волынскаго, Перемышля, Чернигова, Луцка, Любомля — иконами, сосудами, ризами и другими церковными потребами, снабдилъ книгами—евангеліями, апостолами, служебниками, прологами, минеями, сборниками отца своего. Изъ этихъ книгъ онъ самъ своею рукою

переписалъ многія. Былъ иконописцемъ; написалъ многія иконы, между прочими икону св. Георгія на золотѣ, а другую Пресв. Богородицы не докончилъ [30]). Лѣтописецъ, воспѣвая похвалу сему князю, говоритъ объ немъ: правда облекала его, крѣпость препоясывала, милостыня, какъ золотая гривна, украшала его, обвивала истина и смыслъ вѣнчалъ его. И вотъ за четыре года до своей кончины, онъ началъ страдать болѣзнію, которая была такъ замѣчательна, что со всѣми подробностями описана въ лѣтописи. У него начала гнить исподняя часть рта, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Сначала эта болѣзнь не мѣшала ему ходить и ѣздить на конѣ; онъ раздавалъ все имѣніе свое нищимъ. Потомъ, на четвертый годъ, опало у него все мясо съ бороды, выгнили нижніе зубы, кость бородная перегнила, обнаружилась внутренность гортани, въ теченіи семи недѣль онъ не питался ничѣмъ кромѣ воды и то скудно,—и наконецъ скончался, послѣ тяжкихъ страданій, въ 1288 году, 10-го декабря, въ городѣ Любомлѣ.

Мужество, вѣра и терпѣніе въ страданіяхъ олицетворяла Россія XIII вѣка въ этихъ трехъ князьяхъ: Александрѣ Невскомъ, Михаилѣ Черниговскомъ и Владимірѣ Волынскомъ.

Въ 1227 году, князь Ярославъ Всеволодовичь распространялъ христіанство на сѣверѣ и послалъ священниковъ, которые окрестили почти всѣхъ Корелъ. Въ томъ же году, Новогородцы варварски сожгли четырехъ волхвовъ на Ярославовомъ дворѣ, которые причиняли много зла въ народѣ; но духовенство не принимало въ томъ никакого участія.

Въ 1274 году, по случаю поставленія Кіевопечерскаго архимандрита Серапіона въ епископы Владимірскіе и Суздальскіе, Кіевскій митрополитъ Кириллъ II созвалъ соборъ епископовъ во Владиміръ, и, самъ собою или черезъ другихъ узнавъ

о многихъ нестроеніяхъ въ церквахъ, поставилъ вмѣстѣ съ епископами соборное Правило, составляющее значительный памятникъ нашей словесности [31]). Прежде всего, согласно правиламъ семи соборовъ, онъ возстаетъ противъ ставленія на мздѣ не только настоятеля обители или священника, но даже и ключаря церковнаго: семью гривнами на клирошанъ должна ограничиваться вся издержка попа или дьякона. Мздоимцы да будутъ извержены изъ церкви, а ходатайствующіе за нихъ прокляты. Это совершалось у насъ въ то время, когда на западѣ въ Германіи императоры, во Франціи короли обогащались продажею епископскихъ мѣстъ, а Римскою тіарою, въ 1276 году, украшался Николай III, котораго Дантъ, вмѣстѣ съ Бонифаціемъ VIII и Климентомъ V, казнилъ въ Аду за святокупство [32]). Рабъ не могъ быть поставленъ, не принявъ отпускной отъ своего ставленника. Житіе ставленика должны были свидѣтельствовать семь священниковъ и добрые сосѣди, знавшіе его съ дѣтства. Не одни преступленія важныя мѣшали ставленію: кто отдавалъ деньги въ ростъ, удручалъ слугъ голодомъ и наготою, страдою, т. е. рабочею порою мучилъ, убѣгалъ дани, чародѣйствовалъ, не могъ быть ни попомъ, ни дьякономъ, ни причетникомъ. Во священники ставили не менѣе тридцати лѣтъ. Пьяницы всѣ отвергались, если не покаются: «Лучше одинъ служитель олтаря, нежели тысяча беззаконныхъ», говоритъ Правило. — Возстаетъ оно также противъ игрищъ народныхъ, на которыхъ люди убивали себя дó смерти. Въ предѣлахъ же Новгородскихъ держались еще языческіе обычаи и суевѣрія: водили невѣстъ къ водѣ, а въ субботу, въ ночь на канунѣ воскресенья, мужья и жены вмѣстѣ праздновали какой-то нечестивый Діонисовъ праздникъ [33]).

Въ началѣ этого Правила есть замѣчательное мѣсто, гдѣ

митрополитъ обращаетъ слова укоризны ко всему Русскому народу своего времени: «Какую прибыль получили мы, оставивъ Божественныя правила? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу всей земли? Не взяты ли были наши города? Не пали ли сильные князья наши остріемъ меча? Не отведены ли въ плѣнъ дѣти наши? Не запустѣли ли святыя Божіи церкви? Не томятъ ли насъ каждый день безбожные и нечистые поганые? Все это постигло насъ за то, что мы не хранимъ правилъ святыхъ нашихъ и преподобныхъ Отецъ»[24]). Эти слова, раздавшіяся изъ устъ пастыря, скорбѣвшаго о несчастіяхъ Русской земли, повторялись нерѣдко и послѣ, въ лѣтописяхъ и словахъ, при бѣдствіяхъ отечества, подобныхъ тому, которое постигло его въ XIII столѣтія. Видно, что они глубоко врѣзывались въ памяти и переходили изъ рода въ родъ по устному и письменному преданію.

Въ 1284 году, всѣ Русскіе епископы созваны были въ Кіевъ къ митрополиту Максиму. Вѣроятно, къ этому времени относится Правило Максима митрополита, встрѣчающееся въ Кормчихъ, о мясопустѣ и о храненіи законнаго брака [35]).

Уже давно обстоятельства требовали, чтобы средоточіе церкви Русской перенесено было съ юга, задавленнаго Татарами, на сѣверъ, гдѣ могло зародиться освобожденіе. Митрополиты весьма часто оставляли Кіевъ и не рѣдко жили во Владимірѣ. Сношенія съ церквами Русскими и съ великими князьями были отсюда гораздо удобнѣе. Наконецъ въ 1300 году, митрополитъ Максимъ, не терпя Татарскаго насилія, какъ сказано въ лѣтописи, перенесъ окончательно митрополію изъ Кіева во Владиміръ. Весь Кіевъ разбѣжался, прибавляетъ лѣтописецъ, въ слѣдъ за митрополитомъ: такъ сильна была охрана церкви.

Въ 1301 году, не смотря на смуты времени и на затрудненія пути, въ Константинопольскомъ соборѣ, бывшемъ при патріархѣ Іоаннѣ Веккѣ, участвовали Русскій митрополитъ Максимъ и Сарайскій епископъ Өеогностъ. Отвѣты собора на вопросы, предложенные Максимомъ, существуютъ въ нашихъ рукописяхъ. Вопросы вызваны были преимущественно нуждами Сарайской церкви: таковы особенно о крещеніи Татаръ, Несторіанъ и Яковитовъ, которыхъ было много въ войскѣ Монголовъ изъ Персіи, Индіи и Монголіи [36]).

Памятники письменности, относящіеся несомнѣнно къ XIII вѣку и означенные годами или обстоятельствами, опредѣляющими годы, слѣдующіе: 1) Евангеліе, писанное въ Новгородѣ попомъ Домкою, повелѣніемъ *Милятина Лукинича*, принадлежащее Публичной библіотекѣ и по признакамъ, почти несомнѣннымъ, относимое Востоковымъ къ 1215-му или 1230-му году [37]). 2) Евангеліе 1270 года, писанное Георгіемъ, сыномъ попа Лотыша, по заказу чернеца Симона, съ признаками Новгородскаго нарѣчія, принадлежащее Румянцовскому музеуму [38]). 3) Псалтырь 1296 года, писанная писцемъ Захаріемъ по повелѣнію княгини Марины и принадлежащая Синодальной библіотекѣ [39]). 4) Шестодневъ Іоанна Экзарха Болгарскаго, писанный Сербскимъ грамматикомъ Өеодоромъ въ 1263 году въ Хиландарѣ [40]). 5) Номоканунъ, писанный пятью писцами въ 1284 году, при Рязанскихъ князьяхъ, братьяхъ Ярославѣ и Өеодорѣ и матери ихъ великой княгинѣ Анастасіи, по желанію епископа Рязанскаго Іосифа [41]). Сюда же относятся: Договорная грамота Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ, писанная въ 1229 году; три договорныя грамоты Новгорода съ в. княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ 1265 и

1270 года; ярлыкъ, данный отъ Капчакскаго царя Менгу-Тимура Русскимъ митрополитамъ и священнослужителямъ, писанный между 1270 и 1276 годами; грамота Смоленскаго князя Θеодора Ростиславича къ Рижскому епископу, мейстеру и ратманамъ, 1284 года; двѣ духовныя грамоты Владимірскаго на Волыни князя Владиміра Васильковича, писанныя около 1286 года; грамота Владимірскаго на Волыни и Луцкаго князя Мстислава Даниловича, писанная 1289 года[42]). Не привожу тѣхъ памятниковъ, которые гадательно относимы бываютъ къ тому же столѣтію.

Скудно число писателей, относящихся къ XIII вѣку; еще скуднѣе число памятниковъ, отъ нихъ оставшихся. Упомянемъ имена тѣхъ, которыхъ славятъ лѣтописи за книжное ихъ просвѣщеніе. Кириллъ, родомъ Грекъ изъ Никеи, поставленный въ Кіевскіе митрополиты въ 1223 году и преставившійся въ 1233, былъ, по словамъ лѣтописей, *философъ велій, учителенъ зѣло и хитръ ученью божественныхъ книгъ* [43]).

Второй Кириллъ, книжному просвѣщенію котораго лѣтописцы воздаютъ похвалу, былъ епископъ Ростовскій, поставленный въ 1231 году и скончавшійся въ 1262. Суздальскій лѣтописецъ говоритъ о немъ, что онъ не только училъ словомъ, но и на дѣлѣ показывалъ свое ученіе; что всѣ, князья и вельможи, всѣ люди города Ростова, не только простые, но и духовные, всѣ приходившіе изъ окрестныхъ городовъ, удивлялись соборному храму, который епископъ украсилъ великолѣпно, удивлялись также, внимая ученію его отъ божественныхъ книгъ[44]). Лѣтописецъ, великій почитатель ученія и словесъ сего епископа, въ какомъ то узкомъ мѣстѣ, вѣроятно въ затворѣ Ростовскаго монастыря св. Григорія Богослова, задалъ себѣ трудъ передать письму словеса его [45]).

Третій Кириллъ, митрополитъ Русскій, дѣйствовалъ благотворно и дѣломъ и словомъ: онъ грамотою помирилъ Новгородцевъ съ в. княземъ Василіемъ Ярославичемъ, первый изъ митрополитовъ получилъ отъ хана Мангу-Темира ярлыкъ, которымъ духовенство освобождалось отъ поголовной дани, а церковныя имѣнія отъ сборовъ; говорилъ слово при погребеніи в. князя Александра Невскаго; въ 1274 г. собралъ соборъ во Владимірѣ и сочинилъ Правило, съ содержаніемъ котораго мы уже знакомы; неутомимо дѣйствовалъ въ сѣверныхъ предѣлахъ Россіи, уготовляя перенесеніе митрополіи во Владиміръ, и бдительно охранялъ южную паству отъ навѣтовъ Римскаго католичества; осудилъ Игнатія, епископа Ростовскаго, за строгое его дѣйствіе надъ прахомъ князя Глѣба Васильковича Ростовскаго, который изринутъ былъ изъ церкви соборной Игнатіемъ и просто закопанъ въ землю. При этомъ митрополитъ сказалъ Игнатію замѣчательное слово: «Не возносись, не считай себя безгрѣшнымъ; не столько запрещай и отлучай, сколько освобождай и прощай; прощеніе грѣхамъ нашимъ мы обрѣтаемъ въ прощеніи братій нашихъ; милость Господня скрывается для насъ въ милости нашей къ ближнему. Плачься, чадо, и кайся до смерти о своей безстыдной дерзости: ты, прежде суда Божія, осудилъ уже скончавшагося; а отъ живаго ты принималъ дары; ты ѣлъ и пилъ съ нимъ; ты живалъ у него и веселился съ нимъ; когда было можно его исправить, ты не исправилъ, и нынѣ ли исправить хочешь, мертваго, жестокимъ отлученіемъ? А если желаешь сотворить ему помощь, твори ее милостынями нищимъ, молитвами и божественною службою». Лѣтописи говорятъ о Кириллѣ, что онъ, проходя города всей Руси, неутомимо училъ, наставлялъ, исправлялъ. Смерть застигла его на пути, въ 1280 году, въ Переяславлѣ

Залѣсскомъ; но похороненъ онъ былъ въ соборной церкви Кіева.

Не знаютъ, которому изъ двухъ Кирилловъ, митрополиту ли Кіевскому, или епископу Ростовскому, приписать Поученіе священникамъ, которое встрѣчается въ Кормчихъ при Правилѣ Кирилла митрополита, хотя и не всегда. Ученые Троицкой Лавры, съ вѣроятностію, приписываютъ его епископу, полагая при томъ, что митрополитъ Кириллъ, на извѣстномъ соборѣ, присоединилъ это слово къ своему Правилу [46]). Это краткое Поученіе все исполнено сознанія святости іерейскаго сана. Приведемъ нѣкоторыя главныя мысли:

«Внимай, іереевъ соборъ преподобный! Къ вамъ мое слово. Вы нареклись земными Ангелами, небесными человѣками. Вы съ Ангелами предстоите у престола Господня; вы съ Серафимами носите Господа. Вы сводите съ небеси Духъ Святый, и претворяете хлѣбъ въ плоть, и вино въ кровь Божію, человѣкамъ невидимо, а святые многіе видѣли. Вы просвѣщаете людей крещеніемъ святымъ; вы связуете, вы разрѣшаете. Вами совершаетъ Господь тайну спасенія роду человѣческому; васъ поставилъ стражею и пастухами словесныхъ овецъ Своихъ, за нихъ же кровь свою изліялъ.... Господь сказалъ: лучше навязать жерновъ на шею и погрузить въ море, нежели соблазнить единаго изъ малыхъ. *Душѣ бо человѣческой, ни единой, міръ весь не равняется!*... Простецъ, согрѣшивъ, за одну свою душу дастъ отвѣтъ передъ Богомъ; а іерей, согрѣшивъ, многихъ соблазнитъ, и за души ихъ будетъ ему осужденіе....

«Я не лѣнюсь вамъ говорить.... Разумѣйте, какъ учить духовныхъ дѣтей: не слабо, чтобы лѣнивы не были; не жестко, чтобы не пришли въ отчаяніе....

«Святую же страшную службу совершайте со страхомъ. Никогда не входи во святой олтарь, имѣя вражду съ кѣмъ нибудь, и если спорилъ много съ кѣмъ, не служи въ тотъ день, но, укротивъ мысли, возшли молитвы къ Господу отъ чистаго ума. И не озирайся назадъ, но умъ весь имѣй горѣ: ты съ Ангелами служишь, и не мысли о земномъ въ тотъ часъ: ибо Небеснаго Царя пріемлешь въ сердце свое; весь освящайся Имъ.

«Блюдите и родимыхъ дѣтей вашихъ, чтобы цѣломудренны были до женитьбы. И безгрѣшный передъ Богомъ священникъ за сыновніе грѣхи можетъ быть посланъ въ муку, ибо не училъ добру сыновей своихъ, и не наказывалъ ихъ» [47]).

Наиболѣе значительный объемомъ и содержаніемъ памятникъ духовной словесности XIII вѣка составляютъ пять словъ Серапіоновыхъ, не въ давнемъ времени открытыхъ. Объ Серапіонѣ знали мы по лѣтописямъ и по Правиламъ Владимирскаго собора, что онъ изъ архимандритовъ Кіевопечерскаго монастыря, въ 1274 году, поставленъ былъ Кирилломъ митрополитомъ въ епископы городамъ Владимиру и Суздалю, и что въ слѣдующемъ 1275 году онъ преставился и похороненъ во Владимирской соборной церкви: «бѣ же сей *зъло учителенъ и силенъ въ божественномъ писаніи»*. Епископъ Филаретъ, авторъ Исторіи Русской Церкви, открылъ въ пергаменной рукописи Сергіевой лавры, писанной вѣроятно въ XIV вѣкѣ, подъ заглавіемъ *Златая чепь*, четыре поученія, надписанныя именемъ *Преподобнаго Отца нашего Серапіона*. Пятое найдено мною въ рукописи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, подъ заглавіемъ: *Слово блаженнаго Серапіона о маловѣріи*[48]).

Пребываніе Серапіона въ монастырѣ Печерскомъ указываетъ на то, что онъ могъ образовать искусство словесное въ

той самой обители, которая, какъ мы знаемъ, была его разсадникомъ. Время же поученій ясно опредѣляется нѣкоторыми событіями современными эпохѣ Татарской.

Въ 1230 году, въ 3-й день маія, въ пятницу, на праздникъ преподобнаго Өеодосія, во время святой литургіи, когда читалось евангеліе въ соборной церкви Пресвятой Богородицы во Владимірѣ, потряслась земля, а съ нею и церковь и трапеза; иконы двигались по стѣнамъ, паникадило со свѣчами поколебалось; люди изумились; говорили другъ другу, что голова у нихъ кружится. Землетрясеніе было и въ другихъ городахъ, но въ Кіевѣ всего сильнѣе. То былъ праздникъ самаго Кіева, праздникъ св. Өеодосія, и каменная церковь монастыря Печерскаго треснула на четыре части въ то самое время, какъ были въ ней митрополитъ Кириллъ, князь Владиміръ, бояре и множество народа. Въ трапезницѣ камень посыпался сверху на кушанье и на питье. Въ Переславлѣ Залѣсскомъ обрушился сводъ церкви св. Михаила. По случаю этого страшнаго событія, съ разсказа очевидцевъ записаннаго лѣтописцами, зачинается слово Серапіоново. «Вы слышали, братія, слова Евангелія, говоритъ проповѣдникъ: въ послѣдняя лѣта будутъ знаменія въ солнцѣ и въ лунѣ и въ звѣздахъ, и труси по мѣстомъ и глади. Тогда реченное Господомъ—нынѣ сбывается. Сколько разъ видали мы солнце погибшее, луну померкшую! Нынѣ же видѣли своими глазами и земли трясеніе. Земля, отъ начала утвержденная и неподвижная, повелѣніемъ Божіимъ нынѣ движется, грѣхами нашими колеблется, беззаконія нашего сносить не можетъ. Не послушали мы Евангелія, не послушали Апостола, не послушали Пророковъ, не послушали свѣтилъ великихъ: Василія, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и иныхъ Святителей святыхъ, ими же вѣра утвержена, еретики про-

гнаны и Богъ познанъ всѣми языками.... Господь уже не устами говоритъ намъ, но дѣломъ насъ наказываетъ. Всѣмъ казнивъ, не отвлекъ Онъ насъ отъ злаго обычая: нынѣ землею трясетъ и колеблетъ, беззаконія и грѣхи многія отъ земли отрясти хочетъ, какъ листья съ дерева. Но скажутъ: бывали и прежде потрясенія. Такъ, бывали, но потомъ, что̀ было намъ? Не голодъ ли? Не моръ ли нѣсколько разъ?[49]) не рати ли многія? Однако мы не покаялись, пока пришелъ на насъ народъ немилостивый, по Божію попущенію, опустошилъ нашу землю, взялъ наши города, разорилъ святыя церкви, избилъ отцовъ и братій нашихъ, поругался надъ матерями и сестрами нашими.... Нынѣ, братія, убоимся прещенія страшнаго.... Отступимъ отъ немилостивыхъ судовъ, оставимъ кровавое *рѣзоимство*.... Въ какое время видали мы столько примѣровъ внезапной смерти? Иные не успѣли о домѣ своемъ сдѣлать распоряженія, какъ были ею похищены. Иные съ вечера легли здоровы, и не проснулись поутру.... Много разъ говорилъ я.... Но многіе не внимаютъ, а дремлютъ, какъ будто безсмертные».... Мыслію о страшномъ судѣ и послѣднемъ воздаяніи заключается слово.

Время, когда сказано было второе слово Серапіоново, опредѣляется вѣрно: «Се уже къ й лѣтъ приближаеть томление и мука», говоритъ онъ объ нашествіи иноплеменниковъ и о тяжкихъ даняхъ, которыя отъ нихъ наложены. Стало быть, слово говорено было въ 1264 году. Неистощимъ въ укорахъ проповѣдникъ. «Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными. Много разъ я говорилъ вамъ.... но не вижу въ васъ перемѣны». Слѣдуетъ исчисленіе пороковъ, изъ которыхъ особенно *рѣзоимство* поражаетъ пастыря.—«Чѣмъ мнѣ утѣшиться? Чѣмъ обрадоваться? Всегда сѣю въ ниву

сердецъ вашихъ сѣмя божественное, и никогда не вижу, чтобы оно прозябло и плодъ породило». Послѣ увѣщаній изображается современное состояніе Россіи, какъ повторяется оно съ нѣкоторыми измѣненіями и въ Правилѣ Кирилла митрополита: «Чего не навели мы на себя? Какой казни отъ Бога не воспріяли? Не плѣнена ли была наша земля? Не взяты ли были наши города? Не пали ли отцы и братья наши трупами на землю? Не отведены ли наши жены и дѣти въ плѣнъ? Не порабощены ли были мы, оставшіеся, горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже къ сорока годамъ приближается наше томленіе и мука; и тяжкія дани съ насъ не прекращаются, и голодъ и моръ скота нашего! И въ сласть хлѣба мы съѣсть не можемъ. И воздыханіе и печаль изсушаютъ кости наши. А что̀ насъ до сего довело? Наше беззаконіе, наши грѣхи, наше непослушаніе, наша нераскаянность. Молю васъ, братія: каждый изъ васъ вникни въ свои мысли, сердечными очами разсмотри дѣла свои; раскайся — и гнѣвъ Божій минуетъ.... Великими насъ Господь сотворилъ, а ослушаніемъ мы сдѣлались малы. Не погубимъ братія, величія нашего.... *Прослезимъ*, сотворимъ милостыню нищимъ, поможемъ бѣднымъ».... Приводится примѣръ Ниневіи: она согрѣшила, но потребила беззаконія свои покаяніемъ, постомъ, молитвою и плачемъ, наложивъ постъ на всѣхъ отъ старцевъ и юношей до грудныхъ младенцевъ, лишивъ ихъ на три дни молока, и на самый скотъ, на коней и домашнихъ животныхъ, и умолила она Господа, и ярость Божія перешла въ милосердіе. — «Но что намъ говорить о нихъ? Мы сами чего не видали? Чего надъ нами не сотворилось? Чѣмъ не наказываетъ насъ Господь Богъ нашъ желая обратить насъ отъ беззаконій нашихъ? Ни одного лѣта, ни зимы не проходило, чтобы Богъ не казнилъ насъ....

Терпятъ и праведные вмѣстѣ съ грѣшными; тѣмъ свѣтлый вѣнецъ, а этимъ бо́льшія мученія за страданія праведныхъ». Проповѣдникъ заключаетъ молитвенными изреченіями Псалмопѣвца о обращеніи народа и помиловании его.

Третье слово, возобновляя тѣже укоры, содержитъ въ себѣ превосходное изображеніе Монгольскаго нашествія, напоминающее слова книги Второзаконія (гл. 28.ст. 49.). «Тогда Господь навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, не щадящій ни красоты юной, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей. Мы подвинули на себя ярость Бога нашего. По Давиду, вскорѣ восгорѣлась ярость Его на насъ. Разрушены божественныя церкви; осквернены сосуды священные, потоптана святыня; святители мечу въ пищу достались; тѣла преподобныхъ иноковъ птицамъ повержены на снѣдь; кровь отцевъ и братьевъ нашихъ, какъ многая вода, напоила землю. Изчезла крѣпость нашихъ князей и воеводъ; храбрые наши, исполненные страха, бѣжали. Большая часть братьевъ и дѣтей нашихъ отведена въ плѣнъ. Села наши поросли травою, и величество наше смирилось, красота погибла, богатство наше другимъ въ корысть досталось, трудъ нашъ поганые наслѣдовали. Земля наша сдѣлалась достояніемъ иноплеменниковъ; въ поношеніе стали мы живущимъ *вскрай земли нашей*, въ посмѣхъ врагамъ нашимъ [50]). Какъ дождь съ небеси, мы свели на себя гнѣвъ Господень.... Не было казни, которая бы насъ миновала.... Умаленные, мы еще величаемся.... Завистъ умножилась, злоба перемогаетъ насъ, величанье вознесло умъ нашъ, *ненависть къ ближнимъ вселилась въ сердца наши*, корыстолюбіе поработило насъ: нѣтъ въ насъ милости, не милуемъ и сиротъ, *не сознаемъ естества человѣческаго;* но какъ звѣри алчутъ плоти, такъ и намъ всѣхъ бы погубить, да

чужое заграбить!.... Богъ говоритъ устами пророка: не разумѣютъ ли люди, что величайшее беззаконіе снѣдать людей вмѣсто хлѣба?.... Лихоимцы и грабители осудятся вмѣстѣ съ идолослужителями.... Моисею что сказалъ Богъ? Если озлобите вдовицу и сироту, слухомъ услышу вопль ихъ и разгнѣваюсь яростью, и погублю васъ мечемъ. И нынѣ сбылось реченное. Не отъ меча ли мы падали, не одинъ разъ и не два?... Вспомнимъ наибóльшую заповѣдь — любить другъ друга.... не воздавать зломъ за зло. Нѣтъ ничего ненавистнѣе Господу, какъ человѣкъ злопамятный. Какъ же мы скажемъ: Отче нашъ, остави намъ грѣхи наши; а сами не оставляемъ? Въ ню же мѣру мѣрите, отмѣрится вамъ». Заключеніе этого слова все исполнено намѣковъ на братскія междоусобія, раздиравшія Русскую землю.

Четвертое слово, презамѣчательное, направлено все противъ варварскаго обычая сожигать волхвовъ. Въ лѣтописи этого столѣтія упоминается о сожженіи четырехъ волхвовъ въ Новгородѣ. Должно предполагать, что бывали и другіе примѣры подобнаго варварства. «Малъ часъ порадовался о васъ, чада, говоритъ проповѣдникъ, видя вашу любовь и послушанье.... Но вы еще поганскаго обычая держитесь, волхвованію вѣруете, и пожигая огнемъ невинныхъ людей, наводите на весь міръ и градъ убійство. Если кто и не участвовалъ въ убійствѣ, а въ сонмищѣ былъ и соглашался, и тотъ убійца. Кто могъ помочь, да не помогъ, какъ будто бы самъ велѣлъ убить. Изъ какихъ книгъ, изъ какого писанія вы слышали, что отъ волхвованія бываетъ на землѣ голодъ, и что волхвованіемъ умножается жито? Если вѣрите сему, то за чѣмъ сожигаете ихъ? Молитесь имъ, чтите ихъ, приносите имъ дары, чтобы они благоустрояли міръ, пускали дождь, приводили тепло, ве-

лѣли землѣ плодить. Нынѣ вотъ три лѣта, нѣтъ рода житу, не только на Руси, но и въ Латыни: развѣ это волхвы сотворили? Развѣ не Богъ устроиваетъ Свою тварь, какъ хочетъ, за грѣхъ насъ томя? Изъ божественнаго писанія я знаю, что чародѣи дѣйствуютъ на людей, но только на тѣхъ, которые вѣруютъ въ нихъ. И бѣсы дѣйствуютъ, по Божію попущенію, на тѣхъ, кто ихъ боится. Но кто вѣру твердую содержитъ въ Бога, надъ тѣмъ чародѣи не имѣютъ силы. Печаленъ я о вашемъ безуміи. Молю васъ отступите отъ дѣлъ поганскихъ.... Если вы хотите очищать городъ отъ людей беззаконныхъ, очищайте. Царь Давидъ тоже дѣлалъ, но онъ судилъ въ страхѣ Божіемъ, видѣлъ Святымъ Духомъ и отвѣтъ давалъ по правдѣ. А у васъ одинъ судитъ по враждѣ, другой ради горькаго прибытка. Иной же, лишенный ума, только жаждетъ убить и ограбить; а за что убить, и того не знаетъ. Правила божественныя повелѣваютъ, по свидѣтельству многихъ, осуждать на смерть человѣка. Вы же воду свидѣтелемъ поставили и говорите: если начнетъ утопать, неповинна; если поплыветъ, волшебница.... Вы оставили свидѣтельство богосотвореннаго человѣка, и пошли къ бездушному естеству, къ водѣ, чтобы отъ нея принять свидѣтельство и прогнѣвать Бога».— Проповѣдникъ припоминаетъ казни, бывшія древнему человѣчеству, переходитъ къ казни современной, къ иноплеменникамъ; велитъ чуждаться басней человѣческихъ, а притекать къ божественному писанію; радуется тому, что народъ ходитъ съ великою любовію въ церковь и стоитъ съ благоговѣніемъ. О если бы онъ могъ наполнить сердце и утробу каждаго разума божественнаго! — Таково желаніе проповѣдника, и такъ разумно дѣйствовала наша церковь въ томъ же самомъ XIII вѣкѣ, когда церковь западная учреждала повсюду инквизиціон-

ные суды (inquisitio haereticae pravitatis), подъ вѣдомствомъ ученаго ордена доминиканскихъ проповѣдниковъ, для которыхъ неистощимую пищу предлагали процессы о волхвахъ, когда самъ глава церкви, папа Іоаннъ XXII, въ началѣ XIV вѣка, личною боязнію чародѣйства, много содѣйствовалъ развитію грубаго варварства, осуждавшаго волшебниковъ на костры и висѣлицы[51]).

Въ пятомъ словѣ: *о маловѣріи*, повторяются нѣкоторые укоры, содержащіеся въ предъидущихъ словахъ. Проповѣдникъ указываетъ еще на суевѣріе: народъ запрещалъ погребать удавленниковъ и утопленниковъ, и выгребалъ ихъ, приписывая имъ несчастія, постигавшія землю. Далѣе, сильнѣе еще чѣмъ въ другихъ словахъ, преслѣдуетъ онъ пороки времени. «Это ли ваше покаяніе? восклицаетъ онъ. Тѣмъ ли Бога умóлите, чтобъ утопшаго или удавленника выгрести? Тѣмъ ли Божію казнь хотите утишить? Лучше, братья, престанемъ отъ зла; лишимся всѣхъ дѣлъ злыхъ: разбоя, грабительства, пьянства, прелюбодѣйства, скупости, лихвы, обиды, воровства, лживаго свидѣтельства, гнѣва, ярости, злопамятства, лжи, клеветы, рѣзоиманія. Я грѣшный всегда учу васъ, дѣти; велю вамъ каяться, вы же не перестали отъ злыхъ дѣлъ. А если какая на насъ казнь отъ Бога придетъ, то мы еще болѣе его прогнѣвляемъ, дѣлая извѣты: того ради ведро, сего дѣля дождь, того дѣля жито не родится,—и бываете строители Божіей твари, а о безуміи своемъ почто не скорбите? Поганые, закона Божія не вѣдая, не убиваютъ единовѣрныхъ своихъ, не грабятъ, не обижаютъ, не клеплютъ, не крадутъ, не запираются въ чужомъ. Поганый брата своего не продастъ; но кого изъ нихъ постигнетъ бѣда, то искупятъ его и на промыселъ дадутъ ему; а найденное въ торгу проявляютъ. Мы же считаемся вѣрными, крещены во имя Божіе, и заповѣди его слышимъ всегда, а исполнены не-

правды, зависти, немилосердія. Братію свою грабимъ, убиваемъ, въ погань продаемъ, обидимъ, завидуемъ: если бы можно, съѣли бы другъ друга... Кого, окаянный, кого снѣдаешь? Не такой же ли человѣкъ какъ и ты? Не звѣрь, ни иновѣрецъ. Почто плачь и клятву на себя привлекаешь? Или ты безсмертенъ? Не чаешь суда Божія?... Отъ сна воставъ, не на молитву умъ прелагаешь, а какъ бы озлобить кого, *лжами перемочь*. Говорю вамъ: не оставите сего, горшее вамъ будетъ.... Видно и за мои грѣхи бѣды съ вами дѣются; но придите со мною на покаяніе, да умолимъ Бога»...

Лѣтопись по Никонову списку хвалитъ еще Симеона, перваго епископа Тверскаго, изъ князей Полоцкихъ, какъ архипастыря добродѣтельнаго и учительнаго, и сильнаго въ книгахъ божественнаго писанія: князей не стыдился онъ, слово Христово правилъ истинно и право; всѣмъ творившимъ неправду былъ страшенъ. Митрополитъ Евгеній нашелъ одно Слово его между рукописями библіотеки Іосифа Волоколамскаго монастыря. Скончался онъ въ 1288 году [52])

Максимъ, митрополитъ Кіевскій, хиротописанный въ Царьградѣ въ 1283 году, хотя по происхожденію своему какъ Грекъ, и не могъ принимать участія въ словесномъ образованіи Россіи, но духовною дѣятельностію своею принесъ много пользы. Онъ въ 1301 году предлагалъ вмѣстѣ съ Ѳеогностомъ вопросы на соборѣ Царьградскомъ; онъ оставилъ Правила, касающіяся особенно семейнаго благоустройства. Главная заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ въ заключеніе вѣка (1299) перенесъ митрополію изъ Кіева во Владиміръ на Клязьму.

Гадательно, но съ вѣроятностію, можно отнести къ XIII-му же столѣтію *Ученіе ко всѣмъ христіаномъ*, судя по необыкновенной простотѣ содержанія и слова, напоминающей

времена первобытныя и слова Луки Жидяты и Феодосія. Предложивъ въ началѣ о необходимости соединять вѣру съ любовію, оно содержитъ наставленія: *о постѣ*, *о суспдѣхъ*, *о монастыри*, *о епископѣ*, *о князѣ*, *о друзѣхъ*, *о челяди*, *о смерти*, *о тайнѣ*, *о снехъ*, *о смиреніи*, *о рабѣхъ*, *о молитвѣ*. Изложимъ главныя мысли каждой статьи. Постъ чистый имѣйте къ Богу: постяся раздробляйте хлѣбъ свой. Не обижайте сиротъ домашнихъ, но милуйте ихъ: убогій индѣ себѣ выпроситъ, а домашніе въ твоихъ рукахъ. Челядь милуйте и учите на спасеніе и на покаяніе; старыхъ на свободу отпускайте, а иныхъ поучайте на послушаніе и на добро. Сосѣда не обижайте; не берите его земли за себя. Богъ не одному человѣку велитъ жить на землѣ, но многимъ. Монастыри любите: это сыновья святыхъ, *пристанища сего свѣта*. Входя въ нихъ, вы видите, какъ игуменъ пасетъ свое стадо; одинъ чернецъ не говоритъ, страха ради Божія; другой возноситъ руки и сердца горѣ, а очи держитъ долу; тотъ плачетъ въ своей кельѣ и лежитъ ницъ; этотъ работаетъ, какъ полоненный; тѣ заняты дѣломъ; другіе стоятъ въ церкви, будто каменные и неподвижные, возсылая молитвы къ Богу за весь міръ. Епископовъ чтите, какъ Петра и Павла: они молитвенники за ваши домы и за ваше спасеніе. Принимая чернеца или причетника въ домъ свой, болѣе трехъ чашъ не принуждайте пить: бѣсовское дѣло — до срама напоять слугъ Божіихъ, надобно отпустить ихъ съ поклономъ и взять ихъ благословеніе. — *Пріяйте* князю главою своею и мечемъ своимъ и всею мыслію своею: не возмогутъ иные князи противиться вашему добру, если будете вѣрны вашему князю, и разбогатѣетъ земля ваша, и плодъ добрый возьмете съ нея. Если кто отъ своего князя къ иному князю отъ-

ѣдетъ, то подобенъ будетъ Іудѣ, замыслившему продать Господа князьямъ Жидовскимъ. — Друзьямъ малымъ и великимъ покоряйтеся; на пиръ званы будете, садитесь на послѣднемъ мѣстѣ, и васъ пригласятъ на высшее. — Челядь свою кормите до сытости, одѣвайте и обувайте; если же не кормите, не обуваете, а холопа или рабу вашу убьютъ въ воровствѣ, за кровь ихъ вы будете отвѣчать въ день страшнаго суда. Учите ихъ на крещеніе, на покаяніе, на весь законъ Божій: ты какъ апостолъ въ домѣ своемъ. Учи грозою и ласкою; если же не учишь, отвѣтъ дашь за то передъ Богомъ: Авраамъ самъ училъ своихъ домочадцевъ всему добру, закону Божію и доброму нраву. Если же тебя не послушаютъ ни мало, то не щади лозы, и отъ 4-хъ до 6-ти, до 12-ти, 20-ти и даже до 30 ударовъ, смотря по винѣ, дать позволяется [58]). Если умретъ жена, и возьмешь другую, и будетъ она не любить дѣтей отъ первой, осужденъ будешь на муку вѣчную и подобенъ коню, который отдалъ себя въ управленіе кобылѣ. — Кто хочетъ любить животъ свой, и голову свою, и домъ свой, да хранитъ тайну царскую и друзей своихъ. Премудрость сказала: слышалъ тайну, да умретъ съ тобою. Если же захотѣлъ кому передать, почитая его за добраго друга, то напрягъ стрѣлы съ *чемерью* и съ сѣрою горячею на главу свою и на домъ свой. Открывъ ее, будешь имѣть двухъ враговъ: и въ томъ, отъ кого слышалъ, и въ томъ, кому повѣдалъ. Кто блюдетъ тайну, тотъ блюдетъ и свою голову. — Снамъ не вѣрьте, братья и чада. Кто вѣруетъ снамъ, тотъ погибъ: многіе святые мужи тѣмъ себя погубили. Іисусъ Сирахъ говоритъ: кто можетъ за тѣнью своею или за вѣтромъ угнаться, тотъ сну вѣруй. — Если хочешь быть великъ передъ Богомъ и передъ человѣками, смирися.

Ко всякому ласкайся, въ очи и за очи. Надъ кѣмъ смѣются, а ты хвали его. — Рабы, работайте, думая, что вы не человѣку работаете, но самому Богу. — Вѣдомо будь, что не пытаемо молитвенное мѣсто: Іеремія умолилъ Бога въ пропасти, три отрока въ пещи, Даніилъ пророкъ во рву львиномъ, Іовъ на гноищи, Моисей на морѣ, разбойникъ на крестѣ: такъ и ты, гдѣ бы ни былъ, на морѣ, на пути, на торжищѣ, во всякомъ мѣстѣ или въ храмѣ, молись часто, и Богъ услышитъ тебя: Того бо есть земля и исполненіе ея, и на всякомъ мѣстѣ владычествіе Его [54]).

Къ числу учительныхъ сочиненій, которыя Церковь наша возглашала въ храмахъ Руси, во времена междоусобій, принадлежатъ три паремьи о убіеніи страстотерпцевъ Бориса и Глѣба отъ Святополка. Онѣ встрѣчаются въ рукописяхъ XIV столѣтія подъ заглавіемъ: *чтенія отъ Бытія*; заимствованы сокращенно изъ лѣтописи Нестора, но съ нѣкоторыми прибавленіями. Такъ, напримѣръ, въ началѣ говорится: «Братья! въ бѣдахъ пособивы бывайте: мужъ безумный плещетъ руками и радуется о злобѣ, когда удручаетъ братьевъ своихъ; грѣхолюбецъ радуется рати и кровопролитію: не добро ковать ковъ брату на брата. Горе душѣ твоей, поелику ты зло умыслилъ на праведныхъ братьевъ своихъ и сказалъ такъ: избію братьевъ своихъ и буду одинъ властителемъ на Руси, — не вѣдая, что мечь на него поострится. Не помянулъ онъ Іоанна Богослова, обличающаго его: возлюбленніи! аще кто речетъ: Бога люблю, а брата своего ненавижу, ложь есть; не любяй бо брата своего, его же видѣ, Бога, его же не видѣ, како можетъ любити?... Вотъ окаянный Святополкъ и братьевъ своихъ возненавидѣлъ»... Послѣ разсказа о убіеніи братьевъ, въ паремьѣ говорится: «Стѣнамъ твоимъ, Вышгородъ, я

устроилъ на весь день и на всю ночь стражей; они не уснутъ и не воздремлютъ, храня и утверждая отчину свою, Русскую землю, отъ супостатовъ поганыхъ и отъ усобной рати: праведникъ и по смерти живъ есть. Кровь ихъ до кончины вѣка не перестанетъ вопіять къ Богу на беззаконнаго и гордаго Святополка, лучше скажу Поганополка, безглаваго звѣря»...[55])

Лѣтописи XIII вѣка также памятники словесности, современныя самому столѣтію. Имена лѣтописцевъ столь же рѣдко встрѣчаются, какъ въ XI и XII столѣтіяхъ. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1230 годомъ, упоминаетъ о себѣ Тимоѳей пономарь. Въ другой рукописи, мѣсто Тимоѳея, стоитъ имя попа Іоанна. Явно, что оба они были переписчики и что каждый особо вписалъ свое имя[56]). Замѣтимъ слѣды времени существованія лѣтописцевъ и слѣды очевиднаго или по слуху свидѣтельства. Въ Воскресенскомъ спискѣ лѣтописи есть мѣсто, изъ котораго видно, что первый издатель онаго жилъ въ самомъ началѣ XIII вѣка, судя по именамъ Византійскихъ императоровъ, ему современныхъ, до которыхъ онъ доводитъ свое повѣствованіе[57]). Въ 1227 году лѣтописецъ былъ во Владимірѣ при ставленіи въ епископы игумна Митрофана митрополитомъ Кирилломъ и четырьмя епископами, въ присутствіи великаго князя Георгія Всеволодовича и дѣтей его, братьевъ его Святослава и Іоанна, и всѣхъ бояръ и множества народа: онъ называетъ это зрѣлище дивнымъ и преславнымъ[58]). Всѣ подробности разрушеній, какія произведены были въ разныхъ городахъ землетрясеніемъ 1230 года, разсказаны со словъ самовидцевъ: «тако слышахомъ у самовидѣць, бывшихъ тамо въ то время». Тоже самое прибавляетъ лѣтописецъ, говоря о знаменіяхъ небес-

ныхъ, видѣнныхъ въ Кіевѣ: «тако сказаша намъ самовидци, бывши тамъ»[59]). Ужасныя дѣйствія голода, въ томъ же году посѣтившаго Новгородъ, переданы со всѣми подробностями очевидца и могутъ принадлежать Тимоѳею пономарю, если онъ не былъ переписчикомъ. «Начали мы покупать хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадь по 20 гривенъ, а пшеницы по 40 гривенъ, а пшена по 50, а овса по 13 гривенъ, и разошелся городъ нашъ и волость наша, и полны были чужіе города и страны братій нашихъ и сестеръ, а остальные начали умирать, и кто не прослезится о семъ, видя мертвецовъ по улицамъ лежащихъ и младенцевъ псами изъѣдаемыхъ. И вложилъ Богъ въ сердце архіепископу Спиридону сотворить благое: онъ поставилъ скудельницу у Святыхъ Апостолъ, въ ямѣ, на Прусской улицѣ, и приставилъ къ ней мужа добраго и смиреннаго, по имени Станилу, который объѣзжалъ городъ на коняхъ, возилъ въ яму мертвецевъ, и наполнилъ ее до верха: мертвыхъ въ ней было 3030.... Что сказать о бывшей на насъ отъ Бога казни? Простолюдины рѣзали живыхъ людей и ѣли, иные обрѣзывали мясо съ труповъ, другіе ѣли конину, псину, кошекъ; кормились мхомъ, сосною, корою липовой, листомъ, кто чѣмъ могъ. Злые люди стали зажигать дома, гдѣ чуяли рожь, и грабили имѣніе. Мертвецы лежали по улицамъ, по торгу, по мосту по великому: псы ихъ ѣли. Поставили еще двѣ скудельницы, и тѣ всѣ наполнились: мертвыхъ было въ нихъ безъ числа. Видя все это передъ глазами, мы бы должны были дѣлаться лучшими, а становились хуже: братъ не жалѣлъ о братѣ, ни отецъ объ сынѣ, ни мать объ дочери; сосѣдъ сосѣду не уломлялъ хлѣба; не было милости между нами, но была туга и печаль. На улицѣ скорбь другъ съ другомъ; дома тоска, при видѣ дѣтей, съ плачемъ просившихъ

хлѣба или умиравшихъ. Покупали мы хлѣбъ по гривнѣ и больше, а ржи 4 ю часть кади по гривнѣ серебра, и отдавали отцы и матери дѣтей своихъ гостямъ изъ хлѣба. Это горе было не въ одной нашей землѣ, но и во всей области Русской кромѣ Кіева, и такъ Богъ воздалъ по дѣламъ нашимъ».

Лѣтописецъ, подъ 1231 годомъ пишущій похвалу Кириллу Епископу Ростовскому, явнымъ образомъ находился въ близкихъ съ нимъ сношеніяхъ и пользовался его ученіемъ. — Съ вѣроятностію можно тоже предположить о похвалѣ, которая подъ 1238 годомъ касается Ростовскаго князя Василька Константиновича, особливо по инымъ спискамъ лѣтописи: «Былъ лицемъ прекрасенъ, очами свѣтелъ, грозенъ взоромъ, паче мѣры храбръ, на ловахъ проворенъ, сердцемъ легокъ, а кто ему служилъ, а хлѣбъ его ѣлъ, чашу его пилъ, тотъ за его любовь ни какъ не могъ у инаго князя быть и служить, — такъ онъ любилъ слугъ своихъ»...[60]) Приступая къ описанію жизни и подвиговъ Александра Невскаго, лѣтописецъ говоритъ, что онъ слышалъ все это отъ отцевъ своихъ и самъ былъ свидѣтелемъ его возрасту, а разсказавъ о побѣдѣ его при Невѣ и о шести храбрыхъ витязяхъ, которые были съ нимъ: Гаврило Олексичъ, Сбыславъ Якуновичъ, Яковъ Полочанинъ, Миша, Сава и Ратмиръ, прибавляетъ, что все это онъ слышалъ отъ самаго господина своего великаго князя Александра и другихъ, которые въ той самой битвѣ находились.

На описаніяхъ нашествія Татарскаго живы, по большей части, слѣды впечатлѣній, принятыхъ очевидцами: такъ особенно это замѣтно подъ 1240 годомъ, гдѣ говорится о томъ, какъ Батый осадилъ Кіевъ. «Нельзя было въ городѣ разговаривая слышать другъ друга, отъ скрыпа телѣгъ, рева вер-

блюдовъ, отъ звука трубъ и органовъ, отъ ржанія конскихъ стадъ, отъ клича и вопля безчисленныхъ человѣкъ: вся земля была наполнена Татарами».

Не смотря на то, что лѣтописи XIII вѣка носятъ на себѣ характеръ удѣльнаго періода и занимаются подробностями, относящимися къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ составлены отдѣльные ихъ списки, всѣ важнѣйшія событія Татарскаго нашествія, объемлющія и несчастія отечества и подвиги самоотверженія, разсказаны почти одинаково во всѣхъ возможныхъ спискахъ. Таковы: самое первое впечатлѣніе ужаса отъ Татаръ, битва при Калкѣ, нашествіе Батыя, взятіе Рязани, Москвы, Владиміра, подвигъ Владимірскаго епископа Митрофана, упорная осада Козельска, битва при Сити, кончина Георгія Всеволодовича и Василька Константиновича, осада и взятіе Кіева, мученическіе подвиги Михаила Черниговскаго съ бояриномъ Ѳеодоромъ и Романа Рязанскаго. Нѣкоторые частные подвиги противъ Татаръ, какъ напримѣръ Евпраксіи Рязанской, Евпатія Коловрата, Меркурія Смоленскаго, описаны не вездѣ съ равною подробностію. Но главныя событія, помянутыя выше, записаны вездѣ, записаны даже въ лѣтописи Новгорода, который, болѣе чѣмъ другіе города, отторгался отъ Русскаго единства. Тоже слѣдуетъ сказать о подвигахъ Александра Невскаго, этого единственнаго героя силы въ XIII вѣкѣ, надежды отечества, на которомъ отдыхаетъ сердце Русское, истерзанное его бѣдствіями. И они, какъ событія славы, записаны одинаково повсюду, въ слѣдъ за событіями горя и страданія. Въ словѣ лѣтописей, мысль Вѣры и чувство любви къ землѣ Русской, водившія перомъ лѣтописцевъ, уготовляли желанное освобожденіе отъ тяжкаго ига и будущее единеніе земли въ одну державу несокрушимую. Переписыва-

ніе и чтеніе этихъ страницъ, облитыхъ нерѣдко слезами и смягченныхъ молитвою, конечно, приняло не малое участіе въ избавленіи Россіи.

Замѣтимъ черты образованности и начитанности въ нашихъ лѣтописяхъ. Но начнемъ съ черты противной, съ черты признанія въ невѣжествѣ. Новгородскій лѣтописецъ, говоря о первомъ нашествіи Татаръ, такъ выражается: «Богъ одинъ вѣдаетъ, кто они и откуда вышли; премудрые мужи, кто книги разумѣетъ, знаютъ ихъ хорошо; мы же ихъ не знаемъ, кто они, но здѣсь вписали объ нихъ памяти ради Русскихъ князей, и бѣдъ, которыя имъ были отъ нихъ». Волынскій лѣтописецъ подъ 1233 годомъ приводитъ изъ Гомера слова объ лести: «О злая лесть! до обличенія сладка она, обличенная же зла; кто въ ней ходитъ, конецъ злой пріиметъ. Злѣе зла это зло»! Въ другомъ мѣстѣ ссылается онъ на хронографъ[61]). Вообще должно замѣтить, что Волынскій лѣтописецъ болѣе оживляетъ свое повѣствованіе поэзіею: битвы Даніила и Василька съ Ростиславомъ подъ перомъ его весьма живописны. Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи, подъ 1248 годомъ, встрѣчается преданіе о войнѣ царя Батыя съ Венгерскимъ королемъ Владиславомъ, какъ Батый осадилъ Варадинъ и плѣнилъ сестру Владислава, которая потомъ уже помогала врагу противъ брата, какъ наконецъ Владиславъ убилъ царя Батыя и съ нимъ измѣнницу сестру свою. Это преданіе, конечно, заимствовано изъ исторіи племенъ Славянскихъ. Здѣсь же упоминается о томъ, что Угры прежде были православными, принявъ крещеніе отъ Грековъ, что потомъ, по недостатку своей грамоты, перешли къ Римлянамъ и что Святый Савва архіепископъ Сербскій обратилъ короля Владислава снова къ православію, но не явно, а тайно, изъ боязни возстанія народнаго[62]).

Личность лѣтописцевъ, вмѣстѣ съ именами ихъ, скрывается въ общемъ духѣ историческаго сказанія. Они позволяютъ себѣ чувство, размышленіе, укоръ, совѣтъ, но не отъ лица своего, а въ силу того общаго начала, которое и тогда уже составляло основу Русской жизни. Иногда чувство Русскаго, повѣствующаго о бѣдствіяхъ отечества, вырывается простымъ, но сильнымъ воплемъ: «Да кто, отцы, братья и дѣти, видя это Божіе попущеніе на всю Русскую землю, изъ насъ не плачется? кто остался въ живыхъ? О если бы мы это видя устрашилися, и восплакали бы о грѣхахъ своихъ день и ночь, забывъ про имѣніе и ненависть братскую!»[63]) Лѣтописецъ южный, болѣе страстный чѣмъ сѣверные, разсказывая объ униженіяхъ, которыя переноситъ Даніилъ, сынъ славнаго Романа, въ ордѣ Батыевой, какъ пьетъ кумысъ и зовется отъ Батыя Татариномъ, глубоко чувствуетъ обиду земли своей и не можетъ удержаться отъ восклицанія: «О злѣе зла честь Татарская! Даніилъ Романовичь, князь бывшій великимъ, обладавшій Русскою землею, Кіевомъ, Владиміромъ и Галичемъ, нынѣ сидитъ на колѣнахъ, называется холопомъ, дани отъ него хотятъ, живота не чаетъ, грозы на него приходятъ. О злая честь Татарская! Его же отецъ былъ царемъ въ Русской землѣ, покорилъ землю Половецкую, воевалъ на иныя страны, а сынъ не пріялъ его чести: то иной кто можетъ пріять?.... Когда пришелъ онъ опять въ свою землю, братъ и сыновья его встрѣтили и былъ *плачь обидѣ его*»....[64])

Лѣтописцы сѣверные, менѣе чувствительные къ обидѣ, предаются важнымъ благочестивымъ размышленіямъ, соединеннымъ съ укорами. «Се наводитъ на насъ Богъ, веля намъ имѣть покаянье и воспрянуть отъ грѣховъ нашихъ.... Богъ казнитъ рабовъ своихъ напастьми разноличными: огнемъ, во-

дою, ратью, смертью внезапною: такъ и подобаетъ христіанамъ многими напастями и скорбями внити въ царство небесное, если съ благодареньемъ примутъ напасти». — «Богъ, видя наши беззаконія, братоненавидѣніе, зависть, видя какъ мы, присягая во лжи, скверными устами цѣлуемъ тотъ крестъ, котораго Ангелы зрѣть не могутъ, а многоочитые крылами закрываются, — наводитъ поганыхъ на насъ: они землю нашу опустошили, и мы сами не блюдя ничего, безъ милости истеряли власть свою». — «Грѣховъ ради нашихъ, Богъ попустилъ на насъ поганыхъ: по гнѣву Своему наводитъ иноплеменниковъ на землю.... Усобная рать бываетъ отъ дьявола, Богъ же не хочетъ зла въ человѣкахъ, а дьяволъ радуется злому убійству и кровопролитію. Землѣ же, которой либо согрѣшившей, Богъ казнитъ ее смертію, или голодомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или ведромъ, или дождемъ сильнымъ, или казнями иными ...» — «Братія, за грѣхи наши казнитъ насъ Богъ, и отъялъ у насъ мужей добрыхъ, чтобы мы покаялись. Писаніе говоритъ: дивное оружіе молитва и постъ, и паки: милостыня, совокупленная съ постомъ и молитвою, отъ смерти избавляетъ человѣка.... А мы хотимъ съѣсть завистью братъ брата, другъ друга. Цѣлуемъ крестъ и преступаемъ его, не вѣдая, какова сила крестная: крестомъ побѣждены бѣсовскія силы, крестъ князямъ пособляетъ въ браняхъ, крестомъ ограждаемые вѣрные люди побѣждаютъ сопротивныхъ»....[65]).

Разсказавъ мученическій подвигъ князя Рязанскаго Романа, лѣтописецъ съ такимъ совѣтомъ обращается къ князьямъ Русскимъ: «О возлюбленные князья Русскіе! не прельщайтесь суетною и маловременною прелестною славою свѣта сего: она хуже паутины, измѣняется ежечасно, какъ тѣнь проходитъ, какъ дымъ исчезаетъ, какъ сонъ она вся: вы не принесли на

этотъ свѣтъ ничего, ни отнести съ него что можете: наги вышли изъ чрева своей матери, наги и отойдете. Не обижайте другъ друга, не лукавствуйте между собою, не похищайте чужаго, не обижайте меньшихъ сродниковъ вашихъ, ихъ же Ангелы видятъ лице Отца вашего небеснаго. Возлюбите истинную правду и смиреніе, долготерпѣніе, чистоту, любовь и милость, да радость Святыхъ исполнится»[66]).

Въ Русскомъ Временникѣ, по случаю описанія нашествія Батыя подъ 1240 годомъ, встрѣчается весьма краснорѣчивое отступленіе, въ которомъ мрачными красками изображены бѣдствія Русской земли, и передъ этимъ зрѣлищемъ вся природа плачетъ и «плачетъ общая наша мать земля, какъ чадолюбивая мать плотская, и стеная говоритъ: Сыны, сыны Русскіе! за чѣмъ ходили вы предъ Господомъ Богомъ, сотворившимъ васъ въ похотяхъ сердецъ вашихъ? или не слыхали пророка Господня говорящаго: аще хощете и послушаете мене, благая земли снѣсте; аще ли не хощете, ни послушаете мене, оружіе васъ поястъ: уста Господни глаголали сіе. Чада мои, чада мои! прогнѣвали вы Господа своего, моего Творца и Бога! Вижу, какъ васъ отторгаютъ отъ нѣдръ моихъ, какъ праведнымъ судомъ Божіимъ впадаете въ немилостивыя руки поганыхъ; вижу иго работы на плечахъ вашихъ. Я же, безъ васъ, моихъ чадъ любимыхъ, остаюсь вдова бѣдная и бездѣтная. Но кого прежде мнѣ оплакивать? мужа ли? чадъ ли любимыхъ? Вдовство мое — опустѣніе многихъ городовъ, честныхъ монастырей, святыхъ церквей, лишеніе чадъ, учителей, священниковъ, властителей и народа». Плачь земли Русской заключается ея молитвою къ Господу, «да утолитъ праведный гнѣвъ свой и *возвратитъ плѣненныхъ во свояси*, и къ этой молитвѣ присоединяется молитва всѣхъ

православныхъ, чтобы Господь избавилъ насъ отъ злаго нашествія нечестивыхъ варваровъ и укрѣпилъ на нихъ православныхъ царей нашихъ». — Заключеніе показываетъ, что это есть позднѣйшее распространеніе какого нибудь отголоска лѣтописи современнаго событіямъ XIII вѣка.

Скорбь объ отечествѣ, покаяніе и молитва даютъ главное содержаніе и силу Русскому слову въ XIII вѣкѣ: оно не обильно, но значительно. Пораженный внѣшними бѣдствіями, избранный Русскій человѣкъ того времени все болѣе и болѣе уходилъ въ самаго себя, и здѣсь, внутренними слезами омывая бѣды родной земли своей, воспитывалъ въ себѣ тѣ духовныя силы, которыя возрасли послѣ и уже въ слѣдующемъ вѣкѣ, обильно развиваясь, уготовляли славное освобожденіе Отечества.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) См. Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней, Томъ I. Часть II. стран. 134—142.

[2]) Лавр. спис. Кіевск. Лѣтоп. стран. 185. Тогоже лѣта ([illegible]) Князь Гюрги, сынъ Всеволожь, наведъ Симона игумена блаженнаго отъ Рождества Святыя Богородица, и посла и въ Кыевъ къ митрополиту, и постави и епископомъ Суждалю и Володимерю: стран. 190. Въ лѣто 6734, мѣсяца мая въ 22 день, преставися блаженный и милостивый, учителный епископъ Симонъ Суждальскый и Володомерьскый, постригъся въ скыму, и положено бысть честное тѣло его въ церкви святыя Богородица въ Володимери.

[3]) См. Ист. Р. Слов. Т. I. Часть II. стран. 137—142.

[4]) Напечатано въ Памятникахъ Россійской словесности, изданныхъ К. Ѳ. Калайдовичемъ, подъ № XXI. стран. 249 подъ заглавіемъ: Посланіе смиренаго Епископа Симона Владимерскаго и Суздальскаго къ Поликарпу черноризцу Печерскому, по двумъ спискамъ — Сvнодальному начала XVI вѣка и списку библіотеки Графа Толстова, писанному въ 1549 году. Это посланіе не находится въ древнѣйшемъ харатейномъ спискѣ Патерика 1406 года, судя по описанію его содержанія, напечатанному А. М. Кубаревымъ въ 9 № Чтеній Обще-

щества И. и Д. Р. 1847. Этотъ списокъ Патерика, хотя и древнѣйшій, не есть однако лучшій.

⁵) Книга Степенная Ч. I. стран. 480. Егда же ли кто отъ препростія сердца, и грубостію невѣдѣнія божественныхъ писаній, или въ нѣкое прегрѣшеніе преткнется, и таковія отъ достовѣрнѣйшихъ и истинно вѣдущихъ божественное писаніе благоразсудными бесѣдами и посланьми люботрудными другголюбезно и благомудренно другъ друга исправляху.

⁶) Якоже бо дождь раститъ сѣмя, тако и церкви влечеть душу на добрыя дѣла: все бо елико творяши въ келіи ни въ чтоже суть, аще и Псалтырь чтеши, или обавадесять псалма поеши, ни единому Господи помилуй подобится съборному пѣнію. О семъ, брате, разумѣй, яко верховный Апостолъ Петръ, самъ церкви сый Бога жива, егда ятъ бысть отъ Ирода и всаженъ въ темницю, не отъ церкви ли бывающа молитва избави отъ руку Иродову? Давыдъ бо молится глаголя: единого прошу у Господа и того взыщу, да живу въ дому Господнѣ вся дни живота моего, и да зрю красоты Господня и посѣщаю церковь святую его. Самъ же Господь глаголеть: домъ мой, домъ молитвы наречется; идѣ же бо, рече, два или тріе събрани во имя мое, ту есмь посреди ихъ. То аще толикъ зборъ болѣ ста сберется, вѣруй яко ту есть Богъ нашь. Отъ того бо божественаго огня тѣхъ обѣдъ створяется, его же азъ желаю единоа крупицы, паче всего суща иже предо мною.

⁷) «Но что пишетъ блаженный Іоаннъ иже въ Лѣствицѣ?»—«Аще хощеши вся увѣдати, почти Лѣтописца старого Ростовьскаго, есть бо всѣхъ болѣ л҃, а еже потомъ и до насъ грѣшныхъ, мню, близъ н҃».—«Аще ли кому невѣрно мнится се написанбе, да почтетъ Житія святыхъ Отецъ нашихъ, Антонія и Ѳеодосія, начальника Рускимъ мнихомъ, и тако да вѣруетъ».—Объ Житія Антонія говоритъ Симонъ и въ другихъ мѣстахъ, которыя высчитаны въ статьѣ А. М. Кубарева: О Патерикѣ Печерскомъ, напечатанной въ 9-мъ N Чтеній Общества И. и Д. Р. 1847.

⁸) Исторія Россійская Татищева. Книга 1 Часть 1. стран. 58. «Сего времени (т. е. съ 1203 года по 1226), или мало прежде, видимъ, что Симонъ Епископъ въ Бѣлой Руси дополнялъ, ибо просто Русскіе или Малорусскіе и Червенскіе Руси или Волыни дѣлъ весьма мало упоминается. Оной Симонъ Епископъ умеръ въ 1226. Сей Симонъ не токмо тщаніе къ Исторіи какъ гл. 5. н. 2. (*), но къ тому потребный

(*) Въ этомъ мѣстѣ Татищевъ говоритъ: «Равно тожъ и съ Несторовою лѣтописью учинилось, что Могила, жившіи въ семнадцатомъ вѣкѣ въ предисловіи Патерика говоритъ: Несторово писаніе Рускихъ дѣяній чрезъ войны отдалися отъ насъ, почитай написалъ Симонъ

способъ имѣлъ, ибо жилъ во время любомудраго Государя Константина, котораго онъ хотя по враждѣ съ его защитникомъ Георгіемъ III нѣсколько неправо обвиняетъ, а Георгія выхваляетъ, однакожъ Константина мудрымъ, кроткимъ и справедливымъ нарицаетъ. О его библіотекѣ великой и писаніи исторіи не умолчалъ, и въ учрежденіи училищъ хвалу приписываетъ. *Сей его или съ него списокъ, однакожъ довольно старъ* видѣлъ я, и выписывалъ у Артемья Волынскаго, которой кончелъ раззореніемъ Москвы отъ Тохтамыша въ 1384 году: однакожъ знатно, что въ тожъ время и по другимъ мѣстамъ Историки были, и дѣла тѣхъ временъ описывали, поне же нѣкоторые списки во многомъ съ онымъ разнятся, и многія, чего онъ не зналъ, дѣла въ разныхъ лѣтописцахъ находятся, токмо о творцахъ неизвѣстно, яко Голицынской, видно, что сочиненъ въ Волыни, Еропкина въ Полоцку, Хрущова въ Смоленскѣ, и единъ въ нижнемъ Новѣгородѣ; оный списокъ есть съ Новгородскаго.»

[9]) «Да слышитъ твое благоразуміе глаголы моего *малоумія* и несовершенна смысла,» пишетъ онъ къ Акиндину. «Не виндеши въ святое и честное мѣсто, въ немъ же еси *острилъся*,» говоритъ ему Симонъ въ своемъ Посланіи.

[10]) «Чай отъ Бога милости: труда ради твоего двои двери доспѣлъ еси то святѣй велицѣй церкви святыя Богородица Печерскія, и та отверзеть ти двери милости своея: ибо иереи вопіютъ о таковѣхъ всегда въ той церкви: Господи, освяти любящая благолѣпіе дому Твоего, и тыя прослави божественною силою Твоею.»

[11]) «Вземъ же Владимеръ (Мономахъ) едину святую Богородицу, и пославъ во градъ Ростовѣ въ тамо сущую церковь, юже самъ созда, иже и до нынѣ стоитъ, ейже азъ самовидецъ быхъ: сеже при мнѣ сотворися въ Ростовѣ, церкви той падшися, и та икона безъ вреда пребысть, и внесена бысть въ древяную церковь яже изгорѣ отъ пожара; икона же та безъ вреда бысть, ни знаменія огненаго на себѣ имущи.» Эта икона и теперь находится въ Ростовской Соборной церкви. См. мою Поѣздку въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, стр. 69.

[12]) Вотъ слова, которыми Симонъ заключаетъ Житіе Аѳанасія затворника: «Тыжъ, брате и сыну, симъ не послѣдуй: не тѣхъ бо ради пишу се, но да тебе приобрящу. Совѣтъ же ти даю благочестіемъ:

Епископъ Суздальскій». — А выше на той же страницѣ: «Петръ Могила въ предисловіи Патерика листѣ 6 пишетъ о немъ: Несторъ инокъ Печерскаго монастыря первѣе дѣянія Руская описалъ, а Симонъ Епископъ въ предисловіи, какъ Кипріанъ сказуетъ, написалъ: хотя мнози писатели о Руссахъ преди Нестора быша, обаче ово отъ древности изказишася, ово погибоша и мало Константинъ улучи, и Нестору Сильвестръ Выдобожскій исполня сохранилъ».

утвердися во святѣмъ томъ монастырѣ Печерскомъ не восхоща власти, ни игуменства, ни епископьства и довлѣетъ ти къ спасенію, еже скончати жизнь свою въ немъ. Вѣси самъ, яко могу сказати всѣхъ книгъ подобная, уне ми и тебѣ полезное, еже отъ того божественаго и святаго монастыря Печерскаго содѣянная и слышанная отъ многихъ мало сказати о Христѣ Іисусѣ о Господѣ нашемъ.

13) «Вопросилъ мя еси нѣкогда, воля ми сказати о тѣхъ черноризецъ содѣянная». — «Тѣмъ же и азъ грѣшный Поликарпъ, твоей воли работая, державный Акиндине, напишю мало нѣчто о блаженомъ Григоріи чюдотворцы».

14) Втораго посланія еже къ Архимариту Печерскому Акиндину о святыхъ и блаженныхъ черноризецъ братій нашихъ. Списано Поликарпомъ черноризцемъ того же монастыря Печерскаго.

15) «Древнихъ убо святыхъ подражающе мы грѣшніи писанію, еже они изъясниша и многимъ трудомъ взыскаша въ пустыняхъ, и горахъ, и пропастехъ земныхъ, инѣхъ убо сами видѣвше, инѣхъ же слышавше житія и чюдеса, и дѣлеса богоугодная преподобныхъ мужи написаша, инѣхъ же слышавше преже ихъ бывшихъ житія же и словеса и дѣянія, еже есть *Патерикъ печерскій* въ томъ сложише, сказаша о нихъ отцы, еже мы почитающе, наслаждаемся духовныхъ тѣхъ словесъ. Азъ же недостойный ни разума истинны не постигъ, и ничтоже отъ тѣхъ таковаго видѣхъ, но слышанію послѣдуя, еже ми сказа преподобный Симонъ и сія написахъ твоему отечеству, и нѣсть николиже обходилъ святыхъ мѣстъ, ни Іерусалима видѣхъ, ни Синайскія горы, да быхъ что приложилъ къ повѣсти, якоже обычай имутъ хитрословесницы симъ краситися, мнѣ жъ да не буди похвалитися. Но токмо о святѣмъ семъ монастыри Печерскомъ, и въ немъ бывшихъ святыхъ черноризець, и тѣхъ житиемъ и чюдесы ихъ же поминаю радуяся, желаю и азъ грѣшный святыхъ тѣхъ отецъ молитвъ».

16) «Аще повелитъ твое преподобство написати ихъ же ми умъ постигнеть и память принесеть, аще ти непотребно будеть, да сущимъ по насъ пользы ради оставимъ, якоже блаженый Несторъ въ Лѣтописцы написа о блаженныхъ отцѣхъ: о Дамиани и Ереміи, и Матеѣ, и Исакіи. Въ Житіи же святаго Антонія вся житія ихъ написана суть, аще вкратцѣ речена, но и паче прежереченіи черноризцы, ясно реку, а не втайнѣ, якоже и прежде. Аще бо азъ премолчю, отъ мене до конца забвена будутъ, и къ тому не помянутся имена ихъ, якоже было и до сего дни. Се же речеся въ г҃і лѣто твоего игуменства, еже не бысть воспоминовенія за г҃ и ѯ҃. лѣтъ, нынѣ же твоея ради любве и утаеная слышана быша».

17) Въ лѣто 6739... Поставленъ бысть Кирилъ епископомъ мѣся-

ца априля въ 6 день, въ недѣлю святыхъ Мироносицъ по пасцѣ; священъ же бысть пресвященымъ митрополитомъ Кириломъ и съ окрестными епископи.... и игумени инози, и *архимандритъ святыя Богородица монастыря Печерьскаго Анкюдинъ*. Лавр. сп. стран. 194.

[18]) Кромѣ того мѣста, которое приведено въ 15 примѣчаніи, приведу самое начало Посланія: «Господу поспѣшествующу в слово утверждающу ко твоему благоуйію, пречестный Архимарите всея Русіи, отче и господине мой Анкидине, подайже ми благоприятныя твоя слуха да въ ня возглаголю дивныхъ и блаженныхъ мужь житія, дѣяніи и знаменія бывшихъ во святѣмъ семъ монастырѣ Печерскомъ, еже слышахъ о нихъ отъ Епископа Симона Володимирскаго и Суздальскаго, брата твоего, черноризца бывшаго тогожъ Печерскаго монастыря иже и сказа мнѣ грѣшному»....

[19]) «И въ таковѣмъ страданіи лежа преподобный Пиминъ лѣтъ к҃; во время же преставленія его явишася три столпы надъ трапезницею, и оттуду на верхъ церкви пріидоша, о нихъ же речено бысть въ лѣтописцы. Свѣсть же Богъ, знаменіе сіе показавы, или сего ради блаженнаго, или ино кое смотрѣніе бысть».

[20]) «Болеславъ.... воздвиже гоненіе велие на черноризцы, изгна вся отъ области своея; Богъ же сотвори отмщеніе рабомъ своимъ вскорѣ: во едину убо нощъ Болеславъ напрасно умре, и бысть мятежъ великъ во всей *Лядской* земли, и возставше людіе избиша епископы своя, и боляры своя, якожъ и въ лѣтописцы повѣдаетъ». Изъ Житія Моисея Угрина.

[21]) «Уже бо вы постиже судъ, яко вси вы въ водѣ умрете и съ княземъ вашимъ.... Ростиславъ нейде въ монастырь отъ ярости, не восхотѣ благословенія и удалися отъ него, возлюби клятву и пріиде ему; Владимиръ же пріиде въ монастырь молитвы ради, и бывшимъ имъ у Треполя и полкома сьемшимася, и побѣгоша князи наши отъ лица противныхъ: Владимиръ же прейха реку молитвъ ради святыхъ и благословенія; Ростиславъ же утопе со всѣми вои своими, по словеси блаженнаго Григорія». См. Лавр. сп. стран. 94.

[22]) Егда же Святополкъ съ Давидомъ Игоревичемъ рать зачасга про Василкову слѣпоту, егожъ ослѣпи Святополкъ, послушавъ Давида Игоревича, съ Володаремъ, и съ самѣмъ Василькомъ, и не пустиша гостей изъ Галича, ни людій отъ Перемышля, и не бысть соли во всей Руской земли: сицева неуправленія быша». Вотъ одно изъ доказательствъ тому, что была торговля въ древней Руси и что касалась она предметовъ первой необходимости. Здѣсь замѣчательно мѣсто, гдѣ употребляется слово голважень: «Юже бо преже драго продаваху, на двѣ голважнѣ на куну, нынѣжъ по і҃, и никто же взимаше».

[23]) «Мстиславу же хотящю стрѣляти, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на забороле̂хъ, сквозѣ деску скважнею, и сведоша и̂, и на ту нощь умре». Лавр. сп. стран. 115. — «Не по мнозехъ же днехъ самъ Мстиславъ застрѣленъ бысть въ Володимери, на забралѣхъ по пророченію Василіеву: біашеся съ Давидомъ Игоревичемъ, и тогда познавъ стрѣлу свою, ею же застрѣля Василия, и рече: се умираю днесь преподобныхъ ради Василия и Феодора«». (Изъ Патерика).

[24]) Timebamus, ne per illos in proximo Ecclesiae Dei periculum immineret, говоритъ Плано-Карпини въ началѣ своего путешествія.

[25]) Въ Русскомъ Временникѣ сказано даже, что былъ совѣтъ по всѣмъ городамъ Русскимъ на всѣхъ бусурмановъ, поставленныхъ властелями отъ Батыя, и что по убіенія Батыя велѣли Князья Русскіе убивать всѣхъ тѣхъ, которые не хотятъ креститься, и что многіе изъ нихъ крестились.

[26]) Собраніе Путешествій къ Татарамъ. Пер. Языкова Спб. 1825. стран. 195 и 55. У Карамзина (Т. 4 стран. 49) Кузьма названъ Комомъ, вѣроятно, съ Французскаго Côme. У Мангу жилъ въ большой чести золотарь Парижскій Гильомъ, по свидѣтельству Рубруквиса.

[27]) «Видѣвшужеся Даниилу о рѣку Велью съ королевичемъ, и нѣкое слово похвально рекшу, его же Богъ не любитъ»....

[28]) Вотъ, конечно, одно изъ свидѣтельствъ тому, что эта пѣсня древняго происхожденія. Народъ могъ заимствовать этотъ образъ только изъ тѣхъ временъ, когда эти ловли еще совершались часто. Слово о полку Игоровѣ упоминаетъ о десяти соколахъ, которыхъ пускали на стадо лебедей. Городъ Рыльскъ находится въ Курской губерніи, а Воргольская область сохранилась теперь въ имени села Ворголя, въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской губерніи.

[29]) Собраніе Путеш. къ Татарамъ стр. 85. «Южной сторонѣ покланяются какъ Богу, и заставляютъ тоже дѣлать другихъ знатныхъ людей, кои предаются имъ. По этому случилось недавно, что Михаилъ, бывшій однимъ изъ великихъ герцоговъ Русскихъ, пріѣхавъ къ Батыю для преданія себя, сперва проведенъ былъ ими между двухъ огней, а потомъ сказали ему, чтобы онъ поклонился Цингисъ кану на югъ. Онъ отвѣчалъ, что охотно поклонится Батыю и его служителямъ; но образу человѣка умершаго кланяться не будетъ, поелику это неприлично для христіанина. Когда же нѣсколько разъ говорили ему, чтобы онъ поклонился, а онъ отказывался, то Батый чрезъ Ерославова сына велѣлъ ему сказать, что его убьютъ, если онъ не поклонится. На это онъ отвѣчалъ, что скорѣе согласится умереть, нежели сдѣлаетъ неприличное дѣло. Послѣ этого Батый прислалъ одного тѣлохранителя, который билъ его пинками въ

сердце до тѣхъ поръ, пока онъ умеръ. Въ это время одинъ изъ Михайловыхъ воиновъ, тутъ же бывшій, подкрѣпляя его словами, говорилъ: мужайся, мученіе это продолжится недолго, и за симъ немедленно послѣдуетъ веселіе вѣчное. Послѣ этого отрѣзали ему ножемъ голову, а потомъ отсѣкли также и вышесказанному воину». Плано-Карпини былъ въ ордѣ въ 1246 году; тѣмъ же годомъ записано событіе и въ нашихъ лѣтописяхъ.

[30]) Волынская лѣтопись упоминаетъ о 25 книгахъ, подаренныхъ княземъ Владиміромъ Васильковичемъ въ разныя церкви и монастыри, и въ томъ числѣ о двухъ сборникахъ отца его: изъ этихъ книгъ князь самъ списалъ Апостолъ и Евангеліе апракосъ въ трехъ экземплярахъ, прологъ въ 12 мѣсяцахъ, 12 миней, тріоди, октоихъ, ирмологъ, службу св. Георгію, молитвенникъ съ утренними и вечерними молитвами.

[31]) «Правило Кюрила Митрополита Русьскаго съшьдъшихъся Епископъ Далмата Нооугородьскаго, Игнатья Ростовьскаго, Феогноста Переяславьскаго, Симеона Полотьскаго, на поставленье Епископа Сарапиона Володимирскаго». Напечатано въ Русскихъ Достопамятностяхъ, издаваемыхъ Обществомъ И. и Д. Россійскихъ. Москва. 1815. стран. 106. Списокъ полнѣе напечатаннаго находится въ Румянцовскомъ музеѣ, въ Кормчей за N 238. См. Востокова стран. 321. Замѣчательно, что объ этомъ соборѣ и его Правилѣ не упоминаетъ ни одна лѣтопись, между тѣмъ, какъ въ Никоновскомъ о ставленіи Серапіона въ епископы Кирилломъ упоминается.

[32]) См. Staatsleben des Klerus im Mittelalter, von S. Sugenheim Berlin. 1839. 1 B. стран. 95 — 107. Послѣ Людвига, сына Карла Великаго, всѣ Каролинги продавали духовный санъ за деньги. Ближайшіе наслѣдники ихъ въ Германіи, Саксонскіе Императоры, виноваты въ томъ же, начиная съ Генриха птицелова. — Въ Италіи, по свидѣтельству епископа Оттона Верчельскаго, съ того времени какъ погасла Каролингская династія, было въ общемъ обычаѣ, что свѣтскіе властители продавали епископіи тѣмъ, которые наиболѣе предлагали денегъ. Не лучше дѣло шло и во Франціи, гдѣ всѣ церковныя должности королями раздавались тѣмъ, которые наиболѣе предлагали.... Ужасны были послѣдствія этой позорной купли: она подкопала основанія Церкви и разрѣшила всѣ узы дисциплины и нравовъ.

[33]) Прибавленіе о обычаѣ Новгородскомъ находится въ Румянцовской кормчей и напечатано у Востокова въ Описаніи Р. М.

[34]) «Кыи оубо прибытокъ наслѣдовахомъ оставльше Божія правила? не расѣя ли ны Богъ по лицю всея земля? не взяти ли быша гради наши? не падоша ли сильнии наши князи остриемъ меча?

не поведѣни ли быша въ плѣнъ чада наша? не запустѣша ли святыя Божія церкви? не томими ли есмы на всякъ день отъ безбожныхъ и нечистыхъ поганъ? Си вся бываютъ намъ, зане не хранимъ правилъ святыхъ нашихъ и преподобныхъ отецъ».

35) Въ Описаніи Рум. Муз. у Востокова стр. 304 и 321.

36) Объ этихъ отвѣтахъ см. Ист. Кар. Т VIII. прим. стран. 149. Исторія Русской Церкви. Періодъ второй. М. 1848. стр. 78. Поѣздка моя въ Кирилло-Бѣлоз. монастырь. Ч. 2 стр. 21. Епископъ Сарайскій Θеогностъ, еще въ 1274 году, уже въ третій разъ возвращался изъ Царяграда, куда посыланъ былъ отъ Кирилла митрополита и отъ Менгутемира съ грамотами къ патріарху и царю Михаилу Палеологу. Ник. лѣт. Т. 3. стран. 68.

37) Оно описано Калайдовичемъ въ его изданіи Іоанна Экзарха Болгарскаго, стран. III, и носитъ признаки Новгородскаго нарѣчія (ц вм. ч).

38) Описано у Калайдовича, тамъ же на той же стр., и у Востокова въ Описаніи подъ N 105.

39) См. у Калайдовича, тамъ же стран. 28 и 106. Слова К. тамъ же стран. 97. «Списка Псалтыри, съ яснымъ означеніемъ времени, не знаю старше конца XIII вѣка. — Списки Апостола, мнѣ извѣстные, не восходятъ выше XIII вѣка».

40) См. тамъ же стран. 15.

41) *Книгы глаголемыя Гречьскымь языкомъ Номоканунъ, сказаемыя нашимь языкомь закону Правило.* См. Описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей Гр. Θ. А. Толстова. Отдѣл. 1. N 311. Здѣсь сказано, что Рязанскій епископъ Іосифъ получилъ подлинникъ изъ Кіева чрезъ посредство митрополита Максима.

42) Всѣ приведенныя грамоты напечатаны въ 1 и 2 части Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ.

43) Лавр. сп. стран. 190. Никон. сп. Т. 2. стран. 309. Митрополитъ Евгеній въ Словарѣ своемъ говоритъ, что изъ сочиненій его много словъ находится въ библіотекѣ Волоколамскаго Іосифова монастыря между рукописями.

44) См. въ Твореніяхъ Святыхъ Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. Годъ первый. Книжка 4. Москва. 1843. Статья Кириллъ II, Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи.

45) См. Лавр. списокъ стран. 193. «Любовному ученью же и тщанью дивлься сего честнаго святителя Кирила, съ страхомъ и покореньемъ послушая, въ узцѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ *написанья* собѣ вдахъ, *сего перваго словесе дѣтеля написати;* зело бо велье дѣло паче насъ всріяхъ, болзнью ослушанья, разумѣхъ въ Притчахъ глаголемое: яко сынъ ослушливый въ погибель будетъ; послушливый

же кромѣ ея будетъ». Узкое мѣсто авторъ вышепомянутой статьи объясняетъ затворомъ монастыря Св. Григорія Богослова.

46) *Слово и поученіе къ попомъ или Поученіе Епископле къ Іереомъ.* Между рукописями Румянцовскаго Музеума встрѣчается въ 4-хъ спискахъ Кормчей: подъ N 231, съ именемъ Кирилла, но ранѣе правилъ Кирилла Митрополита; подъ NN 233 и 234 безъ имени Кирилла, непосредственно за Правилами собора; подъ N 238 съ именемъ Кирилла и послѣ собора, но не непосредственно. Мнѣніе ученыхъ Лавры основано на томъ, что въ нѣкоторыхъ Кормчихъ именуется оно именно поученіемъ Епископа, что рѣчь въ немъ обращается отъ лица епископа къ священникамъ его пастaы и что ни въ одномъ спискѣ поученія въ надписи нѣтъ имени митрополита, тогда какъ въ надписаніи Правилъ собора Владимирскаго Кириллъ названъ митрополитомъ.

47) *Слово и поученіе къ попомъ.* «Слыши, Іерей сборе преподобный! Къ вамъ ми слово. Понеже вы нарекостеся земнии ангели, небеснии человѣци. Вы со Ангели предстоите у престола Господня; вы съ Серафими носите Господа. Вы сводите съ небеси Духъ Святый, и претваряете хлѣбъ въ плоть, и вино въ кровь Божью, человѣкомъ невидимо, и святии бо мнози видѣша. Вы бо просвѣщаете человѣкы крещениемъ святымъ; вы связаете, вы разрѣшаете. Вами свершаетъ Господь тайну спасения роду человѣчьскому; васъ стража постави и пастухы словесныхъ овецъ Своихъ, за ня же кровь Свою пролия.... Господь бо рече: луче навязати жерновъ на шию, ниже оселъ мелетъ, и погрузити въ мори, нежели соблазнити единаго малыхъ. *Души бо человѣчестѣй ни единой нѣсть равенъ весь миръ....* Простець бо съгрѣшивъ за единy свою дасть душю отвѣтъ предъ Богомъ: а ерѣй же согрѣшивъ многихъ соблазнить, и за тѣхъ душа будетъ ему осужденне.... Азъ же не лѣнюся вамъ глаголати.... Разумѣйте, како духовныя дѣти учити: ни слабость, да не ленивы будуть; ни жестко, да ся не отчають.... Святую же страшную службу створяйте. Николи же не внидн въ святый олтарь, вражду имый съ кимъ; и велику имѣвъ ярю, томь дни не служи, но, утишивъ мысли, молитвы возли Господеви отъ чиста ума. И не озирайся назадъ, но умъ весь имѣй горѣ: со Ангелы бо служиши; и не мысли земныхъ въ той часъ: Небеснаго бо Царя пріемлеши въ срдце свое; весь освящайся Имъ....

48) См. Творенія Св. Отцевъ. Годъ первый. Книжки 1, 2, 3. Москва. 1843. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Часть 2. стран. 36.

49) Подъ тѣмъ же годомъ Новгородскій лѣтописецъ, Тимоѳей пономарь, разсказываетъ объ ужасномъ голодѣ и морѣ, какъ его послѣдствіи. И въ Новгородѣ было землетрясеніе, въ обѣденное время.

50) «Разрушены божественныя церкви; осквернены были сосуди

священии, потоптана быша святая; святители мечу во ядь быша, плоти преподобныхъ инихъ птицамъ на снѣдь повержени быша; кровь отецъ и братья нашея, аки вода многа, землю напои. Князии нашихъ, воеводъ крѣпость исчезе; храбрии наши страха наполньшеся бѣжаша. Множайша же братья и чада наша въ плѣнъ ведени быша. Села наша лядиною поростоша, и величьство наше смѣрися, красота наша погыбе, богатство наше инѣмъ в корысть бысть, трудъ нашъ поганіи наслѣдоваша. Земля наша иноплеменникомъ въ достояние бысть, въ поношение быхомъ живущимъ въскрай земля нашея, въ посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ». Привожу это мѣсто въ подлинникѣ ради красоты его и потому еще, что оно повторяется и послѣ въ лѣтописяхъ и древнихъ памятникахъ нашихъ при описаніи подобныхъ случаевъ.

[51]) Geschihte der Hexenprocesse. Aus den Quellen dargestellt von D-r W. G. Soldan. Stuttg. und Tübing, 1843. Zehntes Capitel. стр. 179. In dem Hexenprocesse gewann der Inquisitor einen geschmeidigen und unerschöpflichen Criminalstoff.

[52]) Никон. Лѣт. Т. 3 стр. 86. Исторія Россійской Іерархіи. часть 1. стр. 135. Словарь Митрополита Евгенія. Т. 2 стр. 209.

[53]) Въ подлинникѣ употреблено древнее слово: *рана*, соотвѣтствующее въ теперешнемъ языкѣ удару.

[54]) Извлечено изъ рукописи Погодинскаго древлехранилища. Другой списокъ того же поученія находится въ рукописи Троицкой Лавры.

[55]) Указаны Калайдовичемъ и Строевымъ въ описаніи рукописей Графа Ө. А. Толстова, Отдѣл. IV. N 275. Съ этой рукописи напечатаны въ Приложеніяхъ къ изданію Лаврентьевскаго списка Лѣтописи, стран. 252. Указаны еще мною въ книгахъ Св. Кирилла Бѣлозерскаго. См. Поѣздку въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Часть 2. стран. 22.

[56]) Полное Соб. Русск. Лѣтоп. Т. 3 стран. 47. «А даи Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимоѳею пономарю». Внизу выставленъ варіантъ: «И дай Богъ молитвами его всѣмъ христіаномъ, и мнѣ грѣшному Іоанну попови».

[57]) Русская Лѣтопись съ Воскресенскаго списка подареннаго въ оной Воскресенской монастырь Патріархомъ Никономъ въ 1658 году. Ч. 1 стран. 70. «Мы же отъ начала Русской земли до сего лѣта и вся по ряду извѣстно да скажемъ отъ Михаила Царя до Александріа и Исакіа». Здѣсь разумѣются Алексѣй Ангелъ и отецъ его; слѣдственно, до сего лѣта относится къ 1203 году. Замѣчаніе Добровскаго. См. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи, М. П. Погодина. Т. IV. стран. 72.

[58]) Лаврентьев. сп. стр. 190 и 191.

[59]) Тамъ же стр. 193.

[60]) Такъ въ Софійск. Времен. Т. 2. стр. 245.

[61]) «Яко же премудрый хронографъ списа, яко же добродѣянья въ вѣкъ святятся.

[62]) Никонова лѣтопись. Т. 3. стран. 27—29. Воскресенскій списокъ. Т. 2. стран. 226. Русскій Временникъ. 1790. стр. 138.

[63]) Троицк. спис. стран. 222. И кто, братіе, о семъ не плачется, хто ся насъ осталъ живыхъ, како ону нужную и горкую смерть подъяша? да и мы то видѣвши быхомъ устрашилися, и грѣховъ своихъ плакалися съ воздыханіемъ день и нощь, пекущеся не о имѣніи, ни о ненависти братни. Новгор. спис. стран. 52. Да кто, братье и отцы и дѣти, видѣвше Божіе попущеніе и на всей Русьской земли и не плачеться? — Соф. Врем. Т. 1. стр. 239. И кто, братіе, о семъ не поплачется? кто ся насъ осталъ живыхъ? како ону нужную и горкую смерть подъяша? стран. 246. Да кто, отци и братія и дѣти, видѣвши Божіе попущеніе се на всей Русской земли, и не плачеться?

[64]) Ипат. сп. стран. 185.

[65]) Лавр. сп. стран. 191. Новгор. сп. стр. 46, 52, 60.

[66]) Никон. сп. Т. 3 стран. 53.

III.

ДОГОВОРЫ СЪ ГРЕКАМИ

Записка И. И. Срезневскаго.

На память о древнихъ соотношеніяхъ Русскихъ съ Греками осталось намъ четыре Договора: одинъ въ отрывкѣ и три вполнѣ. Два изъ нихъ заключены отъ имени к. Олега въ 907 и 911 гг., одинъ отъ имени к. Игоря въ 945 и одинъ к Святославомъ въ 971 году. Свое мнѣніе о формѣ Договоровъ я высказалъ въ одномъ изъ предъидущихъ чтеній (Изв. I. стр. 309. Историч. Чтенія 1852 — 1853. стр. 7). Ихъ содержаніе, за исключеніемъ очень немногихъ мѣстъ, въ слѣдствіе разнообразныхъ изслѣдованій нашихъ ученыхъ, объяснено. Остается еще нѣсколько болѣе или менѣе сомнительныхъ рѣшеній вопросовъ, до нихъ касающихся, вопросовъ, которыхъ разрѣшеніе требуетъ отъ изслѣдователей вниканія въ различныя филологическія и археологическія мелочи, ускользающія отъ вниманія, и тѣмъ не менѣе любопытныя для полнаго уразумѣнія быта Русскаго народа того времени. О нѣкоторыхъ

изъ такихъ частностей я позволяю себѣ высказать свои посильныя замѣчанія въ нынѣшнемъ чтеніи.

Предварительно скажу нѣсколько словъ вообще о языкѣ Договоровъ.

Глядя на Договоры со стороны языка, ближайшее затрудненіе встрѣчаемъ въ ихъ разночтеніяхъ по спискамъ, доселѣ уцѣлѣвшимъ. Древнѣйшіе изъ списковъ принадлежатъ XIV—XV вѣку; нѣкоторые изъ списковъ болѣе позднихъ носятъ на себѣ также признаки письма столько же отдаленнаго времени; но это для насъ отдаленное время отдалено одинаково и отъ того вѣка, когда Договоры явились въ первый разъ. Въ четыре вѣка послѣ перваго написанія Договоровъ, не говоря о послѣдующихъ, могли налечь на ихъ спискахъ различныя черты вліянія переписчиковъ, измѣнявшихъ не только буквы, но слова и выраженія. Видимъ разнообразіе, пользуемся имъ нѣсколько для уясненія смысла; но не можемъ ни понять причинъ, ни отдѣлить въ разночтеніяхъ то, что было и чего не было въ спискахъ современныхъ. Такимъ образомъ вопросъ о языкѣ Договоровъ при первыхъ приступахъ къ его рѣшенію раждаетъ недоумѣнія.

Языкъ Договоровъ есть Церковно-Славянскій: такъ издавна думали, предполагая, что изъ Русскихъ некому было взять на себя трудъ написать ихъ по Русски, что Русскій языкъ во время составленія Договоровъ не былъ языкомъ письменнымъ. Рѣшая такъ, надобно заключать, что тѣ особенности языка Договоровъ, которыя несовмѣстны съ чистымъ языкомъ Церковно-Славянскимъ, появились въ спискахъ Договоровъ по прихоти писцовъ Русскихъ поздняго времени; а такихъ особенностей довольно много напр: *одиными* *воро*ты, *осе*нь; *голо*вы, *золо*тникъ, *воло*сть, *паво*-

лока; *городъ*, *боронитися*, *Бѣлъбережьи*; *обчии*, *пишюче*, отходяче, не платяче, хочемъ; *межи*, *чюжіи*, непостыжьнымъ, *нужа*, *утвръженьи*, *осуженьи*, *прѣже*; съпотружатися; *выверженъ*; и т. д. Но допуская это, надобно допустить, что Русскіе писцы и во всѣхъ своихъ работахъ позволяли себѣ тоже, систематически слѣдуя разъ принятымъ правиламъ; а между тѣмъ однако мы видимъ на дѣлѣ не то: видимъ, что у нихъ было болѣе охоты удерживать формы Церковно-Славянскія, чѣмъ переиначивать ихъ въ Русскія; видимъ скорѣе отсутствіе системы въ нечаянномъ сохраненіи руссизмовъ промежду особенностями Церковно-Славянскаго языка, чѣмъ выполненіе предполагаемаго стремленія замѣнять Церковно-Славянское Русскимъ: это доказываютъ цѣлыя груды работъ нашихъ древнихъ и старинныхъ писцовъ, отразив нихъ на себѣ общее направленіе нашей древней и старинной литературной и вообще письменной дѣятельности, направленіе, постоянно предпочитавшее книжныя церковныя формы языка формамъ устнымъ народнымъ. Вотъ новое недоумѣніе, дающее поводъ охотникамъ до окончательныхъ выводовъ и преній — выбирать ту изъ крайностей, которая на ту или другую пору кажется имъ болѣе приличною.

Договоры съ Греками должны были быть писаны и по Гречески, и уже потомъ переведены; не трудно было найти въ языкѣ Договоровъ и нѣкоторые слѣды перевода ихъ съ Греческаго. Они были замѣчены давно, и подали много поводовъ къ толкованію нѣкоторыхъ изъ неправильностей и особенностей въ выраженіяхъ Договоровъ. Надобно было приступить къ болѣе подробному разбору этого вопроса, — и приступъ сдѣлалъ въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи. I. стр. 309 — 326) и въ особенномъ разсужденіи

одного изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ (О Византійскомъ элементѣ въ языкѣ Договоровъ Русскихъ съ Греками, Н. Лавровскаго. СПб. 1853). Дѣло прояснѣло; но, конечно, еще не совсѣмъ. Мѣра вліянія языка Греческаго на языкъ перевода не опредѣлена: не подведены еще и всѣ обороты и выраженія, которымъ равносильныя могутъ быть найдены въ Греческомъ письменномъ языкѣ X вѣка, не только не отдѣлены тѣ изъ нихъ, которыя дѣйствительно переведены, отъ тѣхъ, которыя сходны случайно, будучи одинаково народны у Грековъ и у Славянъ.

Впрочемъ разборъ языка Договоровъ, въ отношеніи къ вліянію Греческаго подлинника, важенъ болѣе всего для того, чтобы отдѣливши все, на чемъ налегло это вліяніе, свободнѣе и вѣрнѣе можно было разсматривать языкъ Русскій. Въ этомъ отношеніи важны не столько грецизмы выраженій, сколько слова. Легко отдѣлить тѣ восемъ словъ, которыя сами за себя ясно говорятъ, что онѣ взяты изъ Греческаго—*грамота*, *епитимиꙗ* = *опитимиꙗ*, *хрьстыанъ* = *крьстьянъ*, *кубара* = *кувара*, *литра*, *синкелъ*, *харътиꙗ* = *харатьꙗ*, *царь* = *цьсарь*); но и изъ этихъ словъ одни принадлежатъ не языку Договоровъ исключительно, а усвоились у насъ какъ наши собственныя, другія же (*литра*, *эпитимія*) употреблены въ Договорахъ случайно и такъ, что вмѣсто нихъ не трудно подставить другія, неупотребленныя переводчикомъ случайно. Кромѣ этихъ словъ есть такія, которыя могутъ считаться также Греческими (*корабль*, *якорь* и т. п.), но могутъ быть разсматриваемы и какъ принадлежавшія Русскимъ въ такой же мѣрѣ какъ и Грекамъ. Болѣе всего наконецъ такихъ словъ, которыя, при всей ихъ Славянской звучности, безъ пособія Греческаго языка, какъ переведенныя съ Греческаго дослов-

но, не могутъ быть поняты въ подлинномъ ихъ значеніи (*безстрашьнъ*, *голова*, *проказа*, *равьно*, *сътворити* и пр.). На нихъ то надобно обращать особенное вниманіе, отдѣляя кажущуюся дословность перевода отъ дѣйствительной, случайное сходство въ образованіи словъ отъ того, что явилось въ Договорахъ по незаботливости переводчика.

Считая несомнѣннымъ, что Договоры съ Греками были первоначально написаны на Греческомъ языкѣ, и потомъ уже посредствомъ перевода сдѣлались доступны разумѣнію Русскаго человѣка, этимъ самымъ мы опровергаемъ возможность полнаго проявленія Русскаго элемента въ языкѣ Договоровъ: степень проявленія должна была зависѣть отъ случая, отъ воли переводчиковъ и разнообразиться даже противъ ихъ воли. Нѣтъ никакой надобности предполагать, что переводчики могли, умѣли, или настоятельно хотѣли быть въ языкѣ своемъ не только понятными, но и вполнѣ Русскими. Этого не требуютъ отъ себя и переводчики нашего времени — даже и въ подобныхъ случаяхъ, не только въ переводахъ произведеній легкой словесности. Грецизмы Договоровъ напротивъ того показываютъ, что переводчики не хотѣли или по крайней мѣрѣ не думали стараться быть Русскими въ своихъ выраженіяхъ. Отсюда неточность ихъ языка, случайность употребленія словъ и выраженій, и т. д. При этомъ нельзя еще не обратить вниманія на отсутствіе нѣкоторыхъ важныхъ терминовъ, каковы на пр. *вира*, *послухъ*, *лице*, *разбои*, *холопъ*, *рядъ*, *гривна* и т. п. Считать ихъ отсутствіе не дѣломъ случая, а чѣмъ то очень важнымъ, ведущимъ къ какимъ нибудь заключеніямъ, нѣтъ никакого права. Заключать изъ этого, что переводъ сдѣланъ безъ участія Русскаго ума такъ же и возможно, какъ и напротивъ —

заключать, что переводчики, умѣвшіе употребить нѣкоторыя выраженія удачно, должны были перевести удачно и все безъ исключенія.

Въ языкѣ Договоровъ проглядываетъ мысль и бытъ Русскаго народа того времени — тускло, но все таки проглядываетъ: вотъ почему разборъ языка Договоровъ, именно со стороны этнографической, въ отношеніи къ словамъ и выраженіямъ, которыми обрисовывается мысль и бытъ народа, долженъ имѣть значеніе и для филолога, и для историка. Здѣсь предлагается попытка такого рода — не съ тѣмъ однако, чтобы выставить на видъ одно только новое, а чтобы, воспользовавшись и прежними изслѣдованіями и соединивъ ихъ съ новыми, подтвердить ихъ другими доказательствами, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдать на судъ филологовъ и юристовъ нѣсколько домысловъ, не совсѣмъ негодныхъ для возбужденія вниманія къ замѣчательнымъ выраженіямъ Договоровъ.

— I. Русь. Русскіе Славяне и не-Славяне: — Бытъ осѣдлый; города. — Семья и родные; положеніе женщины.
— II. Власти: князь великій и князья-боляре. — Народъ: люди, послы, гости; челядь: рабы, ихъ цѣнность.
— III. Военные обычаи; оружіе. — Торговля; товары, деньги. — Судоходство.
— IV. Образованность: — Грамотность. — Понятія о мірѣ, мирѣ, любви, истинѣ, законѣ.
— V. Гражданскія постановленія: выкупъ плѣнныхъ, наслѣдство. — Уголовныя постановленія: преступленія и наказанія. — Судопроизводство: тяжа; показанія свидѣтелей, клятвы. — Чиновники.

I.

— Одна изъ двухъ договаривавшихся сторонъ въ Договорахъ были Русскіе: Русь, Руськая земля, людие Руськыя земля, вси людие Руськии.

Эти люди Русскіе не исключительно Славянскаго племени, какъ очевидно по собственнымъ именамъ князей и пословъ, но не исключительно и Скандинавскаго происхожденія, какъ можно видѣть изъ тѣхъ же именъ: *Святославъ*, *Володиславъ*, *Передслава*, *Войко*, *Ута*... Послѣднія два имени — Славянскія въ такой же мѣрѣ, какъ и первыя: имя Войко до сихъ поръ употребляется у юго-западныхъ Славянъ вмѣстѣ съ Воинъ, Воица (м. р.), Войно, Войдрагъ; у Чеховъ были кромѣ того имена: Воикъ, Воякъ, Воекъ, Воята, Воиха (ж. р.) Войміръ, Войславъ, Войтѣхъ, Войтѣха (Čas. Čes. Mus. 1832. VI. 67); имя Ута (Uta) встрѣчается также между старинными Чешскими именами (Čas. Čes. Mus. VI. 67). Нельзя при этомъ не замѣтить, что не только послы, но и купцы, судя по именамъ — не Славяне, а Скандинавы, тогда какъ ясно Славянскіе звуки слышатся только въ именахъ князей, и еще въ имени бирича *Синко* (судя по окончанію на *ко*). Славянскій элементъ видѣнъ и въ именахъ боговъ: *Перунъ* и *Волосъ*, конечно, были обожаемы язычниками Скандинавіи, но не подъ этими Славянскими именами. Имена мѣстностей въ Договорахъ (Кыквъ, Чрьниговъ, Перепславль, Бѣлобережьк) въ такой же мѣрѣ могутъ быть относимы исключительно только къ Славянскому населенію Руси. Можетъ быть, не напрасно здѣсь вспомнить и то, что со стороны Русскихъ было выговорено «да творятъ имъ (Греки) *мовь*, клико хотятъ»: исконная Русская любовь къ банѣ, выражающаяся до сихъ поръ потребностью каждаго Русскаго селянина имѣть свою отдѣльную баню въ такой же мѣрѣ какъ свою отдѣльную избу, кладовую, ниву, телѣгу, отразилась и въ преданіи о путешествіи по Руси Андрея Первозваннаго, и въ преданіи о томъ, какъ Ольга угостила банею Древлянскихъ пословъ, и въ обы-

чаѣ бани, соединявшемся изстари съ самыми важными случаями жизни. Употребленіе бани (горячей) принадлежитъ не исключительно къ числу древнихъ обычаевъ Русскихъ Славянъ; но нигдѣ оно не сдѣлалось народнымъ въ такой мѣрѣ и съ такимъ важнымъ значеніемъ. Изо всего этого можно вообще позволить себѣ заключеніе, что хотя властвующій элементъ былъ преимущественно не-Славянскій, но массу народа составляли Славяне, и въ числѣ владѣтельныхъ особъ были члены прежнихъ мѣстныхъ династій Славянскаго (?) происхожденія, — что господствующая народность языка, а слѣдовательно и быта, была Славянская: инородцы ей подчинялись.*)

— Нигдѣ въ Договорахъ нѣтъ намека о неосѣдлой жизни народа: осѣдлость Руси доказывается напротивъ выраженіемъ «да идутъ въ домы своя въ Русь», «домовъ». Были и *города:* мѣсячное жалованье давалось въ Константинополѣ Русскимъ «прьвѣе отъ города Кыева, паки изъ Чрьнигова и Переяславля и изъ прочии городъ». Были еще «Полотьскъ, Ростовъ, Любьчь и прочии городы», какъ видно изъ пре-

*) Позволю себѣ сдѣлать еще замѣчаніе. Чужеязычность именъ собственныхъ еще не свидѣтельствуетъ о чужеродствѣ тѣхъ, которые ихъ носятъ. Дѣдъ Ирода Антипа не сдѣлался Грекомъ принявши имя Антипатра, ни Аустинъ не пересталъ быть Англомъ перемѣнивши свое имя на Августина, ни Шварцэрдъ и Рейхлинъ Нѣмцами, назвавшись одинъ Меланхтономъ а другой Капніо, ни Кленовичъ Полякомъ со своимъ Латинскимъ прозваніемъ Acernus, ни Нѣмцы Венцеславы не сдѣлались отъ имени Славянами, какъ и никто изъ насъ не перестаетъ быть Русскимъ, какое бы имя ему ни пришлось носить, Греческое, Латинское, или даже Французское и Нѣмецкое. Рюрики, Олеги, Игори XI—XII вѣка были не Славянами только по именамъ; почему же по именамъ не могутъ только казаться, а не непремѣнно были не Славянами и нѣкоторые изъ лицъ IX—X вѣка. Этимъ не отвергается, а только утверждается вліяніе элемента Скандинавскаго.

дварительныхъ совѣщаній Русскихъ съ Греками 907 года. Можемъ позволить себѣ заключеніе, что такихъ городовъ было при Игорѣ двадцать три—столько же, сколько было и князей и княженій, отъ которыхъ были посланы послы и купцы въ Грецію, а равно и самыхъ пословъ какъ представителей княжескихъ и купцовъ какъ лицъ избранныхъ отъ народныхъ городскихъ общинъ. Ихъ въ самомъ дѣлѣ можно насчитать по сказаніямъ лѣтописцевъ и Византійцевъ болѣе 20: Бѣлоозеро, Витичевъ, Вручевъ, Вышьгородъ, Изборскъ, Кіевъ, Коростень, Ладога, Любечь, Муромъ, Новгородъ, Овручь, Перемышль, Пересѣченъ, Полотскъ, Псковъ, Родна, Смоленскъ, Туровъ, Червень, Черниговъ.

— Условія образованія семьи почти не видны. Не видно, жена ли и неотдѣленныя дѣти только или еще и другіе родственники составляли для отца семейства и для каждаго изъ членовъ его то, что называлось *своими* («ни и своихъ не имать) и *ближьними* («часть кго да возмѹть ближьнии убикнаго), *ближиками*, и по этому трудно рѣшить, кого именно называли *малыми ближиками* («да възвратить имѣник къ малымъ ближикамъ въ Русь»). Слово *свои* и теперь употребляется неопредѣленно, между тѣмъ какъ слова производныя того же корня (своякъ, свояченица) получили опредѣленное значеніе. Нѣтъ надобности заключать, что *свой* есть переводъ Гр. ἴδιος, а *ближьній* переводъ Греч. πλησίον: оба слова, для выраженія понятія о родныхъ, употребляются у всѣхъ Славянъ, употреблялись и у Римлянъ (suus, propinquus), Германцевъ (Др. Нѣм. suâs, nahister), и пр. Естественно соединять понятіе о семьѣ съ понятіемъ о своемъ ближнемъ*).

*) Срав. Др. Нѣм. *sibbi*, Др. Сѣв. *sif* cognatus, *sibbo*, *sibja* consanguineus. Др. Нѣм. *sippe* begreift alle Verwandschaft (Гриммъ, D.

Взаимное значеніе лицъ семьи и ихъ родныхъ видно отчасти изъ порядка пословъ: за посломъ великаго князя Игоря дано мѣсто послу его сына Святослава, за тѣмъ послу супруги великаго князя Ольги, потомъ послу племянника (нетія) Игорева. *) — Значеніе женщины въ отношеніи къ мужчинѣ рисуется въ упоминаніи владѣтельныхъ княгинь, отъ которыхъ посыланы были особенные послы: таковы были, кромѣ Ольги, Передслава и жена Улѣбова Сфандрь.

II.

— Власть сосредоточивалась въ лицѣ великаго князя, которому подчинены были всѣ мѣстные. Титулъ *великаго* приданъ ему въ Договорахъ постоянно; въ грамотахъ Греческихъ императоровъ напротивъ онъ не былъ называемъ великимъ, надпись ихъ была такая: «Γράμματα Κωνσταντίνου καὶ Ῥωμανοῦ τῶν φιλοχρίστων βασιλέων Ῥωμαίων πρὸς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας». (Cerim. Aul. Bys. II. 48. стр. 690 — 691). Слѣдовательно титулъ *великаго* былъ домашній; онъ придавался старшему князю для отличія его отъ князей ему подчиненныхъ. Такъ у Сербовъ имя великаго соединяемо было не только съ именемъ князя, но и бана, краля (напр. ꙗ кнезь вели Хльмьскы Аньдрѣи», «азъ рабь бжи Ниносавь бань Босньски велики», «клесьмо сѣ тебе велиемꙋ кралю Владиславу». Срб. Спом. стр. 6, 7, 9 и пр.) Въ Полицкой общинѣ старшій князь въ отличіе отъ двѣнадцати мѣстныхъ князей такъ же называемъ былъ велики кнез.

Alt. 467). Родство считалось до *седьмаго* поколѣнія по законамъ Ротарія, по Баварскимъ законамъ, по Sacksen Spiegel. Въ словѣ *семья* можетъ такъ же скрываться идея о *семи* какъ и въ Древ. Нѣм. *sippe*.

*) О Словѣ *нетій* см. Мысли о ист. Рус. яз 148—149.

— Перечень пословъ съ обозначеніемъ лицъ, отъ которыхъ они посланы, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ указывая на родственниковъ в. к. Игоря (кромѣ Ольги и Святослава означены еще два племянника Игоря), не даетъ права заключать, чтобы всѣ двадцать три княжескія особы были одной династіи; а если они дѣйствительно не были одного происхожденія, то и слово князь (собирательное княжьи ж. р. какъ братиы) было принимаемо не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ принималось оно позже, во времена удѣловъ. Не будучи членами одной семьи, а между тѣмъ находясь *подъ рукою* *) великаго князя, эти князья были или не-

*) Выраженіе *подъ рукою*, равно какъ и другое подобное *едати руцѣ* (предаться въ руки), было считаемо за переводъ съ Греческаго. Можетъ быть, эти выраженія переведены и дословно, но все таки свободно. Рука признавалась и признается символомъ власти у многихъ народовъ. Вспомнимъ Латинскія выраженія: *est in mea manu* — въ моей власти, *manum injicere*, *offerre*, *inferre alicui* — наложить на кого руку, *manumitto* — освобождаю, *mancipo* = *manucupo* — поддаю, *emancipo* — освобождаю. Въ Древ. Нѣмецкомъ тоже значило *hant*: *hanthaft uuesan* mancipari, servire, *gahenti* zugehörig, *unhantlik* intractabilis, *hantalod* = *hantelod* (handelos) противоположное съ *handhafts* — Grf. IV. 971—5. Въ Декрет. Тассила (с. 15): «qui manus immissionem resisterit, quod *hantalod* dicitur», — воръ, который противится тому, кто хочетъ взять его (*Валтера* Corp. jus. Germ I. 297). Англо-Саксонскія выраженія: *on hand âgân*, *gangan* in ditionem se dare, *tô hande laetan* elocare, in possessionem alterius tradere (Ettmül. 467) доказываютъ тоже. Въ Англійскомъ языкѣ и доселѣ слышно выраженіе on hand во власти. Мы также знаемъ, что значитъ *быть у кого нибудь въ рукахъ*, а Чехи — что значитъ ruku wstahowati, wskládati. Въ старинныхъ нашихъ памятникахъ встрѣчаемъ не рѣдко руку, какъ выраженіе символа власти. Такъ уже подъ 879 г. въ лѣтописи записано, что Рюрикъ «предасть княженье свою Ольгови, въдавъ ѥму сынъ свои на руцѣ»; въ 1128 г. Изяславъ «иде шюрину своѥму въ руцѣ» (Лавр. 130, Ипат. 11); въ 1132 г. «преставися Мьстиславъ, оставивъ княжениѥ брату своѥму Ярополку, ѥму же и дѣти свою съ Богомъ на руцѣ предасть (Ип. 17.). Отъ того-то и *держать* (въ рукáхъ имѣть) значило тоже, что владѣть.

зависимые владѣтели, подчинившіеся ему въ силу обстоятельствъ, или же подвластные ему вассалы. Вотъ почему смѣшенно употреблены въ Договорахъ два титула: *князья* и *боляре*. Такъ въ Договорѣ Игоря послы были посланы «отъ великаго князя Игоря и отъ всякоѩ княжьѩ и отъ всѣхъ людии Руськиѩ землѩ»; а ниже въ немъ же стоитъ: «а великыи кназь Руськыи и боляре кго да посылаютъ въ Грькы корабли»; такъ же и въ концѣ того же Договора: «да кльнꙋтьсѧ хранити отъ Игорѩ и отъ всѣхъ боляръ и отъ людии отъ страны Руськои». Можно заключать, что тѣ же особы въ отношеніи къ самимъ себѣ и своимъ подвластнымъ были *князьями*, а въ отношеніи къ великому князю и въ отношеніи общенародномъ были *болярами*, т. е. вельможами, магнатами, грандами не болѣе. *)

— Въ томъ же Договорѣ Игоря есть мѣста, гдѣ вовсе не упоминаются ни князья, ни бояре, а только великій князь и *люди* **): «а отходяче съ сѣлома царьства нашего да допроводать и къ великому князю Игорю и къ людемъ кго». Очевидно, что подъ *людьми* понимали иногда весь народъ, старшинъ (бояръ) и подвластныхъ, а иногда только однихъ подвластныхъ. Изъ этихъ людей какъ особенные представители Руси извнѣ являются *слы* и *купцы*—люди военные и торговые. Хотя, конечно, въ то время военный классъ не былъ отличенъ отъ торговаго въ такой мѣрѣ, какъ сдѣлалось послѣ,—война и торговля были часто дѣломъ однихъ и тѣхъ же людей; тѣмъ не менѣе не въ однихъ Договорахъ одни отъ другихъ отличены очень ясно. Русскихъ Пословъ назы-

*) О словахъ князь и болярииъ = болярииъ см. Мысли объ ист. Р. яз. 131—135, 140—144.

**) О словѣ *люди* см. Мысли объ ст. Рус. яз. стр. 144—145.

вали Греки ἀποκρισιάριοι (посланниками), а купцовъ = гостей πραγματευταὶ (торговцами). Во время пріема княгини Ольги въ Константинополѣ (9-го Сент. 957 г.) — по сказанію Константина Порфиродная — вмѣстѣ съ нею введены быти въ залу, кромѣ женъ, «князей Русскихъ послы и гости» (οἱ τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας ἀποκρισιάριοι καὶ πραγματευταὶ), и заняли мѣста близь входа, у завѣсы. Въ тотъ же день позже, въ то время, когда Ольга угощаема была императрицей въ триклиніи Юстиніана, въ другомъ триклиніи — Золотомъ — императоромъ угощаемы были «всѣ послы князей Русскихъ, люди и родственники Ольги равно и гости» (πάντες οἱ ἀποκρισιάριοι τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας καὶ οἱ ἄνθρωποι καὶ συγγενεῖς τῆς ἀρχοντίσσης καὶ οἱ πραγματευταὶ), и потомъ всѣ получили денежные подарки: нетій (ἀνεψιὸς) Ольги получилъ 30 миліарезій, каждый изъ изъ восьми ея ближнихъ (οἱ ἡ ἴδιοι αὐτῆς) по 20, каждый изъ 20 пословъ по 12, каждый изъ 43 гостей по 12, священникъ Григорій 8, оба переводчика по 12, люди (οἱ ἄνθρωποι) Святослава каждый по пяти, люди посланниковъ (οἱ ς' ἄνθρωποι τῶν ἀποκρισιαρίων) каждый изъ шести по 3, а переводчикъ княгини 15. Послѣ другаго подобнаго пира (18 Окт.), 22 посла получили каждый по 12 миліарезій, а 44 гостя по 6. (Cerim. Aul. Bys. II. Бон. изд. 595—8). По крайней мѣрѣ подарками втораго пира отличены были послы отъ купцовъ, какъ болѣе важные.

— Останавливаясь на *слахъ*, замѣтимъ, что въ Договорѣ Игоря всѣ слы подвластные владѣтельныхъ особъ въ противоположность къ слу великаго князя названы *обчими*. Слова *обчій* = общій нельзя тутъ принимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется оно теперь, хотя этотъ смыслъ сло-

ва, можетъ быть и древнѣйшій *). Въ такомъ и теперь понятномъ смыслѣ находимъ его въ рѣчи Игоря къ дружинѣ, какъ она занесена въ лѣтопись: «кда кто вѣсть, кто одолѣкть, мы ли онѣ ли? ли съ моремь кто съвѣтенъ? се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣи: обьча смерть всѣмъ» (Лавр. л. подъ 6452 г.). Старо-Славянское слово *обьшть* означало и публичный, открытый: это видно изъ Супрасльской рукописи (175. а—б): «аште обличѧ Мариѭ, срамъ обшть». Кстати припомнить, что въ Чешскомъ нарѣчіи *obec* уже въ XII в. значило тоже что respublica и vulgo. Съ этимъ употребленіемъ сравнить можно Старославянское общтина и Русское обчина = *община* (communium). Впрочемъ *обьчии сьли* въ Договорѣ Игоря едва ли означали пословъ народныхъ. Съ этимъ словомъ соединялся еще одинъ смыслъ, тутъ лучше прилагаемый: оно значило — посторонній, чужой. Такъ въ древнемъ переводѣ Апостольскихъ чтеній читаемъ: «ты кто кси, осѫж-

*) Слово *обьщь*, какъ прилагательное, предполагаетъ существительное *обьтъ:* оно и есть въ Русскомъ языкѣ, оставшись впрочемъ въ общемъ употребленіи только въ видѣ нарѣчія—*обтомъ* (гуртомъ, огуломъ) и въ производныхъ — *обтовой* и *обтовщикъ*. Сходное съ словомъ обьтъ есть и въ Старославянскомъ *обьдо* (имѣніе, богатство, товаръ); вотъ нѣсколько примѣровъ его употребленія: «Прииде отъ Египта Парисъ, имыи Еленъ и обьдо все и утвори ея» (Григор. Пресв. X в. Калайд. Іо. Экз. стр. 180); «Дауидъ пророкъ подъ писаниѥмъ съкрꙑ разоумъ, а дѣти обьдо отъкрꙑвьше на ѩзыцѣ богатьства изнесошѧ» (Супр. рпсь. стр. 241): въ первомъ изъ этихъ двухъ примѣровъ словомъ *обьдо* передано Греч. τὰ χρήματα; а во второмъ ϑησαυρός. Слова *обьдо* и *обьтъ* отличаются вѣроятно (кромѣ рода) на столько же какъ сва*т*ать и сва*д*ьба, за*т*хлый и за*д*охнуться, пры*т*ь и пря*д*ать, и т. п. Слово *обьщь* происходитъ правильно отъ *обьтъ*, какъ *вѣщій* отъ *вѣт*(ить). Въ Чешскомъ и Польскомъ *obec* = *obiec* есть тоже что *обьщь*, только въ особенной мѣстной формѣ, по требованію которой и печь = pec, тысѧща—tysiąc, плещи = plece, plecy, а какъ существительное уравнивается съ пла*щь* отъ пла*тъ*, ве*щь* отъ вѣт (срав. res и reo-r, ding и denken, rzecz и рѣкѫ).

даній обычнаго раба» (ἀλλότριον οἰκέτην. Рим. XIV. 4). Такъ и въ Договорѣ Смоленскаго князя съ Ригой по списку 1229 года: «Русину нелзѣ позвати Немчича на *обчии* (общий) судъ, развѣ на Смоленьского князя; аже вълюбить Немчичь на *обчии* судъ, то его воля»; то же самое мѣсто въ спискѣ 1228 года: «Русину не звати Латинеского на *иного* князя судъ, лише на Смольнеского князя; аже самъ въсхочете, тъ ть идѣть».*) Въ Польскомъ и доселѣ obcy (общій) значитъ чужой, посторонній: co ci z obcego gdyž nie masz swego — что тебѣ съ чужаго когда нѣтъ своего. Именно въ этомъ смыслѣ должно понимать и выраженіе *обчии сълы* Игорева Договора.

— Послы княжескіе (ἀποκρισιάριοι τῶν ἀρχόντων) принадлежали, безъ сомнѣнія, къ высшему сословію. Вѣроятно, многіе мужи вмѣстѣ съ ними образовали дома одно цѣлое. Послами народными, людьми избранными отъ народа были не собственно слы, а купцы, не столь важные по значенію, какъ это видно и изъ втораго Олегова Договора, гдѣ означено между прочимъ, что слы приходили прежде въ Грецію съ золотыми печатями, а купцы съ печатями серебряными. Торговые люди представляются въ Договорахъ подъ име-

*) Припомнимъ для соображенія объ общемъ судѣ XIV вѣка по Новгородскимъ грамотамъ:—1368: «А кто будеть служа намъ княземъ, а вшолъ въ каково дѣло, а того поискавъ своимъ княземъ, а того своимъ судьямъ опчимъ не судити ... а всему обидному дѣлу межи насъ судъ вопчой отъ первого нашего цѣлованья — отъ Положенья веригъ св. Петра». 1381: «А что к. в. Дмитрій и братъ к. Володимеръ билися на Дону съ Татары, отъ того времени, что грабежь или что поиманье у князя у в. людии и у его брата, тому межи насъ судъ вопчии, отдати то по исправѣ... а судъ вопчии межи насъ отъ того праздника всему (Спасова Проображенья)... а судомъ вопчимъ не переводити». 1397 (Новг. Л. I. 98): «а про вопчии судъ на порубежьи, а то сыну отложилъ бы еси, занеже то не старина» и пр.

немъ *купцовъ* и *гостей* *). Слово *гость* значило тоже что купецъ, какъ это видно изъ начала Игорева Договора. Прежде вообще сказано: «мы отъ рода Руськаго съли и *гостье*», а потомъ, за исчисленіемъ пословъ, передъ перечнемъ выборныхъ отъ народа, стоитъ не гость а *купець*. Они составляли главную основу средняго сословія, безъ сомнѣнія, очень мало развитаго, хотя — если считать въ немъ и военныя дружины — значительнаго по количеству.

— Трудно рѣшить на основаніи Договоровъ, до какой степени разнообразны были отношенія простаго сельскаго народа и служащихъ (*работающихъ*) къ высшимъ и болѣе зажиточнымъ слоямъ общества Русскаго. Можно предполагать, что то, что въ этомъ отношеніи представляется въ Русской Правдѣ, было и въ первой половинѣ X вѣка. Во всякомъ случаѣ Договоры, такъ же какъ и Русская Правда, показываютъ, что *челядины* **) не пользовались личной свободой: они были покупаемы и продаваемы, бывали и уводимы. Уводъ рабовъ названъ кражей («аще украденъ бѫдеть челядинъ); такъ и въ древнемъ Нѣмецкомъ stelan (stehlen), ferstelan (verstehlen) значило и уводить (Grf. VI. 668); въ такомъ же смыслѣ въ Германскихъ законахъ среднихъ вѣковъ употребляется глаголъ furare (напр. въ Салій. законахъ — siquis puerum aut puelam de ministerio dominorum furaverit. Валтера, Corp. J. Germ. I. 22. si quis servum furaverit, т. ж. I. 203 и пр.). Продажа рабовъ была и вольная, но бывала и по насилію — «по нужи», въ слѣдствіе увода. Рабы бывали и въ бѣгахъ изъ Греціи въ Русь, или изъ Руси въ Грецію. Это называлось *ускочити* («аще ускочить»). — Цѣна челядина — двѣ

*) О словѣ гость см. Мысли объ Ист. Рус. яз. стр. 138.

**) О словѣ челядь см. Мысли объ Истор. Рус. яз. 143.

паволоки: «ꙗко же уставлено ѥсть преже двѣ паволоцѣ за челядинъ». Здѣсь «преже» есть ссылка на второй Договоръ Олега; но тамъ говорится о плѣнныхъ: «о Руси о полоньней... еще же о христiанѣхъ полоньныхъ... се продаеми бываю̀ть по 20 золотьникъ». Есть упоминанiе и о цѣнѣ раба, но безъ означенiя: «аще полоняникъ дрьжимъ ѥсть или отъ Руси или отъ Грькъ, и проданъ... да искупать и възвратать искупленоѥ лице въ свою̀ странꙋ, и възьмꙋть цѣнꙋ ѥго купащии, или ньнитьсѧ въ куплю̀ на дань *челядиная цѣна*». Впрочемъ обѣ эти статьи Олегова Договора дополняютъ одна другую,—и потому смѣло можно сказать, что цѣна челядина—двѣ поволоки=двадцать золотниковъ. Нельзя однако не замѣтить, что цѣна плѣнника Русскаго по Игоревому Договору опредѣлена не въ 20, а въ 10 золотниковъ, что тѣмъ не менѣе эта цѣна не относится къ «ꙗко же уставлено ѥсть преже» о рабахъ, потому что обозначена послѣ цѣны раба. Цѣна рабу опредѣлена, очевидно, по закону Римскому, а не Русскому; въ Римскихъ законахъ рабъ оцѣнялся въ 10, 15, 20 и 25 солидовъ (Ducange. III. 240).— Изъ двухъ статей о челядинахъ въ Договорѣ Игоря одна относится къ рабамъ Русскимъ, а другая къ рабамъ Греческимъ; одна отъ другой отдѣлены ясно. Двѣ статьи о томъ же есть и во второмъ Договорѣ Олега: первая—«о томь, аще украденъ бꙋдеть челядинъ Руськый» говоритъ сама за себя; вторая—«ино и гостьѥ погубивше челядинъ» и пр.—очевидно, должно относиться къ рабамъ Греческимъ. Слѣдовательно *гостьѥ*—Греки. Погубивши своего раба, они жалуются, отыскиваютъ, и отыскавши берутъ. Если же кто не дастъ сдѣлать обыска, «мѣстьникъ да погубить правьдꙋ свою̀». Вмѣсто «мѣстьникъ» хотятъ читать «мѣстьнику», относя это слово къ

глаголу «не дасть»—«аще ли кто искушениꙗ сего *не дасть* сътворити мѣстьнику», и подъ мѣстьникомъ хотятъ разумѣть мѣстнаго начальника (τόπαρχος). Нужно ли первое, это отчасти зависитъ отъ послѣдняго. Можно ли подъ мѣстникомъ понимать топарха? Едва ли. Въ Славянскихъ рукописяхъ есть случаи перевода слова τὸπαρχος; напр. у Григорія Пресвитера, въ его переводѣ Хронографіи Малалы на одной и той же страницѣ (у Калайдовича, Іо. экз. стр. 179) τόπαρχος переведено мѣстодрьжатель (рекше мѣстодръжателемъ ἤτοι τοπάρχας), а τοπαρχέω—мѣстовладычествую (сирѣчь мѣстовладычествуемъ — ἤτοι τοπαρχουμένη); въ другомъ мѣстѣ τόπαρχος переведено князь мѣстныи. Все это очень естественно: сложное слово Греческое обыкновенно переводилось сложнымъ Славянскимъ. Но мѣстьникъ слово несложное, а слѣдовательно скорѣе не τόπαρχος, а τοπίτης или τοπικός —мѣстный житель Duc. 1584). А если это такъ, то не для чего перемѣнять и падежь: «аще кто мѣстьникъ»—если кто изъ мѣстныхъ жителей, т. е. изъ Русскихъ того мѣста, гдѣ Греческіе гости будутъ искать своего раба. Кому покажется страннымъ такое выраженіе—«аще кто мѣстьникъ»—вмѣсто «аще кои мѣстьникъ», тотъ можетъ вспомнить подобное выраженіе Игорева Договора: «аще къто отъ людии царьства нашего челядинъ»... т. е. если какой рабъ кого нибудь изъ подданныхъ царства нашего.

III.

— Обыкновенно военные люди—вои, даже и не выходя дружиною—ратью—на воину, воквати, противъ Грековъ, Греческихъ Черноморскихъ колоній, Черныхъ Болгаръ, и другихъ враждебныхъ народовъ, о которыхъ Договоры умалчиваютъ, вооружали себя вообще по тому времени довольно

сильно, какъ это видно и изъ формулъ присяги и нѣкоторыхъ постановленій, занесенныхъ въ Договоры. Въ постановленіяхъ уголовныхъ обозначено какъ особенное преступленіе «аще ли ударить мечемь или копиемь»: нельзя не думать, что мечь и копье были обычнымъ оружіемъ всякого, кто имѣлъ право на оружіе; стрѣлы и щиты могли имѣть такое же значеніе наравнѣ съ мечами: давая присягу заклинались, «да не ущитаться щиты своими и да посѣчени бѫдѫть мечи своими и отъ стрѣлъ и отъ иного орѫжья своего». Кстати замѣтить, что оружіе принималось не только въ смыслѣ ῥομφαία или μάχαιρα, но и въ смыслѣ ὅπλον вообще. Это употребленіе слова орѫжіе было впрочемъ нечуждо и для Старо-Славянскихъ древнихъ переводчиковъ Чтеній Евангельскихъ и Апостольскихъ. Такъ: «Июда приде съ свѣщами и орѫжии» μετα λαμπάδων καὶ ὅπλων» (Іоан. XVIII, 3). Нельзя не обратить вниманія и на самое слово оружіе = С. С. орѫжиѥ. Этимъ словомъ переводилось Греческое ὅπλον и тогда, когда оно употреблялось въ общемъ смыслѣ инструмента, орудія; напр. «ни приставлꙗите же ѫдъ вашихъ орѫжиꙗ неправьдѣ грѣхови, нъ приставляите себе Богови ꙗкоже изъ мертвыихъ живы, и удꙑ ваша орѫжиꙗ правьдѣ Богови (Рим. VI, 13); облѣцѣмъ же сѧ въ орѫжиѥ свѣта (Рим XIII. 12). Въ такомъ смыслѣ въ Супрасл. р. и въ Слов. Гр. Богосл. употребляется ружиѥ (безъ *о*). Слово *посуда* поддается подобному разнообразію значеній, означая и утварь кухонную, и судно рѣчное и мореходное, и даже (у Бѣлоруссовъ) ружье. Слово оружіе можетъ слѣдовательно быть отъ того же корня какъ и слово *орудіе*, употребляемое и въ частномъ смыслѣ пушки, и въ общемъ смыслѣ инструмента, снаряда, даже дѣла, занятія, работы. Въ Малорусскомъ, Польскомъ и пр. есть производный глаголъ *орудовать*

съ значеніемъ—дѣйствовать посредствомъ чего нибудь, владѣть, управлять.—Въ числѣ оружія отмѣчены и *обручи*: «а некрещенаꙗ Русь полагаютъ щиты своѧ и мечи своѧ нагы, обрꙋчѧ свои и прочаꙗ орꙋжиꙗ». Что это такое, видно изъ описанія владѣтельнаго князя въ Шестодневѣ Іоанна Экзарха: «тꙋ нъ аще се прилучитъ ему и кнеза видѣти, сѣдеща въ срацѣ бисромь покыданѣ, гривну цетаву на выи носеща, и *обручи на руку*, поясомъ вълърьмитомъ поясана, и мьчь златъ при бедрѣ висещь, и оба полы его болѣры сѣдеще въ златахъ гривнахъ и поясѣхъ и обручьхъ» (I. Эк. стр. 64). Слово *обручь* находимъ и въ Чешскихъ глосахъ къ Mater verborum (XII в.) какъ переводъ Латинскаго слова armilla rotunda и Нѣмецкаго bouga, т. е. въ такомъ же значеніи браслета, какъ употребляется оно (obręcz) и доселѣ въ Польскомъ нарѣчіи. Въ древнемъ Нѣмецкомъ переводѣ книги Бытія (XXIV, 22) запястье (ψέλλια) переведено посредствомъ zuêne armpouge ûz alrôteme golde (Вакернагель, 169). Это armpouge или просто bouge у древнихъ Нѣмцевъ имѣло важное значеніе въ быту воина: Гильтибрантъ, передъ поединкомъ съ Гадубрахтомъ, желая выразить ему уваженіе къ его воинской доблести «снялъ съ руки витой *обручь*, вылитый изъ гривны, данной ему княземъ владыкой Гунновъ», приговаривая: «даю тебѣ это въ знакъ уваженія» (uuant her dô ar arme uuntanê *bougâ*, cheisuringû gitân, sô imo sê der chuning gap, Hûneô truhtin: dat ih dir it nu bi huldi gibu. Hiltebrandslied.). Въ капитуляріяхъ Карла есть постановленіе, чтобы купцы не носили обручей: ut armillae et bruniae non dentur negotiatoribus (Кн. VI, cap. 223. Вальтеръ, Corp. jur. Germ. II. 629). Такое же важное значеніе когда-то и у Французовъ имѣли bagues (слово взято изъ Нѣмецкаго),

точно такъ же какъ и у Римлянъ ихъ armillae, а у Грековъ ихъ ψέλλια *); еще императоры Римскіе жаловали ими заслуженныхъ воиновъ (Т. Ливій. X, 44. Плиній. XXXIII, 2).— Русскимъ людямъ того времени были не чужды обычаи вольной добычи: это выразилось въ опасеніи Грековъ, чтобъ Русскіе не дѣлали безчиньѧ (пакости) въ землѣ Греческой **) и чтобы не давали себѣ воли въ Цареградѣ, входя за его стѣны съ оружіемъ. Одно предупреждено было условіями договора, а другое недопущеніемъ вооруженныхъ торговцевъ въ стѣны города. Желательно знать, какъ входили военные послы въ Цареградъ? уже ли тоже безоружные? Во второмъ Договорѣ Олега: вписана присяга Русская пословъ, данная ими въ Цареградѣ: «мы же клѧхом'ся къ царю вашему по закону и по покону ѧзыка нашего», а присяга Русская того времени, какъ видно изъ Игорева Договора, была *на оружіи*, слѣдовательно послы были *съ оружіемъ*. Яснѣе въ лѣтописи о первомъ договорѣ Олега: договоръ заключенъ въ самомъ Цареградѣ, а Олегъ съ своими мужами» клѧшасѧ орȣжьемъ своимъ». Наконецъ и въ сказаніяхъ Константина Порфиророднаго есть воспоминаніе о томъ, что во время одного изъ выходовъ въ манаурѣ у мѣдныхъ вратъ занимали мѣсто крещеные Руссы съ

---

*) Греки называли ихъ также *обручами*: περιβραχιόνιον отъ βραχίων — рука.

**) *Пакости дѣяти*: это выраженіе встрѣчается довольно часто въ древнихъ памятникахъ. Такъ напр. въ Чтеніяхъ Евангельскихъ и Апостольскихъ: «пакости ѥму дѣѩшѧ»— ἐκολάφισαν αὐτόν (Матв. XXVI. 67) «дами пакости дѣѥть» — ἵνα με κολαφίζῃ (2 Кор. XII, 7). Въ другихъ мѣстахъ κολαφίζειν переведено мѫчити (Марк. XIV, 65, 1 Петр. II, 20); а κολαφιζόμεθα—«страждемъ» (1 Кор. IV. 11). См. Остр. Ев. и Шишатов. Апостолъ. Въ лѣтописяхъ Русскихъ *пакости* и *пакостити* употребляется не какъ столько сильное выраженіе.

знаменами, щитами и мечами (Сег. А. Вуз. II. 15. Бон. изд. 579).

— Торговля называлась *куплею*; отсюда и выраженіе *творити куплю*, т. е. *продавати* и *купити*. Въ одномъ изъ списковъ Игорева Договора, при обозначеніи ограниченій покупки товара въ Цареградѣ вмѣсто *ку́пить* стоитъ *крьнеть*: «отъ тѣхъ паволокъ аще кто крьнеть, да показываю̀ть цареву мужю». Слово это встрѣчается и въ другихъ памятникахъ Русскихъ, хоть и довольно рѣдко, такъ же чередуясь со словомъ купить; напр. въ Русской Правдѣ: «аже кто крьнеть (=кренеть) чюжь холопъ не вѣдаѧ, то первому господину холопъ поѧти, а оному куны имати»; въ Договорѣ Смоленска съ Ригой по списку 1229 г.: «аже Немчичь крьнеть гривну золота...аже крьнеть Немчичь гривну серебра»,—а въ спискѣ 1228 года—купить. Есть это слово и доселѣ въ народѣ, какъ замѣчено въ Обл. Словарѣ: *кренуть*=*крянуть* тронуть, двинуть, сдвинуть съ мѣста; въ такомъ значеніи *кренути* употребляется и въ нарѣчіяхъ Сербскомъ, Хорватскомъ, Хорутанскомъ, — и многое заставляетъ думать, что это значеніе ближе къ первообразу, чѣмъ то, въ которомъ видимъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ и въ нихъ кренꙋти значитъ не купить, а только взять, и употребляемо было вмѣсто купить такъ же, какъ употребляемъ мы и теп.рь иногда взять, брать, вмѣсто купить, покупать, какъ и самое купить значило только брать*).

---

*) Въ указанныхъ нарѣчіяхъ есть и болѣе первообразная форма глагола *кренути*: *кретати*, *окретати*: кренуть и кретать относится одно къ другому какъ вянуть и увядать, разцвѣло и разцвѣтать, цвѣлъ и цвѣтъ. Соображая же формы выговора—Югославянскую крет и Русскія крет и крят, надобно заключить, что въ Ст.-Слав. было бы крѧт, а въ Польск. kręt и krzęt; въ Ст.-Слав. слова́ этого корня мнѣ неизвѣстны, а въ Польскомъ онѣ во множествѣ, но по значенію довольно отдаленныя....

—*Куплею* назывался и товаръ. Тоже значеніе товара имѣло и *рухло*. Слово *рухло* напоминаетъ два различныхъ понятія и корня словъ: какъ производное отъ *рух—рушити* двигать (Др. В. Нѣм. ruchian), *рухло*, какъ и *рухлядь*, могло значить вообще движимое имѣніе (ср. прил. рухлый, рухомыя рѣчи res mobiles, напр. въ Лит. ст. 1529 г., IV. 4); какъ производное отъ *рухо* платье (ср. Пол. rucho, Срб. рухо = руо, Чеш. roucho, Нѣмц. rauch*), Др. В. Нѣм. rok=ruchi, ruchili, ruochili, Англ. Сакс. roc, Др. Сѣв. rockr, Визант. ῥοῦχον, Сред. Лат. roccus), *рухло* и *рухлядь* могли означать вообще одежду. Обѣ идеи, какъ и оба корня, могли соединиться въ одно общее значеніе. Такъ въ словѣ *курень* идея курнаго шалаша, палатки отапливаемой безъ трубы, соединялась съ идеей отряда войска у Запорожцевъ, тогда какъ во второмъ случаѣ это слово даже не Славянскаго, а Восточнаго происхожденія **). Подобнымъ образомъ въ словѣ бояринъ = болярынъ соединились при одной общей идеѣ два различные корня: бой = би въ значеніи воеводы и болѣ = велк въ значеніи гранда; такъ и *присутственныя мѣста* (отъ *суть*) не безъ смысла пишутся и *присудственныя* (отъ *судъ*)... Рухло во второмъ Договорѣ Олега можно принимать въ обоихъ значеніяхъ, а всего скорѣе въ общемъ значеніи товара: если Греческая «лодья съ рухломь своимь» — сказано тамъ — попадется въ какую нибудь опасность и не будетъ въ состояніи возвратиться назадъ, то Русскіе обязываются помочь воротиться гребцамъ домой съ «куплею ихъ»; если же нельзя

*) Кстати замѣтимъ, что наше сл. мягкая рухлядь, какъ мѣха, называется по Нѣмецки Rauchwerk.

**) كُرن или كُورن un corps, une troupe. Notices et Extr. XIV. 79. Иной вспомнитъ и о Латинскихъ *куріяхъ*.

будетъ провести ихъ въ Грецію, то «да проводимъ ю въ Руськую землю, и да продаютъ рухло тоя людья», и что продастся, то «да пустимъ съ честью проданное рухло льдья ихъ». — Может быть, рухло имѣло въ Договорѣ съ Греками общее значеніе товара и потому, что главнымъ товаромъ, привозимымъ изъ Греціи, сколько можно видѣть изъ Договоровъ, были *паволоки*, подъ именемъ которыхъ разумѣлись дорогія ткани, purpuræ, порфиры, парчи, багры и т. п.*) У Чеховъ въ древности *павлака* (по глоссамъ Mater verborum XII в.) значило zomentum, а (по переводу Библіи) byssus, paludamentum; у Поляковъ *павлока* означала порфиру (напр. въ переводѣ Іюд. XI, 21: namiot jego był z pawłok, wyszywany złotem=ex purpura et auro intexto; въ перев. Мак. I, VIII. 14: ani w pawłocie odzieniu królewskim nie chodził=nec induebatur purpura). — Не неумѣстно будетъ здѣсь обозначить ошибку или недомолвку одного изъ изыскателей прежняго времени, которая повела потомъ другихъ къ невѣрнымъ заключеніямъ. Кремонскій эпископъ Ліутпрандъ, воротясь изъ втораго путешествія въ Константинополь, жаловался въ своемъ донесеніи императору, что правительство Византійское при его отъѣздѣ въ 968 году не дозволило ему вывезти пяти штукъ драгоцѣнныхъ тканей (quinque mihi preciosissimas purpuras abstulerunt), какъ товаръ запрещенный (κωλυόμενα, id est nationibus omnibus prohibita), и возвратило ему деньги, за нихъ заплаченныя (Liutpr. Legatio: у Перца, Script. Rer. Germ. III. 359). Изъ этого заключили, что Русскіе, кото-

*) Паволоки были различныхъ цвѣтовъ: purpura, alba, rubra, rufa;—diversorum colorum et diversorum quoque exemplorum, seu picturam pannis intextarum, et alba, citrina, veneta. Конст. Порфир. Cerim. Aulae Byz. Appendix ad Libr. I. Бон. изд. 469.

рымъ покупка тканей была позволена, пользовались какимъ-то преимуществомъ. Но мы еще не знаемъ, пользовались-ли этимъ преимуществомъ Русскіе въ 968 году; а въ 945 году, когда пользовались имъ Русскіе, воспользовался и Ліутпрандъ, бывшій тогда не епископомъ, а только діакономъ, и накупивши гораздо болѣе и болѣе драгоцѣнныхъ паволокъ, вывезъ ихъ безъ осмотра и опечатанія (multo plura ac pretiosissima pallia emit, quae neque scrutata, nec a Graecis visa, nec plumbo sunt signata).—Русскимъ дозволено было вывозить разомъ каждому на 50 золотниковъ («да не имѣють волости купити паволокъ лише по 50 золотьникъ»). Это напоминаетъ о дозволеніи Болгарамъ по договору 715 года покупать въ Константинополѣ одеждь и красныхъ кожъ (ἐσϑῆτά τε καὶ κόκκινα δέρματα — vestimenta seu coccineas pelles) цѣною на 50 (30) литръ золота *). Паволоки были для Русскихъ такимъ важнымъ товаромъ, что ими опредѣлялась цѣнность другихъ товаровъ, напр. цѣнность рабовъ: «установлено ксть преже двѣ паволоцѣ за челядинъ». Очевидно, что здѣсь паволока принята въ смыслѣ штуки матеріи, какъ это было и на западѣ («dedit nobis tres purpuras albas de quibus factae sunt casula, dalmatica, tunica et pallium ad patenam. Ducange Gloss. III. 549); а что рабы и плѣнные были оцѣняемы штуками тканей, этому подтвердительный примѣръ находится въ Ἱστορία σύντομος патріарха Никифора, гдѣ подъ 768 годомъ занесено извѣстіе о выкупѣ за шелковыя одежды (σηρικοῖς ἱματίοις ἀμειψάμενος) около двухъ тысячъ пяти сотъ плѣн-

---

*) У Θеофана τριάκοντα λιτρῶν χρυσίου (Chronogr. Бон. изд. 775), а у его компилятора Анастасія quinquaginta librarum auri (Hist. Eccles. Бон. изд. стр. 280).—Vestis pellicea называлась γοῦνα (Duc. Glos. med. Graec. 260. Конст. Порф. Cerim. I, 83. Comment. 361).

ныхъ христіанъ (Niceph. ἱστορία. Бон. изд. стр. 86). Выраженіе «двѣ паволоцѣ за челядинъ» напоминаетъ другое о продаваемыхъ плѣнникахъ — «се продакми бываютъ по 20 золота (= златьникъ)»; изъ этого можно заключить, что паволока оцѣняема была въ 10 солидовъ, а вмѣстѣ съ этимъ и то, что паволоки, бывшія въ ходу у Русскихъ, были вообще одинаковой цѣнности.—Какъ орудіе торговли упоминаются въ Договорахъ и деньги, но чужія: *литра* серебра, значившая тоже что libra, можетъ быть, еще употреблена въ значеніи гривны («за удареник или бикнык да въдасть литръ 5 серебра по закону Руському»); но *златьникъ*=*золотьникъ*, вѣроятно, есть переводъ слова χρύσινος, означавшаго solidus. Такихъ солидовъ было въ фунтѣ 72 или 74 *). — Идея о таможенномъ сборѣ выражена словомъ *мыто:* («да творать ку́плю ꙗко же имъ надобѣ, не платаче мыта ни въ чемъ же»). Ясно, что словомъ *мыто* переведено Греческое τέλος въ смыслѣ vectigal pro importandis et exportandis mercibus. Замѣтимъ, что слово τέλος въ Остр. Ев. переведено словомъ дань (Матѳ. XVII, 25), такъ же какъ и въ Апостольскихъ чтеніяхъ (Рим. XIII. 7) и въ переводѣ Ветхаго Завѣта (Мак. I, X. 31. Острож. изд.); а между тѣмъ ὁ τελώνης всюду *мытарь* и τελώνιον — *мытьница.* **)

— Съ военнымъ и торговымъ бытомъ одинаково соединялось судоходство. Въ Договорахъ поприщемъ Русскихъ судо-

*) См. Академика Круга, Zur Münzkunde Russlands. SPB. 1805. стр. 137: тутъ изложены доказательства, что solidus — золотьникъ есть $^{1}/_{72}$ доля фунта золота. Ср. Рейске, Commentarii ad Cerim. Aul. Byz. Бон. изд. стр. 496: тутъ объяснено мѣсто Константина Порфиророднаго: «summa 322 numismatum, quae si ad rationem litrarum reduces, habebis litras 4, num. 26». 74×4 = 296, а 296 + 26 = 322.

**) О словѣ *мыто* см. Мысли объ ист. Р. яз. 146—147.

ходовъ представляются Днѣпръ и Черное море. Не говоря о кубарахъ, о которыхъ въ Договорѣ Игоря вспомянуто какъ о Греческихъ судахъ *), были у судоходовъ свои *корабли* и *лодьи*, и на нихъ *якори*, *ужи* (канаты), *прѣ* (паруса). — *Корабль* напоминаетъ Греч. κάραβος, Лат. corbita, сред. Лат. carabus, golabus, golebrus, golabius, golafri, Итал. caravella, Исп. carabela; и вмѣстѣ съ тѣмъ Араб. караб и гураб (Journ. As. IX. 67, 86). Можно думать, что въ Договорахъ корабли явились вмѣсто Греч. *καράβια* (Ср. у Конст. Порф. Cerim. Aul. Bys. II, 44: Ῥῶς *καράβια* ξ', II, 45: τῶν δ' Ῥουσικῶν *καραβίων* **)); но можно и сомнѣваться: въ Чтеніяхъ Еванг. и Апост. корабль и корабица стоятъ какъ переводъ Греч. πλοῖον, πλοιάριον; въ древнихъ Чешскихъ глоссахъ занесенъ korab какъ переводъ словъ liburnus, trieris; въ древнихъ Лѣтописяхъ Кіевской, Новгородской, Волынской, въ Сказаніяхъ (напр. о Борисѣ и Глѣбѣ) и другихъ памятникахъ Русскихъ также встрѣчаются названія корабль, кораблець, корабица; да и теперь нѣтъ ни одного Славянскаго нарѣчія, въ которомъ бы это слово не было своимъ, такъ что и у Сербовъ Лужицкихъ, Чеховъ, Словаковъ, далекихъ отъ всякаго моря и всякой большой воды, korab, korabi живетъ какъ народное, означая между прочимъ остовъ барки, кокору. —

*) Кубара, вмѣсто Ст. Слав. кѫвара, есть Греч. κομβάριον = κομπάριον = κυμβάριον, или въ жен. родѣ κυμπαρα = κυμπαρια. Оно было въ ходу въ Византіи уже во время Льва Мудраго. У Латынянъ то же судно называлось comba, cumba, а иногда и gombaria: такъ, по сказанію Дандоло, contra Narentanos Sclavos посланы были naves, quas Veneti gombarias nominant (см. Cedr. II. 913. Duc. s. v.).

**) У Льва Мудраго въ Тактикѣ есть уже καραβοποιΐα и πρωτοκάραβος; затѣмъ καράβος и καράβιον встрѣчается у многихъ писателей. Въ Глоссахъ Исидора есть и опредѣленіе: carabus parva scapha ex vimine et corio. Срав. наше коробъ (Nic. Chon. 911. Pachim. 620—691).

Такъ же распространено у Славянъ слово *ладья* = *лодья* = *лодь*, напоминающее въ своей Старославянской рѣдкой формѣ *алдия* о Литовской eldija, а для иныхъ и о Греческомъ χελάνδιον. Еще ближе о ладьѣ напоминаетъ Швед. и Эст. lodja, Фин. 'lotja, Мадьяр. ladik. У Англо-Саксовъ было lid, которое означало, какъ и Др. В. Нѣм. lid = lith (срав. Лат. lito) не только *сосудъ* для питья и самое питье, но и корабль, ладью, *судно*, отчего и пловецъ назывался lida, lidmann, lidwer. Созвучіе словъ *сосудъ* и *судно*, означающихъ одно и тоже lid, напоминаетъ и о другомъ созвучіи: у тѣхъ же Англо-саксовъ lid (Др. В. Нѣм. lid, Др. Сѣв. lidhr, и пр.) означало и *членъ* = Ст. Слав. *члѣнъ*, которое въ свою очередь родственно съ *челнъ* = Ст. Слав. *чльнъ*, такъ же какъ *млѣти* = *молоть* и *мелю*, мельница (сравнить можно кстати Готе. lithus — членъ и leithus бокалъ, питье). — Люди, плававшіе по широкимъ и глубокимъ водамъ, не могли обойтись безъ *якорей*: Славяне называютъ ихъ *котвами* (отъ котъ, какъ Рус. кошка — тоже родъ якоря, Хорут. mačka — кошка и якорь, Нѣм. Kat и Katze), *шидрами* (ср. Греч. σίδηρος) и — особенно Русскіе — *якорями*. Это послѣднее слово переводчикамъ Св. Писанія было худо извѣстно: они или оставляли — анькыра, анькура вм. Греч. ἄγκυρα, или переводили котвой (Д. Апост. XXVII, 29, 30, 40; Евр. VI, 19. Шишат. Апостолъ и Острож. библія). Можно думать, что якорь есть Греч. ἄγκυρα, перешедшее къ намъ случайно; но слово ἄγκυρα = ancora общеизвѣстно народамъ Романскимъ и Германскимъ, Литовцамъ и Финнамъ (Др. В. Нѣм. ancher, Анг. Сак. ancor, Др. Сѣв. akkéri, Лит. inkoras, Латыш. enkuris, Фин. ankkuri); оно извѣстно Арабамъ, Персамъ, Кельтамъ. Ужели оно зашло и туда отъ Грековъ? Полно

такъ ли? Не чуждое ли оно и въ Греческомъ языкѣ столько же какъ и въ другихъ? — Что касается до канатовъ, то они *ужами*, *ужищами* (Ст. Слов. *ѫже*, *ѫжище*) назывались и называются издавна. Кромѣ другаго, это доказывается и тѣмъ, что въ переводѣ Св. Писанія словомъ *ѫже* переданы и σχοινίον τῆς σκάφης (Дѣян. XXVII, 32), и ζευκτηρία (Дѣян. XXVII, 40), и ἅλυσις (Ев. Лук. VIII, 29; Прем. Сол. XVII, 18 и пр.) Съ придыханіемъ *г* (h) то же слово, измѣнившись въ *гужь*, до сихъ поръ употребляется во всей Руси: («коли не дюжь, не берись за гужь»—когда тянутъ на лямкѣ судно) и во многихъ Славянскихъ краяхъ. Такъ и Ст. Слав. *ѫжище* доселѣ слышно у насъ и на сѣверѣ и на югѣ въ значеніи толстой веревки.—Не столь очевидно, но безъ сомнѣнія чисто Славянскаго происхожденія и слово *прѣ* = *прѧ* — паруса. Правда, что есть у Славянъ и другое слово, означающее тоже самое—*ядро*, *ядрило*, *ядрина*: словомъ ꙗдрина передано было и ἀρτέμων (Дѣян. XXVII, 40) и σκεῦος (Дѣян. XXVII, 17), у Сербовъ отъ jедро (парусъ) произошло и jедрити (плыть на парусахъ), какъ у Нѣмцевъ segeln отъ Segel, откуда Поляки, какъ и Чехи, взяли свое żeglować; правда, что и у Финновъ парусъ называется purjet и оттуда purjehdin—плавать на суднѣ; но слово *прѣ* = *прѧ* дали отъ себя производныя *прапорь* = *прапоръ*, въ смыслѣ знамени и отряда военнаго, не только Русскимъ, но Хорутанамъ и Чехамъ, у которыхъ оно употреблялось уже въ X вѣкѣ (»ajta knēz wzē prapor w mocnu ruku. 1004 г.), а у Литовцевъ въ томъ же смыслѣ есть слово papartiś (Изв. II. стр. 111). Притомъ же рядомъ со словомъ *прѣ* = *прѧ*, какъ съ ꙗдро — ꙗдрити, съ Segel — segeln стоитъ и *прѣти* — плыть на парусахъ: «въсперѹть въ ко-

рабльхъ иноплеменник» (Ис. XI, 14, по списку Упыря Лихаго). Слово *пьрь* или *пърь* могло означать просто платъ, какъ и Греческое φᾶρος, передѣланное у насъ въ парусъ, означало ткань, платъ, фату и парусъ. Не смотря впрочемъ на употребленіе парусовъ, Русскія суда были вмѣстѣ и гребныя: въ этомъ удостовѣряетъ упоминаніе Олегова договора о *гребцахъ* («съпотружаисмѧ гребцемъ тоѭ лодьѩ»). — Къ этому обозрѣнію терминовъ Русскаго судоходства прибавимъ, что изъ Договоровъ ясно видно, что Русскіе знакомы были близко съ Чернымъ моремъ, часто разсѣкали его волны, умѣли бороться съ опасностями и спасать Грековъ, менѣе надѣявшихся на себя чѣмъ на нихъ.

IV.

— Договоры представляютъ замѣчательныя доказательства распространенія грамотности между Русскими. Не упоминая о перепискѣ Русскихъ князей съ Греками, объ отпускныхъ грамотахъ Русскихъ князей при отходѣ Русскихъ гостей въ Константинополь, о самыхъ Договорахъ, одно изъ этихъ доказательствъ находимъ и въ постановленіи о наслѣдствѣ: — «О работающихъ въ Грьцѣхъ Руси у Христьѩньскаго царя. Аще кто умреть не урѧдивъ имѣньѩ, ци (= либо, аще) и своихъ не имать, да възвратить имѣньѥ къ малымъ ближикамъ въ Русь. Аще ли сътворить обрѧженьѥ, таковыи да възьметь урѧженоѥ кго, кому бѹдеть *писалъ* наслѣдити имѣньѥ (кго), да наслѣдить ѥ»... И такъ Русскіе дѣлали письменныя завѣщанья. Другое доказательство находимъ въ употребленіи печатей: «ношахѹ сьли печати злати, а гостьѥ сребрьни; нынѣ же увѣдѣлъ (= заповѣдалъ) кнѧзь вашь посылати грамоту къ царьству нашему.» Слово *печать* одинаково распространенное у всѣхъ Славянъ, отъ нихъ уже въ XV вѣкѣ перешед-

шее къ Нѣмцамъ (Petschaft), представляется въ Договорахъ какъ свидѣтельство особеннаго обычая, такъ же не исключительно Русскаго, но бывшаго и въ другихъ Славянскихъ краяхъ. Древнѣйшее упоминаніе о печатяхъ, какое здѣсь можно привести относится къ Болгарамъ, къ ихъ договору съ Греками, поставленному въ 715 году и позже въ 805 году по особенному случаю оставшемуся безъ подтвержденія, котораго желалъ князь Болгарскій Крумъ (Theoph. Chron. Бон. изд. 775. Anast. Hist. Eccles. Бон. изд. 280). Въ числѣ условій этого договора было и то, чтобы купцы являлись по своимъ дѣламъ не иначе какъ съ грамотами и печатями (διὰ σιγιλλίων καὶ σφραγίδων — per praecepta et signacula), такъ что тѣ изъ нихъ, которые бы явились безъ печати (sine signaculo), должны были лишаться своихъ товаровъ въ пользу казны. Если такое условіе могло нравиться Болгарскому Круму, котораго посолъ хоть и былъ, судя по имени, Славянинъ (Δαργαμηρος: Dargamerus — можетъ быть Драгомиръ), но при дворѣ котораго были и не Славяне; если при томъ оно же найдено пригоднымъ и въ Руси, то не мудрено, что оно было согласно съ обычаемъ народнымъ въ обоихъ краяхъ; древній Славянскій переводъ Св. Писанія того же времени (IX — X вѣка) это подтверждаетъ постояннымъ переводомъ словъ σφραγίς и σφραγίζειν словами *печать* и *печатаю, запечатлѣти* (напр. Ев. Матѳ. XXVII, 66; Іоан. III, 23. Посл. 2 Рим. IV, 11. 1 Кор. IX, 2. 2 Тим. II, 19) *). Обязательство Святослава Цимисхію было подтверждено печатями: «написахомъ на харътии сеи и своими пе-

*) Замѣчательно, что тотъ же глаголъ σφραγίζειν *въ переносномъ смыслѣ* переведенъ чаще посредствомъ *знаменати*; напр. Іоан. VI, 27. Посл. 2 Кор. I, 22. Еф. I, 13.

чатьми запечатахомъ»—кто мы? Святославъ говоритъ въ этомъ договорѣ: «клахъсѧ и со мною боляре и Русь вся». Такъ утвержденныя нѣсколькими печатями сохранились нѣкоторыя грамоты Новгородскія. Печати въ томъ значеніи, какъ обозначены въ Договорѣ Игоря были употребляемы и у другихъ Славянъ. Такъ у Сербовъ, по Законнику Стефана Душана—«властеле велиціи позивають се с книгомъ соудіиномъ, а прочіи сь печатію» — великіе бояре вызываются къ суду грамотою отъ судьи, а всѣ остальные подсудимые печатью (по изд. П. Ц. Шафарика ст. 57. Okazky občan. pismenictwi. стр. 34). Тутъ грамота тоже что σιγίλλιον въ вышеприведенномъ мѣстѣ Өеофана или у Константина Порфиродннаго (Adm. imp. 49. два раза); къ грамотѣ прилагалась печать, а присылка одной печати безъ грамоты не выражала полнаго уваженія.—Послѣдующія изъисканія, можетъ быть, объяснятъ болѣе значеніе печатей въ древней Руси, отвѣтя и на вопросъ, какъ широко и давне было ихъ употребленіе*). Теперь только для предположительнаго сравненія можно вспомнить о древнемъ обычаѣ стигмы (στίγμα, στίζω, στιγματίζω) напечатлѣнія знаковъ на тѣлѣ раскаленнымъ желѣзомъ. Этотъ обычай прилагался у Грековъ и Римлянъ очень различно, долженъ былъ сдѣлаться извѣстнымъ и Славянамъ, подвластнымъ имперіи Римской, и могъ подать имъ поводъ къ образованію своего слова для выраженія того же понятія. Онъ могъ впрочемъ образоваться у Славянъ и независимо отъ Грековъ и Римлянъ, не-

*) Теперь *печать* женскаго рода почти исключительно у всѣхъ Славянъ. Въ Договорѣ Игоря по Лаврент. списку печать муж. рода: печати злати, серебрени. Такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ, напр. въ Глаголитѣ Графа Клоца: «недвижими печати (913), знаменаномъ печатомъ (915), гробънымъ печатомъ (918).

жетъ быть, какъ что нибудь въ родѣ татуировки. Самое слово *печа́ть* могло получить нынѣшнее значеніе вмѣсто древняго такъ же, какъ Латинское sigillum, signum (и глаголъ signare).

— Разсмотрѣніе тѣхъ словъ Договоровъ, которыми выражаются понятія отвлеченныя, убѣдитъ всякаго, что въ этомъ отношеніи переводчики Договоровъ всего болѣе были въ зависимости отъ Греческаго подлинника, — не всегда, конечно, въ той зависимости, которая могла быть слѣдствіемъ незнанія привычныхъ условій перевода съ Греческаго на Славянскій, но иногда и въ этой. Отнеся замѣчанія, о такихъ словахъ, буквально переведенныхъ съ Греческаго, къ общему указателю словъ, употребленныхъ въ Договорахъ, я остановлюсь здѣсь только на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которыми выразилисъ въ Договорахъ понятія незанятыя у Грековъ, понятія, бывшія независимою принадлежностью образованности Славяно-Русской — Въ числѣ такихъ словъ нельзя не замѣтить слова *вьсьмиръ*: Русскіе, заключая миръ съ Греками, хотѣли «сътворити любовь... съ всѣми людьми Грьчьскыми на вся лѣта, доньдеже сьіаетъ слъньце и вьсьмиръ стоитъ» — пока сіяетъ солнце и существуетъ вселенная. Не здѣсь въ первый разъ явилось это сложное слово: въ древнемъ переводѣ чтеній Евангельскихъ и Апостольскихъ оно употреблено не разъ какъ равносильное Греческому κόσμος (на пр. явися вьсемоу миру — φανέρωσον σεαυτὸν τῷ κόσμῳ. Io. VII, 4. прѣжде сложения вьсего мира; πρὸ καταβολῆς κόσμου. Еѳес. 1, 4. и пр.); не разъ оно употреблено въ этомъ смыслѣ и въ другихъ древнихъ памятникахъ церковныхъ (напр. Слова Григ. Назіан: страшьно же вьсемоу миру коньчание. Ш. Изв. 35. Супрасл. ркпсь: сияють яко и звѣзды въ вьсемь мирѣ. 60,

6. Глагол. сбор. Кіідак да разъдрѣшитъ вьсего мира клатву. 630. и пр.). Изъ этого же слѣдуетъ однако заключать, что *вьсьмиръ* слово исключительно Церковно-Славянское. Оно было въ такомъ же ходу и у Чеховъ: его находимъ въ древнихъ Чешскихъ глоссахъ на Евангеліе Іоанна (ai mir ves pó niem ide. XII, 49), въ пѣснѣ Войтѣха (ty spase vsego mira, spasiž ny i uslyš glasy naše), въ глоссахъ къ Mater verborum XII вѣка (mundus, universitas omnisque constat in coelo et in terra. vezmir) и пр. Въ нашемъ народномъ языкѣ оно въ ходу, и до сихъ поръ, какъ видно на пр. изъ пѣсни: «судятъ старцы старые всему миру животы долгіе (Сахарова, Сказ. Рус. нар. VII, 13). Въ Нѣмецкомъ образовалось подобное слово Weltall, Англійское all the world. Самое выраженіе «доньде же сльньце сьинть и вьсь миръ стоитъ» должно было быть въ ходу у древнихъ Славянъ... его между прочимъ находимъ и въ Болгарскихъ грамотахъ (Болгар. Гр. Априлова. стр. 16). Впрочемъ *миръ* и отдѣльно, безъ *вьсь*, употреблялся въ значеніи κόσμος, какъ это видно и изъ Договоровъ: второй Договоръ Олега заключенъ былъ «въ лѣто оъзданиы миру ,s. к. ц». Въ этомъ несложномъ видѣ, означая и покой, согласіе (εἰρήνη), слово *миръ* было иногда замѣняемо другими подобнозначащими. Такъ и въ Договорахъ, иногда отдѣльно, иногда вмѣстѣ съ *миръ*, употреблено много разъ слово *любы*. Инымъ кажется, что *любы* въ этомъ значеніи есть буквальный переводъ Сред. Греческаго ἀγάπη, употреблявшагося въ смыслѣ pax, foedus. Сходство значенія неотрицаемо; но оно говоритъ не о буквальномъ переводѣ одного слова другимъ, а объ естественномъ для ума человѣческаго соединеніи идей любви и согласія. Не выписывая примѣровъ изъ нашихъ древнихъ памятниковъ, подтверждающихъ народность этого смысла

слова любовь (примѣры можно видѣть въ Словарѣ къ 1-й Новг. Лѣт. А. Пыпина, Матер. для Слов. II стр. 76), я ограничусь припоминаніемъ старинныхъ нашихъ словъ *розлюбье* (то же что розмирье, ссора), *нелюбье* (несогласіе), *слюбиться* (согласиться), *полюбовная сдѣлка* (договоръ). Тутъ же кстати вспомнить Польское slubiny, Чешское slib, Литовское sąluba =saluba. Въ Нѣмецкомъ есть въ такомъ же смыслѣ gelübde, angelöbniss, gelöbniss; въ Англо-Саксонскомъ leáf—согласіе, позволеніе, leafa—вѣрность, left и lift — данное слово, lybb' клятва; въ Кельтскомъ есть llwf, llw—клятва, присяга.—Такая же древность въ языкѣ Славянскомъ для всѣхъ Славянъ противоположное по смыслу слово *ненависть* (Догов. Игор: «ненавидящаго вражьдолюбьцы дьявола»); этимъ сложнымъ словомъ постоянно издревле переводилось простое Греческое μῖσος, а словомъ *ненавидѣти*—μισεῖν: такъ и въ Готескомъ vitan значило не только знать, но и уважать, любить, inveitan почитать, fraveitan мстить, и могло быть unveitan съ значеніемъ ненавидѣть.—Не менѣе древне и слово *истина*: постоянно занимая свое мѣсто съ тѣми же значеніями какъ и Греческое ἀλήθεια, и въ древнихъ памятникахъ, и въ современныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, выражая собою сущность того, что дѣйствительно есть, дѣйствительность *), законность, правду, справедливость, вѣрность, это слово явилось и въ Договорѣ Игоря на своемъ мѣстѣ, какъ живое народное слово («да на роту идуть хранити истину, яко же мы съвѣщахомъ»), хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ по Славянски соединенное съ глаголомъ хранити. Почти въ такомъ же смыслѣ употреблялось

*) Очень естественно было слову *истина* получить и значеніе наличнаго капитала, имѣнія (Чеш. jistina, Пол. iścizna), въ какомъ употребляютъ его сѣверо-западные Славяне.

и слово *правда*, которымъ также издревле переводилось *ἀλήθεια*, и которое удержало это значеніе доселѣ въ сѣверо-западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ почти исключительно; но оно издревле получило и смыслъ юридическій, какой соединяется съ нимъ почти исключительно въ нарѣчіяхъ юго-западныхъ. Этотъ смыслъ видѣнъ и въ выраженіи «Руськаꙗ Правьда»; онъ же виденъ и въ выраженіи Олегова Договора «да погубить правьдꙋ свою», что значитъ почти тоже что «да будетъ обвиненъ». Правда была для Русскаго слѣдствіемъ истины въ дѣлахъ жизни, а сама истина, теплясь въ душѣ *вѣру*, въ жизни выражалась *закономъ*.—Слово *вѣра*, общее достояніе не однихъ Славянъ, но и другихъ народовъ (срав veritas, verus, Др. Нѣм. и Др. Сѣв. wâr, и т. д.), употреблено и въ Договорахъ въ двухъ главныхъ смыслахъ — не только какъ довѣріе («ꙗти вѣрꙋ —.довѣрять), но и какъ сознаніе божественнаго закона («клѧтисѧ по вѣрѣ своеи, на ротꙋ ити по вѣрѣ своеи» и т. д.).— Впрочемъ и въ словѣ *законъ* соединялись для древнихъ Русскихъ нераздѣльно оба начала: божественное и мірское. Отсюда выраженія: «мы же клѧхомъсѧ къ царю вашему, иже отъ Бога сꙋще ꙗко Божие здание (=създание) по закону и по покону ꙗзыка нашего», «да на ротꙋ идꙋть ваши христиꙗнаꙗ Русь по вѣрѣ ихъ, а нехристиании по закону своему». Особенно любопытно выраженіе *по закону и по покону*: ζάκανον извѣстно было и Константину Порфирородному, и употреблено имъ въ противоположность къ ἔθος, т. е. какъ lex въ отношеніи къ consuetudo (Ad. 7, 38: *κατὰ τὰ ζάκανα, — κατὰ τὸ τῶν χαζάρων ἔθος καὶ ζάκανον*); Русское *поконъ* должно означать ἔθος, а «по закону и по покону» lege et consuetudine; *поконъ* и досихъ поръ на Сѣверной Двинѣ значитъ обыкновеніе, обычай, и повторяется въ поговоркѣ «у

щихъ ужъ тотъ покониъ» *). Нѣтъ сомнѣнія, что слово *ζάκανον* взято Греками у Славянъ.—О религіозномъ законѣ Русскомъ въ Договорахъ занесено очень немного данныхъ и то только въ примѣненіи къ юридическимъ обрядамъ. По этому только случаю сдѣлано упоминаніе о двухъ главныхъ догматахъ Русскаго язычества: 1. Русскіе признавали *Бога* верховнаго, единаго, и сверхъ того чтили *Перуна* и *Волоса*: «да имѣнмъ клатвѫ отъ *Бога*, въ нкго же вѣрѫкмъ, въ *Перуна* и въ *Волоса*»; «да не имѫтѣ помощи отъ *Бога ни отъ Перуна*»; «да бѫдеть клать отъ *Бога* и отъ *Перуна*, яко престѫпи клатвѫ свою». Въ послѣднихъ выраженіяхъ ясно отличены Богъ и Перунъ, хотя Перунъ и Волосъ и названы такъ же богами. Не одни Славяне имя верховнаго Творца вседержителя соединяли съ идеей многобожія: у Грековъ τὼ Θεώ было общимъ именемъ двухъ богинь Цереры и Прозерпины; Римляне клялись per deos, ita me dii ament, и пр.; Германцы свое Gott придавали какъ опредѣлительное къ именамъ своихъ боговъ: Irmingot, Altgot (= Сатурнъ), Herdgot... Позволю себѣ не останавливаться на разборѣ значенія Перуна и Волоса въ Русской миѳологіи, ограничась только общимъ словомъ:—Перунъ и Волосъ были для Русскихъ тоже что для Грековъ и Римлянъ Юпитеръ и Аполлонъ, одинъ — богомъ огня небеснаго, грома и молніи, другой — богомъ свѣта небеснаго, солнца. Понятно, почему Волосъ названъ скотьимъ богомъ: такимъ, въ значеніи Пана, былъ и Аполлонъ. 2. Русскіе язычники признавали будущую жизнь, и,

*) См. Сынъ Отеч. 1852. VI. Крит. стр. 4. О словѣ ζάκανον можно прибавить, что оно по словарю Свиды (изд. Гансфорда, I. 870) означаетъ еще δατόν, σημασία τῆς ἡμέρας καὶ τοῦ καιροῦ, число такого то мѣсяца и года.

боясь рабства, утверждали исполненіе обязательствъ клятвою «да будемъ раби въ весь (=въ сии) вѣкъ (и) въ бѫдѫщии».— Что касается до Русскаго закона мірскаго, то и онъ не разъ вспомянутѣ въ Договорахъ, и именно какъ законъ угѣловный: «за ударение пять литръ по закону Руському; аще ли кто възьметь что, или человѣка поработить, или убиеть, да бѫдеть повиненъ закону Руському и Грецькому; аще украденое обращеться, да (тать) покажнинъ бѫдеть по закону Грецькому и по закону Руському». Законъ мірской названъ еще *уставомъ*: преступникъ наказывался «по уставу и по закону». Слово *уставъ* въ этомъ смыслѣ у Славянъ очень давне, такъ на пр. у Чеховъ еще во время язычества было выраженіе *уставити правду*, а въ Старославянскомъ словомъ *уставъ* переводили ϑεςμός, διάϑεσις, διαϑήκη, σύνϑημα, и т. п.

V.

— Гражданскія постановленія Договоровъ касаются права выкупа плѣнныхъ и порабощенныхъ и права распоряженія имѣніемъ.... Особенно любопытны послѣднія: имѣніе умершаго наслѣдовали *свои*, а если не было ихъ, то *малые ближьіки* — по закону или по завѣщанію. Завѣщаніе названо *обряжение*, завѣщать — *обрядити*, *урядити*: эти слова употреблялись, конечно, не всегда въ такомъ исключительномъ смыслѣ, заключая въ себѣ тотъ же смыслъ, какой давался и словамъ *уставъ*, *установленіе*, *уставлять*, какъ это видно изъ многихъ памятниковъ Русскихъ. Важное мѣсто о наслѣдствѣ читаемъ во второмъ Договорѣ Олега: «Аще ли убѣжить сътворивыи убииство да аще есть имовить, да часть его, сирѣчь еже его бѫдеть по закону, да възьметь ближьнии убьенаго, а и жена убивьшаго да имать толицѣмь же прибѫдеть по закону». Подъ словомъ *часть* въ этомъ мѣстѣ должно,

безъ сомнѣнія, понимать μερέτιον — наслѣдіе (Duc. 967); вотъ почему и слѣдуетъ далѣе объясненіе: «сирѣчь иже кго бѹдеть по закону» — то чѣмъ онъ владѣлъ по закону; въ Договорѣ Игоря сказано проще — «имѣник». *Прибудетъ* значитъ получитъ: ср. Гр. πρόσειμι, συμπρόσειμι; въ такомъ смыслѣ остается это слово въ Псалм. XCIII, 20: «да не прибѹдеть тебѣ престолъ беззаконія» — μὴ συμπροσέσται σοι θρόνος ἀνομίας; и не для чего думать, что слово «прибудетъ» въ свое время не было всѣмъ понятно и общеупотребительно, потому что и до сихъ поръ слова *прибыль* и *приходъ*, какъ и слова *добыть*, *добыча*, *добытокъ*, *убытокъ*, *убыль*, употребляются безъ всякой нужды ихъ объясненія посредствомъ Греч. τὸ προσόν или τὰ προσιόντα. Что древній Русскій законъ опредѣлялъ право жены на часть имѣнія послѣ мужа, это видно изъ многихъ постановленій. Такъ и въ Русской Правдѣ: «Аже жена сядеть по мужи, то у своихъ дѣтеи взять часть, а что на ню мужь възложить, то тому госпожа кстъ.. Что ки далъ мужь, съ тѣмъ же ки сѣдѣти, или свою часть земьши сѣдить же». Въ позднѣйшихъ постановленіяхъ находимъ объясненіе этого постановленія и замѣну новымъ. Такъ напр. въ статутѣ Владислава II: «Въ книгахъ правыхъ нашихъ предковъ писано: коли мужъ женѣ умреть, тогды жена все имѣнье свое брала, а у томъ дѣти шкодила. Мы уставляемъ: ижь такая невѣста имѣеть изостать при животинѣ и при вѣнѣ и при возникахъ, которыми вожена при мужи»... Впрочемъ всѣ подобныя постановленія почти исключительно относятся къ праву гражданскому; въ Договорѣ же Олега гражданское постановленіе обусловлено уголовнымъ обстоятельствомъ. Для его объясненія надобно искать подобныхъ учрежденій извнѣ. И они есть. Уже И. Д.

Бѣляевъ указалъ на одно въ Исланд. Grágás (I, VI, 23): ежели между супругами общность имѣнія не была утверждена особымъ актомъ, то въ случаѣ денежнаго взысканія на одномъ изъ нихъ виновный платилъ только изъ своего имѣнія, не касаясь имѣнія, принадлежащаго другой половинѣ (Временникъ. XV. 61). Это постановленіе довольно сходно съ тѣмъ, которое занесено въ Договоръ Олега; но далеко не то самое. Сходное постановленіе находится и въ грамотѣ Премысла Оттокара 1229 года, которою подтверждены древніе Моравскіе законы: «всякій убійца обязанъ былъ платить суду 200 денаровъ, а жена его оставалась безъ проторей (et uxor sua in pace sedeat et indempnis. Бочекъ, Cod. Morav. II. 210). Полное объясненіе обозначеннаго закона находимъ въ постановленіи Англосаксонскомъ: Вдова изгнанника (utlag) за преступленіе разбоя (murdrit), если она не причастна была преступленію и доказала это Божіимъ судомъ, оставалась подъ защитой закона и сохраняла maritagium и dos, а дѣти, родившіяся до преступленія, не были exlegae и не теряли своего наслѣдія (Leg. Edw. c. 19. D. Oghlou. II. 139). Тотъ, кто былъ признанъ преступникомъ по народному праву (folcriht), подвергался смертной казни, и лишался всего имѣнія: изъ него брали прежде то, чего стоило украденное (ceapgild), а остальное дѣлилося на двѣ части, и одна отдавалась женѣ, если она была невинна, а другая раздѣлялась пополамъ, между королемъ и общиной (Judic. Lund. I. 1. D. Oghlou. II. 380, 516).

— Изъ преступленій отмѣчены въ Договорахъ убійство, удары и побои, грабежъ и воровство. Идея преступленія выражена нѣсколькими словами: *вина*, *грѣхъ*, *согрѣшеніе*. О значеніи *вины* можно судить по выраженіямъ очень общимъ:

«не въдадимъ быти никакому съблазну или винѣ». Въ такомъ же неопредѣленномъ значеніи употреблены слова *грѣхъ* и *съгрѣшеник:* «ци аще ударить... да того дѣля грѣха заплатить; будеть казнь, ꙗкоже ꙗвиться съгрѣшеник о семь». Еще болѣе обще значеніе словъ *криво*, *зло*, *бесчиньк*, *пакость*, *преобидѣти*, *преступити*. Видно изо всего, что особеннаго обычнаго рѣченія для выраженія юридической идеи о преступленіи переводчикъ не думалъ употреблять, передавая только общій смыслъ Греческихъ словъ. — Не много болѣе опредѣленности замѣчаемъ въ выборѣ словъ для выраженія отдѣльныхъ преступленій. Объ *убійствѣ* есть нѣсколько выраженій, которыя, какъ слѣдствіе дурнаго перевода, могутъ быть понимаемы различно. Таково напр. въ Договорѣ Олега: «а о головахъ, иже ся ключить проказа, урядимся сице»; за этимъ слѣдуютъ статьи объ убійствѣ. Едва ли слово *голова*=*глава* можетъ здѣсь значить то же что статья закона, постановленіе, κεφαλή, capitulum, или же головы т. е. то же, что у Константина Порфиророднаго τα κεφάλαια (Adm. Imp. 45. стр. 203), какъ въ томъ же Договорѣ выше: «сѹть ꙗко понеже мы ся имали о Божьи вѣрѣ и любъви главы таковыꙗ». Мнѣ кажется слово *голова* значитъ здѣсь тоже, что κεφάλαιον, κεφαλήτιον, census capitis, capitatio, и употреблено не какъ дословный переводъ, а какъ рѣченіе народное: и въ Русской Правдѣ употребляется голова въ смыслѣ убійства («вирьное платити въ неи же вьрви голова начнеть лежати», — 40 гривенъ за голову»), а *головьникъ* въ смыслѣ убійцы; и въ Др. В. Нѣмецкомъ haubitjan (ar-+-, far-+-) отъ haubit (голова) значило убить (нов. enthaupten), а въ Анг.-Саксонскомъ heáfodgylt, heáfodleather — отъ heáfod (голова)—убійство, головничество. Принимая слово голова въ значеніи уголовнаго преступленія, легче понять и

смыслъ слова *проказа*: это дословный переводъ Греч. *διαφθορά* (*δια*—про, *φθορέω*—кажу), и значитъ лишеніе жизни, смерть, *θάνατος*, какъ опредѣляется и Свидой (изд. Гансфорда. I. 968). Въ такомъ же значеніи смертоубійства употреблено слово *проказа*, можетъ быть, и въ Договорѣ Игоря: «ци аще ключиться проказа нѣкака отъ Грѣкъ». Впрочемъ *проказа* въ Договорахъ употребляется и въ общемъ значеніи бѣды, бѣдствія, сопряженнаго съ погибелью людей: «аще ли ключиться така же проказа лодьи близъ земли Русьскы, да проводимъ ю въ Русьскꙋю землю *)».—О побояхъ и ударахъ говорится какъ о *бикньи*, *ударенiи*, — и почти исключительно только объ ударахъ оружіемъ (мечемъ, копьемъ), — въ Договорѣ Олега *съсудомъ*, а въ Договорѣ Игоря *оружьемъ*, впрочемъ въ нѣкоторыхъ спискахъ и тутъ стоитъ *сосудомъ*; слово *сосудъ* могло быть также употреблено въ смыслѣ военнаго орудія (какъ напр. въ Ипатьев. лѣтописи съсуды порочные, градные, стр. 182 и пр.).—Преступленіе воровства выражено словомъ *татьба*, воръ названъ *татемъ*, а уворовать — *украсть* и просто *взять*, такъ какъ и во всѣхъ древнихъ памятникахъ Старославянскихъ, Сербскихъ и Русскихъ. Любопытно слово *тать* («аще украдеть... что любо..., и ѥтъ бꙋдеть въ томъ часѣ тать, кгда татьбꙋ сътворить..., аще приготовиться татьбꙋ творѧи»...). Оно по происхожденію такъ же темно, какъ и Германское dieb или Латинское fur, съ чѣмъ сходно наше воръ; считать его сроднымъ съ *таить*, какъ

*) Словомъ *проказа* въ Еванг. чтеніяхъ переводится *λέπρα* (Матѳ. VIII, 3. Мар. I, 42. Лук. V, 12): у Болгаръ это болѣзнь называется *пъпки*, у Сербовъ *губа*, у Хорутанъ *гоба* (слѣд. по Ст. Слав. гѫба); а *проказою* Сербы и Хорутане называютъ hydrops. Ср. Южно Русское *скаженый* — искаженный болѣзнью, *сказитися* — исказиться болѣзнію, а иногда почти тоже что издохнуть.

было дѣлано и до Добровскаго, можно потому, что и Готское thiubs (Dieb) строитъ рядомъ съ thiubjo, что значитъ тайкомъ, какъ и Греческое κλέπτω значитъ не только воровать, но и таить, скрывать, а Латинское furtum — не только воровство, но и тайна, хитрость, и т. п. Болѣе произвола будетъ въ сравненіи съ Венгерскимъ tátas — волхвъ, которое напоминаетъ собою Сербо-Лужицкое tatań — язычникъ. Слово *тать* замѣчательно и потому, что оно столько же теперь у Славянъ мало извѣстно, сколько въ древности было употребительно: теперь, сколько знаю, оно осталось только у Словенцевъ Хорутанскихъ, вмѣстѣ съ tatja, tatba, tatbina. — Идея грабежа нечаянно и неловко выражена словомъ *искусъ* («аще ли кто мѹченьı образомь искусъ творить и насильѥ ıавѣ»). Трудно себѣ представить, чтобы подъ словомъ искусъ скрывалась мысль о пыткѣ, выпытываніи, не болѣе: дѣло идетъ о преступленіи въ родѣ воровства, соединяющемся съ насиліемъ, о грабежѣ или разбоѣ (въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова): это πεῖρα, πείραμα, πείρασις, πειρατεία, отъ чего получили свое имя и разбойники *пираты*. Подобная идея выражена словомъ *пакости*, какъ было уже замѣчено выше. Насиліе выражено еще словомъ *нѹжа*: «аще ѹкраденъ бѹдеть челядинъ Руськыи.. или по нѹжи проданъ бѹдеть». Въ такомъ же смыслѣ употреблялось и въ Старославянскомъ слово нѫжда («шьдъ стратигъ съ слѹгами приведе ѩ не съ нѹждею (οὐ μετὰ βίας), боıахѹ бо сѧ люди, да не каменимь побиють ихъ. Дѣя. V, 26. вьси благовѣрьнѣ живѫштии о Христосѣ нѹждаахѫ сѧ жрѫти богомъ. Супр. р. 50. Почи ıако нѹждьноѭ съмрьтьѭ, т. ж. 103). — Разсматривая разныя преступленія, о которыхъ упоминается въ Договорахъ, должно остановиться и на той статьѣ, кото-

рой одна часть была уже отмѣчена выше. Если Русскій, живущій въ Греціи, передъ смертію оставитъ завѣщаніе о своемъ имѣніи, то тотъ, «кому бѹдеть писалъ наслѣдити имѣнье (єго), да наслѣдить є отъ възимающихъ куплю Рѹси, отъ различьныхъ ходащихъ въ Грькы и удлъжающихъ». Не трудно понять смыслъ этого постановленія, если обращено будетъ вниманіе на то, что «възимаѭи куплю» есть дословный переводъ Греческаго слова πραγματευτής, въ смыслѣ купецъ (Cerim. Aul. Byz. II. 575 — 576): наслѣдникъ Русскаго, проживавшаго въ Греціи, получалъ свое наслѣдіе черезъ посредство кого нибудь изъ тѣхъ Русскихъ купцовъ, которые приходили въ Грецію, или вообще отъ кого нибудь изъ Русскихъ путешественниковъ, останавливавшихся въ Греціи. Непосредственно въ слѣдъ за этимъ постановленіемъ Договоръ выставляетъ на видъ уголовное обстоятельство: «Аще злодѣи *не* възвратитьса въ Русь, да жалуютъ Русь христианьскому царьству, и ѩтъ бѹдеть таковыи, и възвращенъ бѹдеть нехотаи въ Русь». Читая это мѣсто, я нахожу необходимымъ вставить, пропущенное переписчиками, отрицаніе *не*, безъ котораго, очевидно, нѣтъ никакого смысла, какъ это уже было замѣчено П. М. Строевымъ (Соф. Вр. I. 25). Само по себѣ впрочемъ это мѣсто тоже непонятно: оно понятно только какъ дополненіе предъидущаго. Если же глядѣть на него, какъ на такое дополненіе, то слово *злодѣи* всего легче объясняется, какѣ переводъ Греческаго κακοῦργος, съ которымъ въ юридическомъ языкѣ Византійцевъ соединялось постоянно одно понятіе, то же что съ Латинскимъ stellionator (Duc. I. 545. срав. еще κακότροπος, περίεργος, ἐπιθέτης), понятіе о беззаконномъ утайщикѣ чужой собственности (Digest. XLII, 20). Злодѣй—это тотъ Русскій купецъ или путешественникъ, ко-

торый возметъ на себя трудъ передать имѣніе завѣщателя, умершаго въ Греціи наслѣднику его въ Русь, и не передастъ. «Аще злодѣй не възвратиться въ Русь» т. е. если кто изъ взявшихъ на себя трудъ передать наслѣднику въ Руси завѣщанное имѣніе утаитъ его, и не возвратится съ нимъ въ Русь, то Русскіе, узнавши объ этомъ должны жаловаться,—и тогда его схватятъ и отошлютъ въ Русь противъ воли. Переводчикъ Олегова Договора, подумавши болѣе, не усумнился бы вмѣсто *злодѣй* поставить *тать*, какъ терминъ юридическій, если только со словамъ *злодѣй* не соединялось уже тогда тоже понятіе о ворѣ, какъ было позже и остается (у Поляковъ, Сербовъ Лужицкихъ и пр.) и до сихъ поръ.

— Идея наказанія выражена чаще всего словами *казнь, казнити, показнити*, равносильными въ древнемъ своемъ значеніи съ словами *кара, карать, покарать*, и распространенными въ этомъ значеніи съ придачей разныхъ оттѣнковъ у всѣхъ Славянъ. Разъ встрѣтилось въ такомъ же общемъ значеніи слово Греческое *епитимья* (ἐπιτίμιον=ἐπιτιμία): «да повиньни бȣдȣть то сътворьшии преждереченою епитимьꙗ̀ (=опитимьꙗ̀)». Слово *повиньнъ* должно быть переводомъ Греческаго ἔνοχος, какъ и въ древнемъ переводѣ Евангелія: «посѫдиша и быти повиньна съмрьти — ἔνοχον θανάτȣ (Мар. XIV, 64. слич. 67). Возмездіе выражено словомъ *месть* («да приимуть мьсть отъ Бога»), и производными отъ искъ: *възыщеться, изыщеться*. Вѣра въ возмездіе Божіе за злыя дѣла выразилась въ нѣсколькихъ клятвахъ: какъ кара Божія въ нихъ выставлены — «погыбель въ вьсь вѣкъ въ бȣдȣщии (= въ сии вѣкъ и въ бȣдȣщии)», отчужденіе отъ помощи Божіей, смерть отъ стрѣлъ такая какъ для золота, пораженіе собственнымъ оружіемъ, рабство «въ вьсь вѣкъ въ будущии

(=въ сии вѣкъ и въ бȣдȣщии)». Наказанія человѣческія были: смерть — за смерть и за сопротивленіе власти — не только общественной, но и частнаго лица, какъ напр. при воровствѣ; денежное наказаніе съ продажей имѣнія въ случаѣ его недостатка — за побои, за грабежь и воровство. Сходство Договоровъ съ Русской Правдой въ этомъ отношеніи очевидно. Вспомянуть въ Договорѣ Игоря между прочимъ и древній юридическій терминъ *продати*: «аще ли ѥсть неимовитъ, да како можетъ въ только же проданъ будетъ, ꙗко да и порты, въ нихъ же ходитъ, да и то съ него сънꙗти»; то же постановленіе переведено въ Договорѣ Олега безъ помощи этого термина: «аще ли будетъ неимовитъ... да въдасть ѥлико можетъ, (и) да сонметъ съ себе и ты самыꙗ порты, въ нихъ же ходитъ». Въ Русской Правдѣ *продажею* названо въ этомъ самомъ постановленіи, такъ же какъ и въ другихъ, даже опредѣленная плата за преступленіе: «12 гривнѣ продаже за обиду». Въ другихъ мѣстахъ Русской Правды для означенія того же понятія употреблено слово общее *платити* и *выкупати*. На память объ этомъ способѣ возмездія и до сихъ поръ въ нашемъ языкѣ, какъ общія выраженія идеи возмездія, остаются *отплата*, *отплачивать* и т. п. Въ такомъ же смыслѣ употреблялось издревле въ Германскихъ языкахъ слово gelten (Готѳ. gildan — отдавать, Др. Сѣв. gilda — платить, Англ.-Сакс. gildan — отплачивать и т. д.), откуда gelt (Готѳ. и Англо-Сакс. gild) плата податная, цѣна вообще и наконецъ (Др. Сѣв. giald, нов. Нѣм. geld) — деньги; Др. В. Нѣм. fargeltida уравнивается совершенно съ нашею древней продажей. Изъ этого одного не для чего заключать, что продажа есть переводъ какого нибудь Скандинавскаго forgiald, какъ не для чего заключать, что оно — подражаніе Греческаго ἀπόδοσις — воздаяніе,

отплата, продажа (отъ *ἀπό* и *δίδωμι*—даю), или Латинскаго praemium—воздаяніе, отплата (отъ pro и emo—покупаю), а тѣмъ менѣе Латинскаго venditio (продажа), которое уже позже получило характеръ нашей древней продажи *).

— Основаніе судопроизводства жалоба; ею начинается *тяжа*. Въ этомъ смыслѣ *тяжа* употреблена въ постановленіи о бѣжавшемъ убійцѣ: «убѣжавъ да дрьжитьсѧ тѧжи доньдеже обрѧщеться», точно такъ же какъ и въ Русской Правдѣ: «искавъше ли послуха и не налѣзуть... то ти имъ правда желѣзо; тако же и во всѣхъ тяжахъ и въ татьбѣ, и въ поклепѣ». Иногда не бываетъ возможности достигнуть полнаго удовлетворенія по иску, и тогда—сказано въ Договорѣ Олега—«да пребываѥть *тяжа* невъзысканꙗ о семь». Въ такомъ смыслѣ находимъ это слово и въ древнемъ переводѣ Апостольскихъ чтеній: «се убо отъинудь срамъ вамъ ѥсть, ѩко тѧжѧ имате съ собою» (ὅτι κρίματα ἔχετε μεθ᾽ ἑαυτῶν. 1 Кор. VI, 7). Въ древнемъ Чешскомъ языкѣ есть это слово taha —cetauca (искъ, позывъ на судъ. Mat. Verb.), těženie—negotium (тяжба. Veles. Lex.); въ Польскомъ и до сихъ поръ удержалась пословица: kto ma ciążą tego nie wiążą—у кого тяжба, того не вяжутъ. Нечего доказывать, что первоначально *тяжа* значило только позывъ въ судъ, а потомъ уже и са-

*) Venditio означало *продажу* въ томъ смыслѣ, въ какомъ напр. въ Рус. Правдѣ: «аже прьстъ утьнеть кыи любо, то 3 гривны продаже, а самому гривна кунъ», или въ Уставѣ Святослава 1137 г.—имати пискупомъ десятину отъ даний и отъ виръ и продажь», и т. д. Jungimus preterea omnibus supradictis collectas generales *venditiones:* ssvod, glave, narok, nedoperne, grrdost... (Жалов. Грам. Спитигнѣва II. Литомер. собору 1050-хъ годовъ. Die ältest. Denkmäler der Böhm. Spr. 199. Čas. Čes. Mus. X. 1836. 329). Concedimus et donamus episcopatui et ecclesie... omnem exactionem, siue inquietationem, venditionem na rok, zwod, hlawam, wrez...» (Бочекъ, Cod. Morav. II. 124).

мое дѣло, какъ слѣдствіе позыва. Переводчикъ Олегова Договора имѣлъ ли передъ собою слово χρίμα, или φιλονεικία, или другое подобное, все равно: онъ перевелъ его народнымъ юридическимъ терминомъ, на столько же Русскимъ какъ и общимъ Славянскимъ. — Судебными доказательствами были: а) *показанія* свидѣтелей или улики — *явленија* и б) присяга — *рота*, «да кльнѫться по вѣрѣ своки». О показаніяхъ свидѣтелей есть любопытное мѣсто во второмъ Договорѣ Олега: «клико ꙗвѣ будеть показании ꙗвлеными, да имѣють вѣрьнок о тацѣхъ ꙗвлении», любопытное—думаю—въ томъ смыслѣ, что оно рисуетъ, до какой степени переводчикъ мало заботился о народности языка. Подставляя подъ ꙗвѣ—δῆλως, подъ показаньк—δεῖξις, подъ ꙗвленыи—δηλάτωρ, т. е. delator, accusator (показавшееся впрочемъ переводчику производнымъ отъ δῆλος — явный или отъ δηλέω — являть), подъ имѣю вѣрьнок—πιστεύω, подъ ꙗвленьк—δηλατόρευσις (производное отъ delator,—delatio, accusatio), я перевожу это мѣсто такъ: какія бы ни были показанія обвинителей, надобно вѣрить ихъ обвиненіямъ. Далѣе въ Договорѣ стоитъ: «а кму же начьнуть неꙗти вѣры, да кльнеться часть та, иже ищеть, неꙗтью вѣры, да кгда кльнеться по вѣрѣ своки, будеть казнь, ꙗкоже ꙗвиться съгрѣшеник о семь», т. е. если же обвиненію не дано будетъ вѣры, то пусть истецъ (часть иже ищеть: μέρη—часть въ смыслѣ одной изъ двухъ тяжущихся сторонъ, partes: actor и reus) присягаетъ въ томъ, чему не вѣрятъ, и если клянется повѣрѣ своей, то воспослѣдуетъ наказаніе, когда окажется преступленіе. — *Рота* и *клятва* одинаково древни, и употреблены во всѣхъ древнихъ памятникахъ нашихъ. Въ одномъ изъ древнихъ списковъ книгъ Ветхаго Завѣта, въ переводѣ Неемія (X, 29 по свидѣтельству проф:

Миклошича) слова *ἀρὰ καὶ ὅρκος* переданы словами *клятва* и *рота* (т. е. ἐν ἀρᾷ καὶ ἐν ὅρκῳ—въ клатвѣ и въ ротѣ?): позже стали тутъ *клятва и проклятіе* (См. на пр. Острож. Библ.). Въ древнемъ переводѣ Евангельскихъ и Апостольскихъ Чтеній въ значеніи и ἀρά и ὅρκος находимъ только *клятву* (на пр. Мар. VI, 26. Дѣ. II, 30. Рим. III, 14); впрочемъ выраженіе ἀναθεματίζειν (= καταναθεματίζειν) καὶ ὀμνύειν (Мар. XIV, 71. Мат. XXVI, 74) переведено посредствомъ *ротитисѧ и клѧти(сѧ)*. Замѣтимъ при этомъ что ὀμνύω (= ὄμνυμι) переведено тамъ постоянно *кльнѫсѧ* (Мар. VI, 23. XVI, 71. Матѳ. XXVI, 74. Іак. V, 12. Евр. VI, 13, 16. VIII, 21. Дѣян. II, 30. и пр.); слѣдовательно *ротитися* значило ἀναθεματίζειν, *καταναθεματίζειν*, а *рота* ἀνάθεμα и *κατανάθεμα*. Можно предполагать, что со словомъ *рота* соединялась первоначально мысль о (данномъ) словѣ, обѣтѣ (объ-вѣтѣ) и т. п. и сравнивать съ Готѳ. raþjo, Др. Сѣв. raeda; но такое сравненіе во все не поводъ произведенія одного слова отъ другаго; словъ того же корня много въ языкахъ одного происхожденія съ съ Германскимъ и Славянскимъ (напр. Латин. ratio, Лит. rota и rodas и пр.). Какое бы ни было первоначальное значеніе слова *рота*, оно въ смыслѣ присяги, клятвеннаго увѣренія, какъ терминъ юридическій, принадлежитъ всѣмъ Славянамъ издревле: отъ него произошло слова *поротьць* и *поротникъ*, которыя у южныхъ Славянъ значили то же что juri (с. м. Винодол. законъ, законникъ Стеф. Душана, Кръкскій уставъ и пр.). Слово *ротьникъ* въ подобномъ смыслѣ (присяжнаго союзника) употреблялось и у насъ (см. на пр. Ипат. Лѣт. 31, 36, 89); Славяне сѣверо-западные также издревле употребляли слово *рота* въ смыслѣ присяги (см. въ словаряхъ Лин-

де и Юнгмана), такъ что даже и выраженіе *ротитися и клясти* было у нихъ обычно; напр. въ Пассіяхъ (XIV в.): Petr sě poče kleti i rotiti, ne chtě tu swého žiwota stratiti (Starob. Sklad. III. 46).—Слово *клятва* столько же древне и обычно у всѣхъ Славянъ изстари, и остается въ общемъ употребленіи до сихъ поръ, вмѣстѣ съ *кльнж*, (за-*клинаж*, про-*клинаж*): въ древнемъ Прусскомъ было такъ же klantisna—клятва, отъ klant — клясть (Nesselm. Die Spr. d. alt. Preuss. 108). Не останавливаясь на этомъ словѣ, замѣчу еще третье названіе присяги, употребленное не разъ въ значеніи довольно опредѣленномъ, хотя и незамѣтно: это *извѣщеніе*; напр. въ Договорѣ Олега: «на удрьжаниѥ (утврьжениѥ) и извѣщениѥ (любви = мира)». Ясно, что это дословный переводъ Греческаго ἐξαγγελία—confessio sacramentalis (Duc. I. 389. II. 69). Въ Сказаніи о взятіи Цареграда Латынами, когда «погыбе царство богохранимаго Костянтинаграда и земля Грьчьская въ свадѣ царствъ, ею же обладають Фрязи», не разъ также употреблено это слово въ такомъ же значеніи, напр. «Олекса не печашеся, вѣря брату Исакови и сынови его, за не пріяста извѣщениѥ», а Мюрчуфла (Алексѣй Дука) баше высадилъ изъ темницѣ Исаковиць и пріялъ извѣщениѥ, яко не искати подъ Исаковицемь царства» (Новг. Лѣт. I. 26, 27). Понятны послѣ этого выраженія — «извѣстити любовь» и «извѣщакмаꙗ любы. — Самая важная присяга была на оружіи. Въ Договорѣ Игоря есть эта присяга въ формѣ заклятія; «да не имѹть помощи отъ Бога ни отъ Перуна, да не ущитаться щиты своими и да посѣчени бѹдѹть мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного орѹжиꙗ своѥго, да бѹдѹть раби въ вьсь (въ сии) вѣкъ (и) въ бѹдѹщии». Въ заключеніи того же Договора присяга описана какъ обрядъ: «Некрещенаꙗ Русь пола-

гаютъ щиты своѩ нагы, обрѹчи свои и прочаѩ орѹжиѩ, да кльнѹтьсѧ». Наконецъ слѣдуетъ самая присяга: «Аще ли же кто отъ князь или отъ людии Руськыхъ, ли хрестьѩнъ или нехрестьѩнъ, престѹпить се, еже есть писано на харатьи сеи, бѹдеть достоинъ своимъ орѹжьемь умрети, и да будеть клѧтъ отъ Бога и отъ Перуна, ѩко престѹпи клѧтвѹ свою». Въ Договорѣ Святослава та же присяга выражена такъ: «Да имѣемъ клѧтвѹ отъ Бога, въ его жо вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса скотьѩ бога, и да бѹдемъ колоти ѩко золото, и своимь орѹжьемь исѣчени бѹдемъ». Клятва на оружіи была и у Болгаръ, какъ это показываютъ Responsa ad consulta Bulgarorum папы Николая I: Perhibetis vos consuetudinem habuisse quotiescumque aliquem jurejurando pro qualibet re disponebatis obligare, *spatham in medium afferre et per eam juramentum agebatur* (cap. 67. Act. Conc. V. 375.). На память о клятвѣ оружіемъ остаются у Болгаръ и у Сербовъ многія заклинанія, въ родѣ слѣдующихъ: «да Бог да ми рука с пушком (съ ружьемъ) усахла, да ћемо се поклат као Лужани, тако ме пушка не убила да не речем ни јаох, тако ми стриjела не удрила, тако ми ова пушка сръдце не понијела, тако ме Турска сабља не поразила». У Чеховъ и Словаковъ есть тоже подобныя заклинанія: «at' sobè sam utne ruku, bodejž to ma na k'rku (на шеѣ), co ma w ruce, pro pet ran do hlawy.... Sekerou hazeti — бросать сѣкиру — значитъ у нихъ клясться. Что и у насъ освящаемо было оружіе, это свидѣтельствуетъ Псковская лѣтопись: «Слышавъ же то Домонтъ, ополчающася люди безъ ума во множествѣ силы, безъ Бога, и вниде въ церковь святыа Троица, и положи мечь свои предъ олтаремъ Господнимъ, падъ моляся много съ плачемъ, тако глаголя: Господи Боже

силъ! мы, людіе твои и овца пажити твоея, имя твое призываемъ; призри на кроткія и смиренныя возвыси, и гордыхъ высокія мысли низложи, да не опустѣетъ пажить овецъ твоихъ. И vземъ же игуменъ Сидоръ мечь и весь іерейскій чинъ, препоясавше мечемъ, и благословиша и отпустиша» (I. Пск. Лѣт. 1265. стр. 182)». Клятва щитомъ и мечемъ была обычна и у всѣхъ Германцевъ (См. у Гримма, D. Alterth. 896. 899). По сказанію Эингарда въ 811 году pax in armis tantum jurata servatur (Einh. у Перца 198). Какъ клялись мечемъ, такъ и обручами. Объ этой клятвѣ есть упоминаніе и въ Гавамалѣ: «клятвой на обручѣ и Одинъ, говорятъ, клялся» (Bavgeiđ Ođenn hygg ek at unnit hafi. строф. CXI). Это называлось vinna eiđ at baugi — per annulum sacrum jurare. Jusjurandum in armilla sacra было и въ древней Англіи (Aethelredus, His. Angl. IV, cap. 3. Duc. I. 401).—Позволю себѣ еще сказать нѣсколько словъ, о клятвенномъ выраженіи: «да бꙋдемъ колоти ꙗко золото». Оно повторено въ Лѣтописи: въ 945 году при утвержденіи Договора, «призва Игорь сълы и приде на холмъ кдѣ стоꙗше Перунъ; покладоша орꙋжьк своκ и щиты и *золото*, и ходи Игорь ротѣ и люди кго, клико поганыхъ Руси». Эта клятва золотомъ напоминаетъ сказаніе Волуспы (строф. XIX—XX): «Первое между народами убійство въ мірѣ вспоминаю— говоритъ Вола—когда Гульвейгу, т. е. золото, *копьями* (geiron) прокололи (studdo), и въ дворцѣ Вышняго сожгли (brendo); три раза возродившаяся вновь она живетъ. Ее звали свѣтлая (heidur). Куда въ домъ она заходила, вездѣ пророчила благія вѣсти, покоряла и волхвовъ. Она знала вѣщьбу, всегда была радостью злаго народа. Азы сѣли думать, какъ бы наказать ее за эти преступленія, и Одинъ бросилъ стрѣлы на пародъ: то была первая битва въ

мірѣ». «Да будемъ колоти тако золото» не есть ли переводъ Скандинавскаго: «да будемъ заколоты какъ была заколота Гульвейгъ, да будемъ наказаны какъ она за свое отступленіе отъ правоты»? Едва ли это не вѣроятнѣе, чѣмъ сравненіе этой клятвы золотомъ съ juramentum in pecunia, съ обычаемъ Фризовъ in vestimento vel pecunia jurare (Leg. Fris. tit. 12). Если предложенное сравненіе золота Русской присяги съ Гульвейгъ Скандинавовъ не ошибка, то оно можетъ быть указаніемъ на Скандинавскій элементъ въ миѳическихъ преданіяхъ Русскихъ того времени. — Въ Договорахъ повторяется еще клятва рабствомъ: «да бꙋдемъ раби въ вьсь вѣкъ въ бꙋдꙋщии». Это напоминаетъ Сербскую поговорку: «тако ме Турци не продавали сваки дан на пазару. Заклинанье вѣчной гибелью, осужденіе себя «на погыбель въ вьсь вѣкъ въ бꙋдꙋщии» остается также въ силѣ у всѣхъ Славянъ до сихъ поръ: «чтобъ ты пропалъ, пропади ты, сгинь ты пропади, исчезни» и т. п., «не стало те нити душе твоје, изгинуо као невјерац (Серб.); и пр. Сюда принадлежатъ: Богъ меня убей, бій тя сила Божа, да ме Бог убије, правого Боже, niech mię Pan Bog zabije, zoby mje Boh zabił, и пр. Нельзя пропустить и клятвы богами: отдѣльное припоминаніе въ этой клятвѣ Бога, Перуна и Волоса, очень сходно съ клятвой Германцевъ именно — во Всемогущаго Бога — almatki âs, въ Тора и Одина — per deos meos potentes Thor et Othan (Гриммъ. Alterth. 50, 894—5). Не для чего здѣсь распространяться, что у язычниковъ сѣвера одинаково у всѣхъ чтимы были боги свѣта и огня небеснаго — у однихъ Перунъ и Волосъ, у другихъ Торъ и Одинъ, и т. д. Перуномъ клянутся и до сихъ поръ Словаки; а солнцемъ Сербы и Хорутане.

— Кстати было бы остановиться здѣсь на вопросѣ, ка-

кіе были у Русскихъ X вѣка чиновники, которымъ было поручено производство дѣлъ; но объ этомъ въ Договорахъ нѣтъ почти ничего. Можно сказать только, что былъ судъ — слѣдовательно были и судьи, и что въ числѣ посланныхъ Игоремъ для заключенія мира былъ *биричь*(?); но что̀ это были за судьи, и какая обязанность лежала на биричѣ, этого нисколько не видно. Вмѣстѣ съ послами и гостями, которыхъ угощали во дворцѣ при княгинѣ Ольги, были и два переводчика (δύο ἑρμινευταὶ) посольскихъ (?) и одинъ переводчикъ Ольги: тѣ два получили подарки наравнѣ съ послами, а этотъ еще болѣе. Не были ли и это биричи? Опуская древнѣйшія упоминанія о биричахъ (Лавр. л. подъ 992 г. Дух Мон. Ипат. л. подъ 1148, Новг. I л. подъ 1218), замѣчу, что въ Договорѣ Смоленска съ Ригой биричь уравненъ съ *дѣтскимъ*, а въ Договорѣ Новгорода съ Любекомъ biriz названъ custos. Въ древнемъ Чешскомъ было biruc а позже biřic въ смыслѣ praeco, Анг. Сакс. fricca; а praeco въ средніе вѣка было титуломъ и судьи, мера, и адвоката, и посланца отъ суда (Duc. 409 — 411), почти то же что и въ Мадьярскомъ bira (ср. Валаш. birov) и въ Кельтскомъ barn. Трудно предполагать, чтобы въ началѣ X вѣка была на Руси развита нужда въ разнообразныхъ помощникахъ власти; а потому подъ однимъ и тѣмъ же наименованіемъ для одного и того же лица̀ могли соединяться разныя обязанности....

—

Прерывая на этомъ свои замѣчанія, окончу чтеніе тѣмъ, что вообще относительно языка Договоровъ съ Греками, мнѣ кажется, справедливыми можно считать слѣдующіе выводы:

1. Языкъ Договоровъ вообще не есть чисто Русскій, а смѣшанный изъ Русскаго, Старославянскаго и Греческаго.

2. Русскій элементъ языка Договоровъ не есть исключительно Славянскій; впрочемъ многое, что можетъ казаться Скандинавскимъ, было въ такой же мѣрѣ и Славянскимъ. *)

3. Термины Договоровъ можно считать Русскими, а не переводными съ Греческаго, только тѣ, которые повторяются или въ другихъ Русскихъ памятникахъ, или обозначаются, по сравненію нарѣчій, какъ общіе Славянскіе.

---

*) Безъ сомнѣнія однако, не имена собственныя. Многія изъ нихъ до сихъ поръ остаются загадкою; но во всякомъ случаѣ, при всѣхъ возможныхъ ограниченіяхъ, большая часть ихъ можетъ быть объяснена только съ помощію Скандинавскихъ. Ожидая съ нетерпѣніемъ третьяго выпуска сочиненія Академика А. А. Куника «Die Rodsen», гдѣ—въ главѣ XIII—обѣщано имъ окончаніе разбора этихъ именъ, начатаго во второмъ выпускѣ, можемъ вспомнить еще объ опытѣ объясненія нѣкоторыхъ, предложенномъ И. Д. Бѣляевымъ въ нашихъ Извѣстіяхъ, и о трудѣ, приготовляемомъ г. Ленстремомъ. Въ числѣ тѣхъ именъ, которые объясняются не по-Скандинавски, можетъ занять мѣсто и *Истръ*, какъ Греческій переводъ Слова *Дунай*: Дунай, какъ имя собственное человѣка, (подобно Днѣпру, Дону и т. п.), было въ употребленіи у Славянъ, (см. напр. Čas. Čas. Mus. VI. 62, Добровскаго, Gesch. d. Böhm. Spr. 97), между прочимъ и у Русскихъ (Ипат. Л. стр. 210).

IV.

НОВЫЯ СПИСКИ

ПОУЧЕНІЙ КИРИЛЛА ТУРОВСКАГО.

Къ тому, что высказано о жизни и духѣ поученій Кирилла Туровскаго Академикомъ С. П. Шевыревымъ и Преосвященнымъ Филаретомъ, нынѣ епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ *), послѣдующіе изыскатели прибавятъ, вѣроятно, очень не многое, если не откроются новыя данныя, сверхъ тѣхъ, которыя собраны Калайдовичемъ въ его Памятникахъ XII вѣка (М. 1821.), и помѣщены въ Прологѣ. Тѣмъ не менѣе изыскателямъ предстоитъ еще много работъ, — и прежде другихъ — возстановленіе подлинныхъ чтеній поученій при помощи списковъ, которыми Калайдовичъ не пользовался. Не-

*) Исторія Рус. Словесности преимущ. древней. М. 1846. II. 222—244. Исторія Рус. церкви. Періодъ I. нов. изд. Харьк. 1849. 68—73.

обходимость исправленій и дополненій текста, какъ онъ напечатанъ Калайдовичемъ, указана была уже Академикомъ А. Х. Востоковымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ его Описанія рукописей Румянцовскаго музея. Та же мысль руководила и другаго сочлена нашего, М. П. Погодина, въ его желаніи издать одно изъ поученій Кирилла Туровскаго по списку XV в., имъ открытому. Это — «Слово душеполезно о хромци и спѣпци», напечатанное въ Памятникахъ XII вѣка (стр. 132 и слѣд.) по списку въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣрному и неполному. Исполняя это желаніе, считаемъ нелишнимъ вмѣстѣ съ помянутымъ словомъ напечатать и другое—«о мудрости», по списку XVI вѣка, по которому также нѣкоторыя мѣста читаются лучше, чѣмъ въ Памятникахъ XII в. (стр. 89 и слѣд.), не смотря на давность списка, съ котораго онъ тамъ напечатанъ. Замѣтимъ при этомъ, что провѣрены должны быть по другимъ спискамъ не только тѣ изъ поученій, приписываемыхъ Кириллу Туровскому, которыя уцѣлѣли въ спискахъ позднихъ (каковы у Калайдовича № I, II, XII, XIV и XV); но и тѣ, которыя найдены въ спискахъ XIII вѣка — въ Кормчей 1282 года (у Калайдовича № XIII) и въ Сборникѣ Толстовскомъ (Отд. I. № 8. у Калайдовича № III — XI). Тутъ такъ же какъ и въ другихъ случаяхъ оправдывается необходимость остерегаться отъ исключительнаго предпочтенія списковъ древнихъ передъ недревними и сличать ихъ одни съ другими, повѣряя взаимно.

Сохраняя и самое правописаніе списковъ, считаемъ не безполезнымъ для смысла прибавлять, гдѣ необходимо свои знаки препинанія, и кромѣ этого непонятныя прибавки ставить въ скобкахъ, а свои дополненія словъ въ скобкахъ же курсивомъ.

I.

Слово о мудрости.

Хощеши, брате, премудрымъ быти, мудрости ся доискати. Кое мудрости ищеши? Господь же заповѣда. яко унѣ искати кротости, нежели мудрости. кротость бо есть мати мудрости, и разуму, и всяку помыслу благу, и всѣмъ добрымъ дѣломъ. Да аще обрящеши матерь, тогъда мати дѣтии къ собѣ привабить, и тобѣ будуть въ братiю. съ тою же братiею обрящеши собѣ отьца, тъи же ся отецъ родилъ отъ своего Отьца преже вѣкъ. и пакы пришедъ въ послѣдьняя лѣтъ, възроди ны святымъ крщенииемь, и вѣрою сыны собѣ сътвори и облече ны въ красныя и чистыя одежа. Да будемъ разгнѣвали отца, искалявше одежа крстьныя, кую мудрость обрящемъ? Речеши ли ми: кая и како искаляхомъ? и азъ ти отъвѣщаю. Отъгнахомъ отъ себе матерь, а мачиху нрияхомъ, ей же имя величание; дѣти же ея: гордость, непокоренье, прекословье, презорьство, хула, клевета, зломыслье, гнѣвъ, вражьда, запоиство, игры неприязнины и всякая злоба. Да аще хощеши матери ся лишити, а мачеху и ея дѣти любити; то съ тѣми обрящеши собѣ гордаго дьявола, вязащаго въ тьмѣ кромѣшнѣи и въ огни негасимѣемъ, идѣ же и ты будеши привязанъ съ нимъ. Аще не отженеши мачехи и дѣти ея, будеть послѣдьняя горьша првыхъ. Речеши ли ми: како могу прияти матерь. отьца разгнѣвивъ а порьты хрстьяныя искалявъ? и азъ тя научу, брате. Порьты искаляныя измыи, и тогда тя приииметь отць, и начьнеть тя любити паче првые любве. Порьты же суть крщение, вѣра, а калъ—клевета, хула, осуженье, гнѣвъ, прекословiе, сваръ, зависть, вражьда, злупоминанье, непокорение, злосрдие, лсть, ложь, крамола, суесловье, насмисанье, скомрашьство и вся игры бѣсовьскыя, таче запо-

иство, рѣзоиманье, грабежь, разбои, татьба, душегубьство, потвори, влъхвованье, чародѣянья, прелюбыдѣянья, и всяка злоба, всего же того горьши гордость, иже и есть всему тому мати. Речеши ли: аще приму матерь, реченую кротость, чимъ могу искакаляныя порьты омыти? и азъ тя научу. Омыеши я страхомъ Божiимъ, вѣрою чистою, и смѣреньемъ, покаяньемъ, и молитвою, слезами, и постомъ, поклономъ, и милостынею, и любовию къ всѣмъ, миромъ въздржаньемъ, и трпѣньемъ, и послушаньемъ доброго ученья, покореньемъ, бдѣньемъ, трьзьствомъ, и всѣми добрыми дѣлы. Паче же всего того есть кротость добрая, иже есть всему добру мати. Да аще будеши послушливъ, и умякъчиши землю срдечьную, приимеши малое сѣмя, и расплодиши въ собѣ много спаснаго жита. яко не мочи будетъ въ душевнѣмъ дому всего того положити, нъ инѣмъ будеши раздавая требующимъ того же. снесть првое притчамъ разрѣшение книжнымъ, потомъ неразумливымъ словомъ разрѣшение, и всему Писанью тлкование, таже, аще ли хощеши, недовѣдомомъ числомъ съчьтания, таже обилья душевьнѣи крили и тѣлеснаго здравия, таже будущаго вѣка. Се ти есть спасное жито. его же, рече очи не видѣста, ни уши слышаста, на срдце чловку невъзиде, еже уготова Богъ любящимъ его.

II.

Слово Дшеполезно. о хромци и о слѣпци. Гн вліки и.

Добро убо намъ брае и зело полезно. еже разумѣти бжтвеных писанii учение. се и дшу цѣломрену створяе. и къ смиренiю прилагаеть умъ, и срце на(речеть) добродѣтели изъостряе. и всего блгодарьствѣне створяеть чловѣка. и на нбса ко вѣчны обѣщанiемь мысль приводить. и къ дховны трудомъ тѣло укрѣпляеть, и преобѣденiе сего настоящаго житiа славы

и богатьства творить. и всея житейскыя свѣта сего печали ѿводить. Того ради и молю вы: потщитеся прилѣжно. почитати ст҃ыѧ книгы, да сѧ бж҃іи насытивше словесъ. и̓ будущи неизрѣнны блг҃ъ желаніе стажете. Ѡ̓на бо а̓ще невидима но вѣчна ус̃ и̓ конца неи̓муща. тверда же и̓ недвижима. Да не просто протецемъ ѧ̓зыкомъ пишемых гл҃ще. но с расмотреніемь внемлюще. потщимся дѣломъ ствараті а; сладко бо медвеныи со̃ и̓ добро сахаръ. ѡ̓боего же сего добрѣе книжны" разоумъ. сіа бо су̃ съкровище вѣчныа жизни. Аще бо кто ѡ̓брѣлъ бы земное съкровище. тъ не бы на все дерьзнулъ. нъ е̓динъ точїю бж҃ественый бисеръ чт҃ный вѕа, оу̓же бес печали питается. яко до конца имы богатьство. Та́ко ѡ̓брѣты и̓ бж҃твены книгъ сокровище пр҃рческы же и̓ ап҃льскы и̓ самого спс҃а Х҃а спс҃ныхъ словесъ. и̓стинный разумъ с рассуженїе. оу̓же не себе единому бы на спс҃нїе, по и̓нѣмъ многымъ послушающимъ. Сему случается е̓ѵ҃альскаа притча гл҃ющи. всякъ книжикъ научився царствію небесному подобенъ есть мужю домовиту, иже износитъ отъ сокровищь своихъ вѣтхаа и новаа. Аще ли тщеславьемъ сказаеть, большимъ угожая а многыя меншая презритъ буестью, крыя Гн҃ю мнасу, не дадый жизньнымъ торженикомъ, да удвоють царское сребро, еже суть человѣческыя душа; и видѣвъ Гд҃ь гордый его умъ, возметъ отъ него свой талантъ, самъ бо презоривымъ противится, смирены(мъ) же даетъ благодать. Аще бо міра сего властели и въ житеискыхъ вещѣхъ тружающися человѣци прилежно требують книжьнаго почитанія; кольма паче подобаеть намъ учитися въ нихъ и всѣмъ сердцемъ взыскати свѣдѣній словесъ Божіихъ о спасеніи душь нашихъ писаныхъ. Нъ тружается мой мутный умъ, худъ разумъ имѣя, и не могій порядныхъ словесъ по чину глаголати, нъ акы слѣпъ стрѣлець смѣху бываеть не могый намѣренаго улучити

ненаказанный языкъ. Но отъ божественныхъ вземлюще Писаній, съ многою боязнію Еѵангельскыхъ касаемся бесѣдовати словесъ, преводнѣ глаголю, притчю сказающе, еже Матѳей церкви предасть.

Рече Гдь: Чл҃къ некто домовитъ бѣяше, иже насади виноградъ, и остѣни его оплотомъ, и ископа точило, и остави входъ, и сътвори врата, но не затвори входа; и отходяй въ свой домъ: Кого—рече—поставлю стража моему винограду? аще оставлю и служащихъ ми рабъ, то свѣдуще мою кротость истеряютъ благая моя. Но сице сътворю: приставлю у вратъ хромца и с нимъ слепца, да еще кто отъ врагъ моихъ въсхощеть окрасти виноградъ мой, то хромецъ убо видитъ, слепецъ же чюетъ. Аще ли отъ сею который хощетъ въ виноградъ мой внити, хромецъ убо не иматъ ногу дойти; слепецъ же аще пойдетъ, тъ заблудивъ, во пропасти убиется. И посадивъ ею у вратъ, дасть има власть на всѣхъ внѣшнихъ, пищю же и одѣаніе нетрудно съготоваеть. Точію—рече—внутреннихъ без моего повелѣнія не коснѣтася. И тако о̃иде, повѣдѣвъ имъ по времени свой приходъ, и тогда мьзду стражбы ради обѣща има взяти; попрети же има и мученіемъ, аще преступита его заповѣдь. Си же до здѣ оставльше, пакы въспріемлемъ Еѵангельское слово, плодъ устенъ на умнѣй трапѣзе вашего ока предълагающе. *Сказъ.*

Чл҃къ есть домовитъ Богъ всевидецъ и вседержитель, створивый вся словомъ видима же и невидима. Домовитъ же ся именуетъ, яко не единъ домъ иматъ, по Писанію: глаголеть бо пророкъ: Твоя суть небеса и твоя есть земля, и конца ея ты основа; и пакы: Небо престолъ мнѣ, а земля подножіе ногу моею....Разумѣй везде домы Божіа не токмо въ твари, но и в человѣцехъ: Вселю бо ся—рече—в ня; яко же и бысть: сниде бо и вселися во плоть человѣчю, и вознесе ю отъ земля на небеса....

Еже насади виноградъ, рай глаголетъ; того бо есть сътвореніе, пишетъ бо ся: И насади Богъ рай въ едемѣ, а иже остѣненіе его, рече, оплотомъ своимъ — страхомъ; страхомъ бо его — рече пророкъ — движется земля, рассѣдается каменіе, животныя трепещуть, горы курятся, море и с сущеми с нимъ повинуется, свѣтила роболѣпно служатъ, облацы и вся въздушная тварь повелѣніа его свершаютъ. Стѣнѣ бо законъ речеся. Закон же всему заповѣдь Божіа его.... Остави же вхо. сіи рече — свидѣніа разумъ; вся бо тварь не преступаетъ Божіа повелѣніа. вся бо — рече — ѡ тебѣ чаютъ. да даси имъ пищу въ время. Пища же не брашно едино рѣчется, но слово Божіе. имъ же питается тварь. Гл҃тъ бо Мѡѷсій· не ѡ хлѣбѣ единомъ живъ будетъ ч҃лкъ. но ѡ всякомъ гл҃ѣ, исходящимъ изъ оустъ Божіихъ. Незатвореная же врата. дивныя твари Б҃жіе устроеніе. и на тѣми Б҃жіа существа познаніе: ѿ твари бо — рече — творца разумѣни, не качество но величество и силу. славу же и бл҃гть. юже творитъ собою. убажаан всѣмъ. вышнимъ и нижнимъ, видимымъ и невидимымъ .·. Аще бо нарицаетъ его ч҃лка, не ѡбразомъ но притчею. ни единого бо подобіа имѣетъ ч҃лкъ Б҃жіа. не сумнитъ бо ся Писаніе агг҃ли ч҃лкы нарицати. но словомъ а не подобіемъ. Аще бѡ етери блажнятся. слышаща Мѡѷсѣя гл҃ща: сътворимъ ч҃лка по ѡбразу нашему и по подѡбію, и привлагаютъ. к беспльтному тѣлу не имуще стройна разума. есть си ересь и до нн҃ѣ. ч҃лкоѡбразно гл҃щимъ Б҃га. иже никакоже ѡписается. ни мѣры качеству имать. Но си ѡставль, ѡ первымъ възъгл҃ю. И ѿходя въ свой домъ, кого — рече — ѡставлю стрещи моего труда. Сіа въпрашаніа Ѿ҃ца и С҃на и С҃го Д҃ха. не о твари, но о владѣющимъ тварію. сирѣчь ѡ ч҃лцѣ, ему же въсхотѣ предати землю. и всяко дыханіе поработити; не агг҃ломъ бѡ покорь вселенную.

Ѡставлю — рѐ — у вратъ хромца и с нимъ слепца. Что есть хромецъ. и что есть слѣпецъ? Хромецъ есть тѣло. а слепецъ дш҇а. преже бо съз҇а Бг҇ъ тѣло Адамле бе҇днѐвно. потом же дш҇у. по съзанiи бо тѣла. гл҇тъ Писанiе. и дуну на лице его д҇хъ животенъ. тѣмже тѣло без д҇ша хромо есть, и не нарѐтся ч҇лкъ, но трупъ. смотри здѣ и разумѣй ѿ Бытiйскыхъ книгъ. Створи Бг҇ъ тѣло внѣ раа. и внесе и въ едемъ, а не в рай. едемъ рѐтся пища. Яко се кто на пиръ зовый. преже уготова҇е обилную пищу. ти потомъ приведетъ званаго. такъ и Бг҇ъ преже уготова ему жилище едемъ, а не рай. Рай бо мѣсто ст҇о есть. яко же цр҇кви ѡлтарь. цр҇кви бо всѣмъ входна: та бо ны есть мт҇и. поражающи вся крещенiемъ, и питающи живуща нетрудно в ней. одѣвающи же и веселящи вся всельш҇аа в ню. гл҇ть бо пр҇ркъ: се работающии цр҇кви ясти имуть и насытятся. и пакы: о чада церковная. ссуще ѿ сосцю еа тукъ и масть, помажите веселiемъ главы своея. и Дв҇дъ ре҇: упиются ѿ обилiа дому твоѐ и потокомъ пища твоея напоиш҇и а. и пакы: ѿ одежи сщ҇нникъ. ѿ оболченiи ини҇х. иереи твои, Гӥ, ѡблекутся въ правду. инихуже: съѡд҇ѣлъ мя еси нужны҇х и нелѣпы҇х ѡдеж҇ь, и ѡболклъ мя еси веселiемъ. въспойте — ре҇ — Гвӥ п҇ѣ нову. хваленiе въ цр҇кви пр҇пбны҇х его. И се явѣ є҇. ѿ клиросникъ е҇пп҇а и ѿ манастыря ини҇х. Вижь, яко епп҇iа и манастырь едемъ есть. си рѣ҇ нетрудная жизнь. ѡлтарь же ст҇ъ. си рѐ — едемьскый рай, неудобь вход҇и ѿ ч҇лкъ. аще и врата незаключена имать. Тако бо бѣ҇ посаженъ ѡнъ хромецъ съ слепцемъ у вратъ стрещи и внутрени҇х, яко се приставлени суть патрiарси и архiепп҇и и игумени. межю црк҇вiю и ѡлтаремь. стрещи святыхъ таинъ ѿ врагъ Хв҇ъ. си ре҇ — ѿ еретикъ и зловѣрны҇х искусникъ и неч҇ты҇х грѣхолюбецъ и иновѣрны҇х скверникъ. Послушайте же съ вниманiемъ, да по ряду бесѣду скажемъ.

и вы со вниманіемъ усмотрите. Аще бо и мутенъ имѣю умъ, но ваши҃ надѣяся м҃лтвахъ, прошу дара слову. аще и нѣстоинъ есмь ѿ си҃ гл҃ти, но ползы ра҃ послушающи҃ си пишю. Аще ли кто зла слуха имать, то не ищеть, что бы ему на ползу ѡбрѣсти, но зазираетъ чимже бы на҃ потязалъ и укорилъ.

Сѣдящема же има етеро врѣмя, ре҃ слѣпецъ къ хромцю: Что убо благоуханіа изувнутрь вратъ ослажает мя и красить мою мысль. Ѿвѣща хромецъ: Многа бл҃гаа наю г҃на внутрь суть. ихже вкушеніе неизрѣнна сладость. но понеже прѣм҃дръ есть г҃нъ наю. насади здѣ тебѣ слѣпа, мене же хромаго, и не можевѣ никакоже тѣ҃ дойти и насытитися бл҃гынь. Ѿвѣщавъ гл҃а слѣпецъ:.... Возми убо кошь, и всяди на мя, и азъ тя ношю. ты же показуй ми путь, и вся благаа г҃на наю ѡбымлевѣ. не мню бо, яко пріидет сѣмо наю г҃нъ. Се помышленіе суть ищущихъ не ѿ Б҃ѣ свѣта сего сановъ, и ѿ телесех токмо пекущися. нечающимъ ѿвѣта ѿ дѣлѣ҃ възати. но ●ы суетну пару свою д҃шу въ вѣтръ полагающимъ....

Аще ли — р҃е — пріидеть г҃нъ наю. укрыется ѿ него наю дѣло. аще бо мене воспросить о татьбѣ. азъ реку: вѣси, г҃не, яко слѣпъ есмь.. аще ли тебе въспросить. ты рци: азъ есмь хромъ, и не могу тамо дойти. и тако прем҃друевѣ наю г҃на. и пріимевѣ мьзду наю стражбы. Всѣд же хромецъ на слѣпца, и кошь вземша, и дош҃а окрадоста вся внутренняя г҃на своего благаа. Нъ не воюйте, бра҃е, на мою грубость. не лѣпо ѡбразъ писаніа поставляющу ми. Яко же бо и по ногу вязащіи птици нѣсть мощно на аерескую высоту възлѣтети. тако и мнѣ в телесны҃ вязащему похотѣ҃ невъзможно ѿ д҃ховны҃ бесѣдовати. не солнуть бо ся грѣшнича словеса неимущему влагы Святаго Духа. ѡбаче на предреченнаа взвратимся, разрѣшающа прит҃ча съузъ.

Сѣдящима има. то почто давно мнѣ еси не повѣда се, да быховѣ не жадали но к си данны нама во ѡбласть. и ѡна ѡсобь восхытивѣ. Аще азъ слепъ есмь, но има нозѣ и силен есмь. могы добрѣ носити тебѣ и бремя. Вижь дневное брѣмя грѣх. того ра глть прркъ, яко бремя тяжко ѡтячися на мнѣ. и рече же си ре долго время бестрастіе Божіе заповѣди. и ѡ телеси токмо попеченіе. нераженіе же ѡ своей души. Никто жь бо страхъ Божій имѣя плотскіимъ прельстится. никто же правовѣренъ чресъ законъ священническаа ищеть взяти сана. никто же смерти чаа и по смерти пакы въскрніа. ти въ злых пребывае дѣлех. но пакы тоже ре разума дѣля. Рѣ слепець къ хромцю. что убо благоуханіе и утрь полъ таеть ми? Се надменіе Адамова высокомыслья. яко всѣми обладавъ земными и небесными животными, обладаа моремь и сущую тварью, и в немь едемьскых блгых, насыщаяся преже осщеніа на стаа дерьзнувъ изъ ела бо изыде в рай. Сего ради Писаніе глть. изгна Богъ Адама из раа и ѡсуди его дѣлати землю. ѡ нея же взять бы. Вижь, яко не тамо повелѣно бѣ ему жити. ѡнудже изгна и. Тако бо вниде яко же се прникъ. недостоинъ ерейства, и утаивъ свой грѣхъ. небрегъ же ѡ Божіи законѣ имени дѣлма высока и славна житіа. на поповъскый взыти дерьзнувъ санъ.

Того ради и смертію Адама ѡсуди. понеже коснуея древа разумѣніа добра и зла. се есть разумный грѣх. и волное благоугодіа дѣтель. пишеть бо ся: ѡ, горѣ в разумѣ съгрѣшающимъ. Сего ради погуби. въдуновеніе Духа животнаго. его же въздуну Богъ на лице его. еже е несовершенъ даръ сщеніа. пише бо ся: и дуну на лице его духъ животенъ, яко бо и Хс дуну на лице аплмь. пріимѣте — ре — Духъ Святый. несъвершенъ даръ. точію ѡбѣтъ сщеніа. ждати бо

имъ повелѣ. доидеже пришѐ—ре҇—до конца ѿстѝть вы. Сице и с҇тли с҇таа падіаки. и҆ діаконы не съвершенъ даръ, но ѡ҆бѣтъ с҇щеніа да ся приготоваютъ. на съвршеное с҇тльство. ничтоже Богови тако любо. невъзносится в санъ вшедше. и ничтоже тако мерзить ему. якоже величавая самомнимаа гордость.

Смотри ѡного слѣпца съ хромцемъ, како приѡбидѣста г҇на своего запѡвѣдь и прещеніе. вземь бо хромца и бремя понесе. и дошед внутрени҇х, приближися ко древу, искуси плода, и се добро з҇ѣло, и тако ѡ҆крадоваста, и҇х новелѣно бѣ имъ стрещи.

Того древа вкуси Каинъ несы с҇щенъ и на с҇щичь санъ норевновавъ с҇щеному Авелю, его же завистію уби. Того древа вкусиша с҇ве Коѐреви, иже з Дафанѝ и Авирѡномъ вземше кадилницу поидоша въ скинію. не ос҇щени суще. и пожре а земля. Того древа вкуси Иліи жрець. иже ведый с҇на своя безаконствующа въ іерѣйствѣ, и не ѿлучи ею с҇щніа. Того древа вкусиша еретици иже злохытріемь акы вѣдуще душевный путь, заблудиша, не имуша покааніа погибоша. Нъ сіа ѡ҆кративъ. на первое възвращуся сказаніе. аще и ѿнемоглъ есть моего г҇ла удъ, нъ пророкъ взущает мя, тако г҇ля: Утрудися въпіа҇, измолче гортань мой.

Слышавъ же г҇нъ. я҇к окраденъ есть виногра҇ его, (*повелѣ*) изринути ѿ вратъ хромца. и изгнати ѿ стражбы слѣпца. Разумѣйте же н҇нѣ безумніи. сановници и буи въ іерѣи҇х. когда у҇мритеся? всажей ухо не слышит ли? и ока създавый не смотрит ли? наказая языкы не ѡбличить ли? уча ч҇лкы разуму не разумѣет ли нашего грѣхопаденіа? Г҇ь бо наше все съвѣсть помышленіе. и пакы съвѣсть злохытри҇х помыш҇ніа, яко не суть права, и҆ тъ измѣтае҇ дѣчтивыя из вла-

сти. изгонить и нечтвыя ѿ жерьтвеника. никыи же бо санъ мира сего ѿ муки избави. преступающихъ Божіа заповѣди. Но молю вашю любовь. съ вниманіемь пининыˣ смотрите, и яже слышите разумѣйте.

Повелѣ Богъ изринути Адама из раа, понеже неповелѣнаго ему древа коснуся. сирѣчь — прежде повелѣніа вниде в мѣсто святое. Усели его противу райстей пищи. егда когда престреть руку, и возметь ѿ древа породнаго, и живъ будеть въ вѣкы, сирѣчь — негли помянется. и смирився покается. о ниˣ же съгрѣши. Ѡле многое влчне члколюбіе! и казнить ны, и милуеть, грѣха ради озлобляет(*ся на*) ны. и пакы покааніа ради пріемлеть. не хощеть бо смерти грѣшнику. но ѡбратитися ему велѣть. и живу быти ему.

Что есть древо животное? смиреномудріе, ему же корень исповѣданіе. исповѣмь бо—рѐ на мя—безаконіе мое. и ты ѿпустилъ еси нечестіе сердца моего. Того корени есть стьбло благовѣріа вѣра. вѣра бо—рече—твоя спасеть тя едина добродѣтелную стезю, все бо вѣрующему дается. Того стебла многы различны вѣтви; мнози бо образи покааніа: слезы, постъ, молитва, милостыни, смиреніе, въздыханіе. Тѣˣ вѣтви плѡ. добродѣтели: любы, послушаніе, и покореніе, нищелюбіе; мнози бо суть покаанія ѡбразы. Виждь, яко не в раи бѣ животное древо, (но) ни во едемѣ, но въ земьствіи. рекше—въ ѿлученіи сана. Изрину пакы Каина. въпросивъ его убійства братня. и по ѡбличеніи показа ему животное древо, рекъ сице: стоня и тресися буди, сіи рече—покайся о злобѣ, о зависти, и ѡ льсти, и ѡ оубійствѣ, и ѡ лжи, смирися, постися, бди, на голѣ лежи; но понеже сего не створи. но изыди ѿ лица Божіа. не дальство ѿ земля, но неимѣніемь страха Божіа.... Блгымъ дѣломъ не сущимъ въ на̂ ни покаанію ѡ грѣсеˣ, в коемь си любо сану

будемь, далече Бога есмы. бли҆ бо Гь съкрушеным сердцемъ, и смиреныя духомъ спасеть, волю боящихся его сътворить, и молитву и҆ услыши, и спасеть их. Лице же Гне на творящаа злаа: потреби Гь ѿ земля памѧ и҆.

Сице Пауль изрину ѿ святаго жерьтвеника Умѣніа и Филипа, и съблудившаа в̓ Коринфѣ сщеникы, ѿземьствова я противу святому ѿлтарю. сиречь — постави а клирики, рекъ: имейте таковыя на сту. но утвердите к нимъ любовь. да не погрязнуть злою печалью, но да ся покають и живи будуть.

Не восхотѣ сего древа животнаго вкусити і Александръ ковачь. о немже ре҇ Павелъ: да вздасть ти Гь въ день судный.... Не вкуси того древа Трефисъ Ефесянинъ. и Николай бывый ѿ ӡ діаконъ, иже ѿврьгостася Ха, и быста куміророжерца в Селуни, и предааста мучителемь кртіаны. о нею же Іѡа҇ пишеть гля: ѿ на изыдоша, на ны быша. Того породнаго древа не приемше, еретици проклятi быша. и умроша душевною смертію. не разумѣша бо пророка глща: вкусите и видите яко благъ Господь. Нѣ бо грѣха, иже сдолѣеть милости Божіа. точію не отчаимъ себе яко Іюда, ни не не вѣруем телѣсному въскресенію, аки Садукеи; но покааниемъ толцѣ въ двери Божіа, дондеже ѿверзеть намъ райскаа врата. не ложь бо е рекый: толцѣте, ѿтверзется вамъ; ищете и ѡбрящется; просите, и дасться вамъ. Но да не предолженіемь словесъ умножю писаніе, и зѣло продолжу бесѣду. но на предреченаа възвратимся.

Видѣвъ же ѡнъ чкъ свой ѡкраденъ виноград. въсхотѣ разлучити слѣпца ѿ хромца. повелѣ первее привести слѣпца. да его ѡпытаеть. кто есть преслушалъ заповѣдь его. и при-

сягл҃ъ къ непроходимымъ бес повелѣнія его. Ничто же бо можеть таитися Божіа ока....

Повелѣ разлучити душю ѡ҃ тѣла. Словомъ бѡ Божіимъ исходить ѡ҃ тѣла душа: ѿимеши бо — ре҃ — дх҃ъ, и исчезнуть, и въ персть свою възвратятся....

Повелѣ привести слѣпца. По ищезновеніи бо ѡ҃ тѣла душа всякого чл҃ка пре҃ Бг҃ъ приходи҃ с приставленымъ к ней агг҃ломъ, вѣрнаго же и невѣрнаго, сущаго в законѣ и всякого безаконника. Гь҃ бо —ре҃— испытаеть праведнаго и нечестиваго. вси бо ро҃ язык҃ъ ѡ҃ единое крове роженіе, и рассѣяшася жити по лицю всея земля. ииже повелѣ Богъ себе благо творити. даяй дождь с нбсе и времена ѡбилнаа. сіаеть бо — ре҃ — солнце свое на добрыя и злыя, и прочая благодѣянія творя земнымъ. Но никтоже ѡ гл҃ѣх сихъ да не зазрить ми, но испытайте ми Писанія, и ѡбрящете мя ѡ҃ Божіихъ сих въземлюще книгъ. пишеть бо Мѡѵсій: постави предѣлы языкы по числу агг҃лъ Бж҃іихъ. Еремѣа же: единъ е҃ Гь҃ всѣхъ, иже по҃ нб҃мь языкъ. Аще бо ѡставі а во своей кожо прельсти. но душа их пре҃ нимъ явится, и тъ҃ суди по дѣломь их.... Слышати бо подобае҃ Божіе имя нн҃ѣ разлучающимся душамъ. да в послѣдній день въскр҃ше, съ телесы неблазньно поклонятся Хү҃. а не иже нынѣ работяша прелщены бѣсомъ по ап҃лу гл҃ющю: тогда увиди всяко око, и вся҃ языкъ поклонится исповѣдаа. яко Гь҃ Іс҃ъ Хс҃ъ въ славу Богу и Отца. единъ сый и си вся учившія видя҃. Азъ же ѡ слѣпци початую бесѣду. противу силѣ и мѣщенію ума, въ кратцѣ скажю, аще поймы творящих ми дозрю. видѣ бо, яко не суть ѡ҃ премудрости, но ѡ҃ грубости сіа сказанія. ѡбаче на ѡснованіе пророческых и апостольскых рѣчи зижемъ. имущи уголника самого Хс҃а.

Приведену же бывшу слѣпцю бы҃ опытаніе. не добра

ли тя — р҃е — стража створи[x] моему винограду, то почто еси ѡкралъ? Ѡвѣща слѣпець: Г҃и, ты вѣси, яко слѣпъ есмь, и не вижю без водящаго мя, камо ити. не вѣдѣ ни единого мѣста. аще хотѣлъ бы[x], ни чюх же никоего минующаго враты, да бы[x] въ сл҃ѣ его крѣпко въпилъ. но мню, Г҃и, Г҃и, яко хромецъ есть кралъ. Вижь должное нынѣ испраніе души пр҃е Богомъ. и клѣветаніе на тѣло.

Сице же есть душевный глаголъ: Господи, азъ духъ есмь, да ни ясти ни пити хотѣлъ есмь, ни чти ни славы ҫемныя искалъ есмь, ни телѣсное разумѣ[x] похоти, ни діаволе сътвори[x] воли. но та вся тѣло есть сътворило.

Тогда повелѣ г҃нъ блюсти слѣпца въ кромнѣ мѣсте, идѣже самъ съвѣсть, дондеже самъ пріидеть к винограду, и призоветь хромца. тогда судить обѣма. Того ради, до въвтораго пришествіа Х҃ва, н҃ѣ суда ни мученіа всякой души ч҃л҃и вѣрнаго же и невѣрнаго: вѣруйте же въ правду въскр҃нію ч҃лкы[x] телѣсъ.

Послеши бо — р҃е — духъ свой, съзиждутся, и ѡбновиши лице (н)земли. И въ Езекіи бо въскр҃ніа надежю намъ показалъ есть: ироркы — рекъ — сн҃е ч҃л҃ческъ, на мр҃твыа сіа кости, да будуть на ни[x] телеса, и да ѡпнется на ни[x] кожа, и да пріид҃е ѿ четырь вѣтръ, и внидуть (съ)мр҃твыа сіа, ѡживуть. Се же самъ все Творець дѣйствуеть. не инако чина превращаа. но инако исконное дѣло свое понавляя. Преже бо създа тѣло Адаҩле, ти потом вдуну душю. тако въ утробѣ женьстѣй, первіе ѿ сѣмени зижеть тѣло. и по. є҃. м҃ць творить д҃шю; въ кр҃щнъи же первое по(д)ражеть водою, потомже ѡбновляеть духомь. ѿ тлѣніа грѣховнаго. Тако и в послѣдній день. первое ѡбновити землю и съзиждеть вс҃ѣ[x] на телеса в мегновеніи ока. потомъ д҃ша наша когож҃о вииду въ своя телеса, по Павлу г҃лющу, яко — с҃а Господь въ гласѣ архагг҃лѣ и въ трубѣ Божіи снидеть с н҃беси. и

мртвіи о Хѣ въскреснуть преже, потоже и мы живіи. Что суть мертвіи? вси языци, небывше по Божіимъ законо, ни пріимше крещеніа: елико бо — реч — безаконно съгрѣшиша, безаконно и погибну, живыя же крстіаны нарицае. Вих всѣх члкъ телесом воскреснути. и вѣруймъ *(Павлову)* послушеству словесемь Гниимь: аже ли не твори искони Бгомъ създа члка, то не разумѣетъ и крещеніемь в живо порожена, тѣмже и не чае последняго телеси въскресеніа. въстающимъ всѣмъ члкомъ въ бесконечный животъ, ѡвѣмъ в честь и в славу, ѡвѣмъ же в су и в муку. Но да и прокое речмь.

Прихо Хвъ на су всѣмь члкомъ. Егда пріиде гнъ взять пло ѿ винограда и видѣвъ его ѡкрадена. и призва хромца, и совокупи его со слепцемъ; и начаста ся сама ѡбличати. Хромець реч слѣпцю: аще не бы ты мене носилъ, никакоже азъ моглъ бых тамо дойти. понеже хромъ есмь. Слѣпець же глше: аще не бы ты мнѣ пути казалъ, не быx азъ моглъ самъ тамо дойти, но путь ми еси казалъ ты, понеже слѣпъ есмь, и вси видять, яко нѣсть лзѣ слѣпу без водящаго красти. Прящима же ся има промежи себѣ долго время, тогда гнъ сѣдъ на суднѣмъ столѣ, и начатъ има судити. И рче: яко же (е)ста крала, да всяде хромець на слѣпца. И повелѣ я казнити казнію вѣчныя муки, река: почто не сохраниста заповѣди моея, и тако по своимъ трудомъ пріимета мьзду....

Разумѣйте братье сіа притча сказаніе.·.

Члк есть домовитъ — Богъ ѻтець всяческых творець, его же Снъ добра роду, Гъ нашь Іс Хс. А виногра землю и миръ сънарицаетъ. Оплотъ же есть законъ Божій и заповѣди. Слугы же сущаа с нимъ аггли гль. Хромець же есть тѣло члче. а слѣпець душу его мѣнить. А иже а

посади у вра̃, чл҃ку предасть въ ѡ҆бласть всю землю, давъ ему законъ и заповѣдь. преступившю же чл҃ку повелѣніе Божіе, того ради смертію осужени убозіи бых҃. Первое душа его къ Бг҃у приводится, и испирается гл҃щи: не азъ, но тѣло есть съгрѣшило. И того ради нѣсть мученіа душамъ до втораго пришествія. но блюдими суть, идѣже Богъ вѣсть. Егда же пріидеть ѡ҆бновити землю, въскресить вся умерьшая, яко же самъ Христосъ прежде гл҃я: тогда вси сущіи въ гробе[х] услышатъ гласъ Сына Божіа, и ѡ҆живугъ, и изыдуть. сътворившія благая (въ) въскр҃ніе живѡта, а створившіи злаа (въ) въскр҃шеніе суда. Тогда бо пакы душа наша въ телѣса вънидуть, и пріимуть възданіе кож҃о по своимъ дѣломъ—праведници вѣчную жизнь, а грѣшници бесмертную и бесконечную муку. ими же бо кто съгрѣшаеть, тѣми и мученъ будеть. Иже ми ѿ си[х] писавшю и сказавшу. не ѿмышля я, нѡ ѿ святыхъ книгъ. да нѣсть мѡе слово се ни бесѣда: нѣсть есмь бо учитель, яко же ѡ҆ни церковніи священніи мужи.

V

ЗАПИСКА

О ѲЕОДОСІИ, СПИСАТЕЛѢ ЖИТІЯ ВОЛОДИМІРОВА.

Орд. Акад. П. Макарія, Епископа Винницкаго.

Въ одномъ изъ рукописныхъ Патериковъ Румянцевскаго Музеума помѣщено: «Слово о томъ, како крестися Володимеръ, возмя Корсунь», излагающее въ краткихъ чертахъ и послѣдующую жизнь равноапостольнаго Князя до его кончины. Въ заключеніи этого Слова, которое, особенно въ первой половинѣ почти буквально сходно съ сказаніемъ лѣтописи Несторовой о томъ же предметѣ, писатель выразился: «юже (т. е. неизрѣченную радость) буди улучити всѣмъ крестьяномъ и *мнѣ грѣшному Ѳеодосію*», и такимъ образомъ назвалъ собственное имя *). Кто же былъ этотъ Ѳеодосій?

Пока извѣстны о немъ два мнѣнія. Первое принадлежитъ Академику С. П. Шевыреву, который сказалъ, что разсматриваемое нами Слово о крещеніи св. Владиміра можетъ быть

*) *Востоков.* Опис. рукоп. Рум. Муз. стр. 434.

приписано по нѣкоторымъ признакамъ преп. Θеодосію, игумену Кіевопечерскому и что оно вставлено Несторомъ въ лѣтопись съ дополненіями *). Второе Академику П. Г. Буткову, полагающему, что писателемъ этого слова могъ быть тотъ инокъ Θеодосій, который въ XII вѣкѣ перевелъ для князя Николая Святоши посланіе Льва, папы Римскаго, къ Константинопольскому патріарху Флавіану **). Случай поблагопріятствовалъ намъ открыть истину, если не вполнѣ, по крайней мѣрѣ, отчасти. Патерикъ Румянцевскаго Музеума, въ которомъ помѣщено занимающее насъ слово, есть не что иное, какъ позднѣйшая копія патерика Новгородской Софійской библіотеки XV вѣка***), и притомъ не всего Патерика, а только не многихъ его статей. Перечитывая этотъ послѣдній Патерикъ въ полномъ его составѣ, мы увидѣли, что грѣшный Θеодосій, упомянувшій о себѣ во второй статьѣ въ словѣ о крещеніи Св. Владиміра, упомянулъ такъ же о себѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ, послѣдующихъ статьяхъ,— откуда весьма легко убѣдились, что онъ не былъ ни преп. Θеодосій, игуменъ Кіевопечерскій, ни инокъ Θеодосій, писавшій въ XII вѣкѣ для князя Николы Святоши, а жилъ уже послѣ св. Симона и Поликарпа, написавшихъ извѣстныя посланія о Кіевопечерскихъ инокахъ въ первой половинѣ XIII вѣка, и былъ или со-

*) Ист. Русск. Слов. ч. II, стр. 16 и 125.

**) См. статью: Разборъ трехъ древн. памятн. Русск. Дух. Литерат., помѣщен. въ журналѣ: «Современникъ» 1852, ч. II, отд. II, стр. 89.

***) Краткое описаніе Сборника (№ 578), въ которомъ помѣщенъ этотъ Патерикъ, сдѣлано археограф. Коммиссіею въ предисл. къ Лаврент. лѣтописи стр. XVI подъ п. 8. Первая часть Сборника писана въ два столбца почеркомъ исхода XIV вѣка и заключаетъ въ себѣ житіе св. Варлаама и Іоасафа Царевича; вторая половина писана въ сплошную строку почеркомъ XV вѣка и содержитъ Патерикъ особой редакціи и нѣкоторыя другія статьи.

ставитель особой редакціи Кіевопечерскаго Патерика или даже только списатель Патерика этой редакціи не прежде XV вѣка. Вотъ самыя мѣста, приведшія насъ къ такому заключенію:

1. Въ «словѣ онсифорѣ (т. е. о Онисифорѣ) и о прозорствѣ его, да и мы грѣшни покаемся «(*л.* 154), которое есть собственно первая изъ повѣствовательныхъ статей посланія св. Симона, епископа Владимірскаго, къ черноризцу Поликарпу и начинается словами: «и се ти, брате, скажю, что ради мое тщание къ стма Антонию и Феодосию, — слышахъ вещь предивную»..., въ самомъ концѣ написано: «сего дѣля азъ, *грѣшный Феодосий мнiхъ*, *недостойный ерей*, тоужю и плачю и желаю тамо (въ Кіевской Лаврѣ) ми скончатп, да быхъ точию положенъ былъ въ бжтвенѣй той персти, да поне малоу отраду приялъ быхъ многих ми грѣховъ с^x^ты ради» (*л.* 155 об). Здѣсь слова: «азъ, грѣшный Феодосий мнiхъ» поставлены вмѣсто словъ сочинителя: «сего ради азъ, *грѣшный епкпъ Симонъ*, тужю и скорблю и желаю тамо ми скончатися» и проч. Слѣд. этотъ Феодосій жилъ послѣ св. Симона.

2. Въ «Словѣ о Моисѣи Оугринѣ, новомъ Иосифѣ» (сл. 161 об.), которое, какъ извѣстно, находится въ Посланіи черноризца Поликарпа къ Кіевопечерскому архимандриту Акиндину, сказано въ заключеніе: «оуспе о Гѝ в добрѣ исповѣданиии, того млтвами, Гѝ, спаси *грѣшнаго* раба своего *Феодсия*, аминь» (*л.* 165 об.). Значитъ, этотъ Феодосій жилъ и послѣ Поликарпа.

3. Въ концѣ «слова о иномъ затворницѣ», именно о Лаврентіѣ, сказано: «сего рда писах ти, *кире Анкудине*, да не крыются тмою невидѣния дивная чудеса ст^x^ моужь; блжнъ сподобивыйся с тѣми написанъ быти и положенъ быти, с ними-

же и мене, *Θеодосия грѣшнаго* да сподобить Гь млти въ днь судный млтвами ихъ, аминь» (л. 189 б). И это вмѣсто словъ черноризца Поликарпа: «сего ради вписахъ ти, господине Анкидине, да не...., съ ними же и мене Гь да сподобить млти въ днь судный млтвами ихъ, аминь» (л. 189 об.).

4. Наконецъ въ томъ же Сборникѣ Новгородской Софійской библіотеки вслѣдъ за статьями изъ Кіевопечерскаго Патерика помѣщено нѣсколько другихъ статей, писанныхъ тоюже рукою, и одна изъ этихъ статей носитъ слѣдующее заглавіе: «Поученіе стго Панкратия о крщнии обѣда и питія въ первую не^лю по стыхъ aплъ, списано *Θеодосиемъ худымъ мнихомъ*» (л. 224). Здѣсь слово: *списано*, очевидно, указываетъ не на сочинителя статьи, а только, на переписчика: потому что сочинителемъ ея названъ св. Панкратій.

Вообще инокъ Θеодосій, упомянувшій о себѣ въ словѣ о крещеніи св. Владиміра и потомъ еще четыре раза въ другихъ статьяхъ разсматриваемаго Сборника, былъ не болѣе, какъ переписчикъ: слово о св. Владимірѣ онъ выписалъ изъ лѣтописи Несторовой, сокративъ его въ послѣдней части; другія слова взялъ изъ посланій св. Симона и Поликарпа, тоже иногда въ сокращеніи, и размѣстилъ ихъ по произволу; третьи изъ сочиненій св. Кирилла Туровскаго, Климента епископа Болгарскаго и проч. и проч. Когда же жилъ этотъ переписчикъ или списатель? Если принять, что настоящій Патерикъ особой редакціи съ послѣдующими за нимъ статьями не есть копія съ другаго Патерика, а составленъ тѣмъ самымъ Θеодосіемъ, который и писалъ его: въ такомъ случаѣ Θеодосій жилъ несомнѣнно въ XV вѣкѣ, потому что рукопись относится къ XV вѣку. Если даже настоящій Патерикъ признать за копію, буквально снятую съ другаго Патерика, и въ такомъ слу-

чаѣ мы несомнѣваемся отнести Θеодосія къ XV же столѣтію, пусть будетъ онъ первоначальный составитель разсматриваемаго сборника: потому что въ сборникѣ на л. 136 читаемъ: «начало *киевьскаю* Патерика», и на л. 151: «сл͠о отъ патері͠к *печерскаго*», а ни откуда неизвѣстно, что бы названіе патерикъ *Кіевскій* или *Печерскій* существовало у насъ прежде XV вѣка; оно не встрѣчается даже въ Патерикѣ Арсеніевской редакціи начала XV вѣка *),

Въ XV столѣтіи мы знаемъ одного Θеодосія, любившаго заниматься трудами книжными, который былъ сначала іеромонахомъ и архимандритомъ Чудова монастыря въ Москвѣ (1445 — 1454), потомъ епископомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ (1454—1461), наконецъ Всероссійскимъ митрополитомъ (1461—1465) **). Онъ-то и могъ составить или переписать настоящій Сборникъ. Впрочемъ, когда несомнѣнно, что Θеодосій былъ не сочинителемъ житія Владимірова, какъ и другихъ статей, упоминающихъ его имя, а простымъ списателемъ или переписчикомъ, то вопросъ о немъ, о его жизни и дѣлахъ, теряетъ все свое значеніе въ исторіи Русской литературы.

*) *Кубарев.* о патерикѣ печерскомъ стр. 24, въ Чтен. Москов. Истор. Общ. 1847, № 9. отд. I.

**) Изв. Императ. Академіи Наукъ по отд. Русск. языка и Словесности Т. II, стр. 321—328.

VI.

О ПСЕВДОНИМАХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.*)

М. И. Сухомлинова.

Чтеніе составляло одну изъ потребностей людей любознательныхъ въ древней Россіи. Масса сочиненій и переводовъ увеличивалась у насъ не только съ каждымъ вѣкомъ, но съ каждымъ почти десятилѣтіемъ, какъ можно судить по количеству рукописей, принадлежащихъ началу, срединѣ и концу одного и того же столѣтія. Само собою разумѣется, что въ Россіи, какъ и всюду, не всѣ вѣка были одинаково счастливы въ отношеніи къ литературной дѣятельности. Переписчики, а можетъ быть и сами авторы, имѣли обычай помѣщать новыя произведенія въ книги, въ которыя вписаны были уже другія сочиненія, труды писателей предшествовавшихъ. Всякое новое произведеніе, если оно было не безъ достоинствъ, расходилось во многихъ спискахъ. При списываньи обыкновенно не довольствовались одною литературною новостью, а заимствовали изъ оригинала и нѣсколько другихъ статей, наиболѣе возбуждавшихъ уваженіе или любопытство писавшаго. Изъ нѣсколькихъ подобныхъ извлеченій составлялась рукопись, служившая въ свою очередь оригиналомъ для списковъ позднѣйшихъ. Иногда помѣщеніе

*) Авторъ принимаетъ здѣсь слово *псевдонимъ* въ особенномъ смыслѣ, болѣе обширномъ.

извѣстной статьи къ какой-либо рукописи происходило случайно или зависѣло отъ однихъ внѣшнихъ причинъ: оставалось нѣсколько свободныхъ листовъ, и на нихъ помѣщали отрывокъ соразмѣрнаго объема. Этимъ можно объяснить, отчего въ одной рукописи съ Пятикнижіемъ находятся какія нибудь правила домашней жизни, напоминающія «домострой», и отчего вообще во многихъ рукописяхъ господствуетъ чрезвычайное разнообразіе. Особенною пестротою содержанія отличаются сборники, которыми такъ обильна наша древняя литература. Причина этому заключается въ самомъ назначеніи ихъ удовлетворять различнымъ потребностямъ составителей и читателей. Между прочимъ сборники служили нѣкогда карманной библіотекой (bibliotèque portative), какъ отчасти можно полагать по самому ихъ формату—въ 16-ю долю и менѣе. Несравненно-правильнѣйшимъ расположеніемъ отличаются собранія сочиненій характера нравственно-религіознаго исключительно. Въ числѣ поученій, переведенныхъ съ Греческаго, встрѣчаются и сочиненія Русскія, носящія живые слѣды народности. Сходство ихъ по главной цѣли съ произведеніями переводными послужило поводомъ къ ихъ совокупному помѣщенію: въ этомъ видна обдуманность, сознательный выборъ составителя рукописи, противоположный указанной выше случайности. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ подобнаго рода статьи ясно отдѣляются одна отъ другой, и каждая сохранена въ достаточной полнотѣ и исправности, такъ что о содержаніи ихъ могутъ быть дѣлаемы вѣрные и подробные выводы. Но что составляетъ камень преткновенія въ изслѣдованіи рукописныхъ произведеній нашей древней словесности, это точное опредѣленіе ихъ авторовъ. Большею частію имена писателей исчезли вмѣстѣ съ ними, а иногда не были извѣстны и при жизни

ихъ. Этого обстоятельства нельзя назвать простою случайностью: въ немъ открывается черта древне-Русской образованности. Въ постоянномъ удерживаньи своего имени въ неизвѣстности видно убѣжденіе, своего рода начало, ставившее мысль, раскрытую въ произведеніи, несравненно выше личности автора. По крайней мѣрѣ такое пожертвованіе авторскимъ самолюбіемъ было бы неслыханнымъ явленіемъ въ обществѣ, руководимомъ другими началами. Свидѣтельство Цицерона служитъ намъ порукою въ этомъ касательно древняго міра *).

Не только авторы, но и самые переписчики не считали нужнымъ называть себя по имени. Рѣдко случалось, чтобы писавшій рѣшался открыть имя свое читателямъ, и въ такомъ случаѣ различными эпитетами и описательными выраженіями онъ какъ бы желалъ загладить нарушеніе авторской скромности. Имя открывалось обыкновенно въ послѣсловіи. Какъ образецъ употреблявшагося при этомъ литературнаго пріема можно привести послѣсловіе къ Сборнику Сергіевой Лавры, № 49: «Источнику сущу на мѣстѣ, кто жаждею истаетъ, явѣ есть, яко неприходяй къ нему; аще и сіа книга нсъточнику есть подобна, аще кто съ усердіемъ разгнувъ прочтетъ, напоитъ душу свою живоносныя воды. Писана быша сія книга Съборникъ въ лѣто 6953 (1445), индикта 8, рукою многогрѣшнаго, малѣйшаго въ единообразныхъ, и въ грѣшницѣхъ прьваго, и непотребнаго въ братьствѣ, и неключимаго не в каковойждо добродѣтели, смиренаго многыми грѣхы, *священноинока Макарьища*. А писалъ есть сей Сборникъ Паисію,

*) Ср. Oratio pro A. Licinio Archio, poeta. XI. Neque enim est hoc dissimulandum, quod obscurari non potest, sed prae nobis ferendum: trahimur omnes laudis studio, et optimus quisque maxime gloria ducitur. *Ipsi illi philosophi, etiam illis libellis, quos de contemnenda gloria scribunt, nomen suum inscribunt:* in eo ipso, in quo praedicationem nobilitatemque despiciunt, praedicari de se, ac nominari volunt.

старцю Сергіева монастыря. Словеса убо писанная пріидоша в конець, уму же да не будеть когда пріяти конець въ любителех душепитательных словесъ, кое убо когда будеть благых насыщеніе. Аминь». Отсутсвіе авторскихъ именъ въ древне-Русскихъ произведеніяхъ повело къ тому, что позднѣйшіе ихъ собиратели принуждены были догадываться объ авторахъ и иногда опредѣлять ихъ на удачу. При опредѣленіи часто руководствовались преданіемъ, идущимъ съ давнихъ временъ и упрочившимъ за извѣстными лицами преимущественное право на авторство. Неизвѣстность подлинныхъ именъ авторовъ и желаніе опредѣлить эти имена болѣе или менѣе удачными соображеніями, вотъ двѣ причины, объясняющія появленіе псевдонимовъ въ нашей древней словесности.

Первое мѣсто въ числѣ авторовъ по преимуществу занималъ, по понятіямъ предковъ нашихъ, св. Іоаннъ Златоустъ. Ему приписывали наибольшее количество произведеній, очевидно ему не принадлежащихъ; его же именемъ означенъ и одинъ изъ любопытныхъ памятниковъ, которые мы представляемъ здѣсь вниманію читателей. Поэтому позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ чертахъ, опредѣляющихъ судьбу твореній и литературной извѣстности писателя, образовавшаго у насъ цѣлый рядъ произведеній, который можно бы назвать литературой мнимо-Златоустовой.

Творенія Іоанна Златоуста пріобрѣли громкую извѣстность во всемъ христіанскомъ мірѣ, начиная съ IV — V столѣтія. Произведенія его хранились въ царскихъ чертогахъ, какъ драгоцѣнность, и писались, въ подлинномъ смыслѣ слова, золотыми буквами *). Но та же самая слава, кото-

*) Въ библіотекѣ Кояленевой есть драгоцѣнный кодексъ, XI вѣка, съ золотыми заглавіями и начальными буквами. № 79.

рая была естественной спутницей знаменитаго оратора, послужила поводомъ къ тому, что именемъ его обозначались въ послѣдствіи произведенія другихъ писателей, жившихъ въ разныя времена. Иногда Златоустъ предлагалъ поученія, не приготовивъ ихъ заранѣе. Неожиданное обстоятельство вызывало его убѣдительное слово, и раждающіяся мысли изливались во вдохновенной рѣчи*). При всемъ благоговѣніи къ витіи, слушатели, естественно, не могли удержать въ памяти все въ томъ видѣ, въ какомъ оно было произнесено. Вотъ гдѣ первый зародышъ того, что Златоусту стали приписывать мысли, имъ неодобренныя или по крайней мѣрѣ невыраженныя имъ вполнѣ. Отъ отдѣльныхъ мыслей легко было перейти съ теченіемъ времени къ цѣлымъ сочиненіямъ, и этотъ переходъ не замедлилъ совершиться. Имя Златоуста встрѣчалось все чаще и чаще на сочиненіяхъ подложныхъ (spuria), которыми ни одинъ изъ Отцевъ Церкви такъ не богатъ, какъ Златоустъ, именно въ слѣдствіе своей огромной извѣстности. Съ одной стороны могли впадать въ невольныя ошибки и добросовѣстные чтители памяти проповѣдника, съ другой — не остались безъ дѣйствія и своекорыстные разсчеты. Авторское самолюбіе, перебирая различные пути къ извѣстности, останавливалось на имени Златоуста, какъ на самомъ надежномъ ручательствѣ въ успѣхѣ произведенія. Поэтому въ разное время многіе изъ нищущихъ Грековъ выставляли имя своего достопамятнаго соотечественника на собственныхъ сочиненіяхъ, далеко несовершенныхъ. Кромѣ того спекулянты продавцы рукописей, чтобы

*) S. Ioannis Chrysostomi Opera, ed. *Montfaucon*. 1838. T. XII, pars altera. p. 586: «Saepe vidimus orantem Chrysostomum, grata concionis admurmuratione exceptum et frequenti plausu, cum maxime aliquid improvisum et inopinatum ad mores instituendas proferat...»

заманить покупателей, надписывали имя Златоуста на различныхъ книгахъ, обязанныхъ не ему своимъ происхожденіемъ *).

Такова была судьба твореній и замогильной славы св. Іоанна въ Греціи. Она отразилась и въ родственной Греціи по духу — древней Россіи; но отразилась не вполнѣ. Предки наши чтили, подобно Грекамъ, имя св. Іоанна, но нѣтъ фактовъ, которые доказывали бы, что они употребляли священное имя орудіемъ для своихъ личныхъ выгодъ. Да и вообще примѣры умышленныхъ псевдонимовъ встрѣчаются уже во времена раскола, когда отпадшіе отъ православія старались защитить свое мнѣніе какимъ-либо авторитетомъ. Такимъ образомъ явилось, какъ можно думать, имя Максима Грека на сочиненіяхъ вовсе несогласныхъ съ духомъ этого писателя.

Слава имени Златоустова распространилась въ Славянскомъ мірѣ весьма скоро по принятіи Славянами христіанства. Еще просвѣщенный Болгарскій царь Симеонъ († 927 г.) составилъ собраніе словъ Златоуста подъ названіемъ «Златоструй». Древнѣйшій списокъ этого собранія принадлежитъ XII вѣку, и находится въ Императорской Публичной библіотекѣ. Подобные сборники, хотя и менѣе строгіе въ выборѣ, встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ нашей литературѣ вѣковъ послѣдующихъ. Они носятъ родовое названіе *Златоустъ*. Причина такого перехода собственнаго имени лица къ нарицательному сборника, въ коемъ помѣщены произведенія не одного автора, заключается вѣроятно въ самомъ словѣ: *златоустъ*, выражающемъ довольно наглядно свойство краснорѣчиваго оратора. Здѣсь перенесеніе такъ же естественно, какъ въ названіи сборника *Пчелою* отъ имени его составителя,

*) Opera Chrysostomi, ed. Montfaucon. T. VIII, часть 2, стр. 605 и T. I, стр. VII.

Антонія, прозвищемъ *Пчелы* (Мелисса). Иногда въ сборникахъ, носящихъ имя Златоуста такъ много вещей не принадлежащихъ этому писателю, что самое названіе представляется вполнѣ метафорическимъ, въ родѣ названія: *Митридатъ*, которое придается филологическимъ сочиненіямъ, обнимающимъ многіе языки, отъ имени Понтійскаго царя Митридата, знавшаго, какъ говоритъ преданіе, двадцать два языка.

Высоко цѣня имя Златоуста, наши книжники не приписывали ему умышленно сочиненій, которыя, по ихъ крайнему разумѣнію, рѣшительно не могли ему принадлежать. Правда, въ рукописяхъ часто стоитъ имя св. Іоанна надъ твореніями другихъ писателей; но искренность переписчиковъ въ этомъ отношеніи видна уже изъ того, что не одному І. Златоусту, а и другимъ изъ соплеменныхъ ему писателей приписываются чисто-русскія сочиненія, и притомъ такихъ лицъ, имена которыхъ никакъ не могли уменьшить цѣнности сочиненія. Такъ во многихъ спискахъ «Златоуста» названы поученіями св. Іоанна Златоуста слова Кирилла Туровскаго: въ 5-го недѣлю по Пасхѣ, на Вознесеніе Господне, и другія. Въ спискѣ XVI вѣка, принадлежащемъ Московской Духовной Академіи, Іоанну Златоусту приписано слово нашего Серапіона, начинающееся такъ: «Многу печаль в сердцы своем вижю васъ дѣлѧ, чада моя, понеже вижю вы не пременишас ѿ дѣлъ своих неподобных. Не тако бо скорбить мати видѧща чада своѧ болѧща, яко азъ грѣшныи ѿць вашь....» *). Но въ древнѣйшемъ спискѣ, XIII вѣка, въ одномъ изъ приведенныхъ словъ Кирилла Туровскаго

*) Ср. Въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцевъ. М. 1843, Ч. I. стр. 103. Слово епископа Серапіона напечат. изъ «Златой Чепи». Варіанты академической рукописи въ родѣ слѣдующихъ: *сердцы, дѣля, вижю вы не пременишася* вмѣсто: *сердци, ради, никакоже вы премѣнившася*, и т. п.—въ Златой чепи.

вовсе не означено имени автора: слѣдовательно не было мысли о подлогѣ. Иногда замѣненіе менѣе извѣстнаго имени болѣе извѣстнымъ, могло бы казаться выгоднымъ для владѣльца рукописи, желавшаго ее сбыть. Имена *Ѳеодосія Кіевскаго*, *Серапіона Владимірскаго*, *Іосифа Волоколамскаго*, безъ сомнѣнія, болѣе знакомы были любому изъ Русскихъ читателей, и живѣе говорили его набожному чувству, нежели имена *Тита Вострьскаго* (Τίτου ἐπίσκοπου Βόστρων) и подобныя. Не смотря на то, имена иностранныя, стоявшія въ оригиналѣ, большею частью удержаны переписчиками въ точности, съ неизбѣжными только фонетическими измѣненіями.

Но если не умысломъ, то чѣмъ же можно объяснить ошибку нашихъ переписчиковъ, отмѣчавшихъ именемъ Іоанна Златоуста сочиненія своихъ соотечественниковъ? Это объясняется прежде всего обычнымъ отсутствіемъ имени Русскаго автора на его автографѣ или на первомъ спискѣ его труда. Оно было причиною, что имя автора должно было ставиться по соображенію. Изъ круга писателей, доступныхъ соображенію составителей сборника, вниманіе послѣднихъ всего скорѣе могло остановиться на имени Златоуста, издавна пріобрѣвшемъ извѣстность и почетъ въ русскомъ читающемъ мірѣ. Особенное уваженіе предковъ нашихъ къ Златоусту обнаруживается въ признаніи его главнѣйшимъ источникомъ духовнаго просвѣщенія, высказанномъ еще въ XIII вѣкѣ, представителемъ русской образованности. Обращаясь къ слушателямъ, Серапіонъ говоритъ: «Не послушахомъ Еуангелья. Не послушахомъ Апостола. Не послушахомъ Пророкъ. Не послушахомъ свѣтилъ великихъ, рку: Василья, и Григорья Богословца, Іоанна Златоуста....» *). Слова Іоанна Златоуста, вмѣстѣ съ

*) Прибавленія къ твореніямъ Св. Отцевъ. М. 1843. Ч. I. стр. 98.

ученіемъ Апостоловъ, служили основаніемъ нравственныхъ убѣжденій. При описаніи убіенія князя Андрея Суздальскаго (1175), лѣтописецъ приводитъ, какъ нарушенную заповѣдь, слова Апостола Павла и Іоанна Златоуста: «Пишеть Апостолъ Павелъ: всяка душа властемъ повинуется, власти бо отъ Бога учинены суть. Рече *великій Златоустець*: иже кто противится власти, противится закону Божію, князь бо не туне носить мечь, Божій бо слуга есть» *). Хотя уваженіе къ Златоусту было на Руси всеобщимъ, но отчетливое сознаніе его заслугъ и особенностей его краснорѣчія доступно было далеко не всѣмъ и каждому. Были въ древней Россіи люди, понимавшіе значеніе Греческихъ христіанскихъ писателей, и пользовавшіеся ихъ произведеніями именно въ той мѣрѣ, въ какой дозволяли условія Русскаго быта. Къ числу такихъ людей принадлежалъ, напримѣръ, Кириллъ Туровскій. Но было бы несправедливо образованность одного изъ первостепенныхъ дѣятелей нашей древней словесности отнести ко всѣмъ его современникамъ и потомкамъ. Вѣрнѣе допустить, что степень литературнаго образованія была у предковъ нашихъ весьма неодинакова. Люди, особенно преданные книжному ученію, читали и перечитывали Златоуста со всевозможнымъ вниманіемъ. Люди, имѣвшіе менѣе способовъ или охоты заниматься чтеніемъ, довольствовались общимъ понятіемъ о твореніяхъ Отцевъ Церкви, не входя въ характеристическія подробности. Въ этомъ отношеніи съ понятіями о духѣ писателя могло произойти тоже, что съ извѣстіями о его жизни. Эти извѣстія повторялись въ древней Россіи, и наши лѣтописцы пользовались ими при случаѣ, повѣствуя о событіяхъ

*) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. II. Ипатіевская лѣтопись. стр. 115.

домашнихъ. Такъ при описаніи изгнанія Новгородскаго епископа въ 1211 году употреблено сравненіе съ Златоустомъ, подвергавшимся также изгнанію. «Злодѣй испьрва не хотя добра,—говорится въ лѣтописи—зависть вьложи людьмъ на архіепископа Митрофана съ князьмъ Мьстиславомъ; и не даша ему правитися, и ведоша и въ Торопьць; онъ же то прія съ радостію, яко Іоаннъ Златоустьць и Григорій Акраганьскыи, тую же исъпрія печаль славя Бога» *). Но если жизнь Златоуста и сохранялась въ памяти его читателей, то безъ сомнѣнія не у всѣхъ съ одинаковою вѣрностію и полнотою. Частности извѣстны были людямъ образованнѣйшимъ, свѣдѣнія другихъ ограничивались общими чертами. Изъ этихъ чертъ долѣе могли сохраниться въ памяти тѣ, въ которыхъ выражается его характеръ, какъ христіанина вообще, нежели тѣ, коими обнаруживается великій ораторъ и государственный человѣкъ Византіи IV вѣка. Болѣе общедоступными были такія черты, какъ бесѣда Златоуста съ матерью, ссылка его и т. п. Первая черта тѣмъ сильнѣе могла остаться въ памяти, что напоминала подобное положеніе въ жизни Русскаго подвижника, Пр. Ѳеодосія. И Ѳеодосія, какъ Златоуста, мать удерживала отъ поступленія въ монашество, и по этому поводу происходили у обоихъ трогательныя свиданія съ матерями. Мать Златоуста, говорится въ его житіи, «поимъши его за руку, введе и в ложніцȣ свою, и сѣдши въскраи одра, на немъ же бѣ родила и, рѣками слезы лиющі и словеса жалостнаа предлагающи, глаше къ нему: ...егда же ма земли придаси и с костьми отца своего совокупиши, тогда твори, якоже хоще-

*) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. III. Новгородск. 1-я лѣтопись. стр. 31.

ши» *). Жизнеописатель Өеодосія, Несторъ, такимъ образомъ передаетъ бесѣду Өеодосія съ матерью: «Она же видевше сына своего, охопивши же ся имъ надолзѣ плакася горко. И одва мало утѣшившися, сѣде и нача увѣщевати Христова слугу глаголюще: поиди, чадо, в домъ свои, и еже ти на потребу и на спасенье души, да дѣлаеши в дому си по волѣ своеи; токмо-же не отлучаися отъ мене; и егда умру, ты же погребеши тѣло мое, ти тогда възвратишися в пещеру сию, якоже хощеши» **).

Какъ о жизни Златоуста у людей не вполнѣ образованныхъ могли удержаться только общія свѣдѣнія, такъ о характерѣ его сочиненій могла остаться только общая, болѣе или менѣе вѣрная, идея. Замѣчая даже при бѣгломъ чтеніи Златоуста необыкновенную живость и ясность въ изложеніи и красоту плавной рѣчи, они до того сблизили въ своемъ понятіи эти качества съ личностію Златоуста, что всякое сочиненіе, въ которомъ находили ихъ, готовы были считать его произведеніемъ. Понятно послѣ этого, что такой цвѣтистый ораторъ, какъ Кириллъ Туровскій, могъ произвести въ своихъ читателяхъ впечатлѣніе, напомнившее имъ прекрасныя бесѣды Златоуста. И едва ли должно считать рѣшительными невѣжами людей, сближавшихъ въ своемъ воззрѣніи Кирилла Туровскаго съ Іоанномъ Златоустомъ. Невѣжа приписалъ бы сочиненіе вмѣсто Кирилла какому нибудь «Крону» или «крину», какъ вмѣсто *Несторъ* писалъ *не стерпѣвъ*, вмѣсто *Іоніи — отъ нихъ*, вмѣсто: *се роду* и рожаницѣ краютъ — *середу*; приписать же Златоусту могъ только человѣкъ съ извѣстною идеею объ этомъ писателѣ. Правда, онъ руководствовался въ

*) Житіе Златоуста, списанное Георгіемъ, патріархомъ Александрійскимъ. Рукопись XVI в. № 280 въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

**) Русскій историческій Сборникъ. Т. IV. Книжка 4. *Несторъ*, соч. Кубарева. стр. 452.

этомъ случаѣ инстинктомъ, но самый интинктъ, чтобы получить возможность дѣйствовать, требуетъ уже нѣкоторой начитанности. И потому не скорѣе ли можно согласиться съ тѣмъ, что въ числѣ нашихъ переписчиковъ были и такіе, которые, любя чтеніе, довольствовались первымъ впечатлѣніемъ при чтеніи и безъ дальнихъ справокъ переводъ принимали за оригинальное сочиненіе и на оборотъ. Несправедливо было бы считать переписчиковъ людьми вполнѣ образованными, но также несправедливо всѣхъ ихъ безъ исключенія называть грубѣйшими невѣжами. Признаніе произведеній Кирилла Туровскаго за сочиненія Златоуста, о которомъ мы упомянули, находитъ свое оправданіе во взглядѣ даже современныхъ намъ ученыхъ. Они признаютъ, что Кириллъ Туровскій былъ достойный подражатель знаменитаго Константинопольскаго патріарха *); что слова его проникнуты духомъ и витійствомъ Златоуста **). Не только на твореніяхъ Кирилла Туровскаго или Серапіона, но и на сочиненіяхъ, несравненно слабѣйшихъ по литературному достоинству, имя Златоуста не обличаетъ въ переписчикѣ отсутствія всякаго соображенія и начитанности. Не одно изъ подобныхъ сочиненій имѣетъ признаки, показывающія, что и составленіе и переписка его не была дѣломъ людей совершенно чуждыхъ образованности — по тогдашнимъ скромнымъ ея требованіямъ. Къ числу такого рода произведеній принадлежатъ и такъ называемыя «слова о женахъ», находящіяся въ значительномъ количествѣ въ нашихъ рукописяхъ. Встрѣчая на какомъ либо изъ этихъ словъ, очевидно принадлежащихъ Русскимъ авторамъ, имя Златоуста, удивляешься наивности стариннаго нашего грамотѣя. Но если,

*) Памятники Россійской Словесности XII вѣка, стр. IX.
**) Исторія Русской Церкви, 1849. Періодъ I-й, стр. 69.

не останавливаясь на первомъ впечатлѣніи, принять во вниманіе тѣ данныя, которыя сохранились о нашей образованности XV и XVI вѣка, то сама собою явится мысль, что ошибка переписчика XV или XVI вѣка не можетъ быть признана до такой степени грубою для своего времени, до какой слѣдовало бы признать ее въ наше время Рукописныя «слова о женахъ» обязаны своимъ происхожденіемъ частью знакомству авторовъ съ твореніями Соломона, Сираха, Златоуста, частью собственной наблюдательности Русскихъ авторовъ. Нѣкоторыя изъ твореній Златоуста, а также притчи Соломона и Сираха, заключаютъ въ себѣ обличеніе женщинъ, забывающихъ свое назначеніе, и въ этихъ укоризнахъ «злымъ женамъ», таится источникъ взгляда на женщинъ, выраженнаго въ «словахъ о женахъ» и въ самомъ Словѣ Даниила Заточника. Въ «словахъ о женахъ» заимствованная мысль получала обстановку сообразную съ личнымъ взглядомъ и понятіями Русскаго книжника. Переписчики же, не задавая себѣ труда сличать нѣсколько произведеній, имѣющихъ общія черты, приписывали сочиненія на одну и туже тему одному и тому же автору. Къ такому заключенію склоняетъ приводимое ниже мнимое слово Іоанна Златоуста, если сравнимъ оное съ произведеніемъ, которое, по всей вѣроятности, было причиною псевдонима.

Слово, приписываемое І. Златоусту носитъ заглавіе въ Греческомъ текстѣ—«На усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи», а въ Славянской рукописи — «о женахъ злыхъ и самовольныхъ». Греческій подлинникъ изданъ Монфокономъ въ числѣ подложныхъ (spuria). Славянскій переводъ находится въ «Златоструѣ» XVI в., въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Предлагаемъ въ сокращеніи и подлинникъ и переводъ.

Εἰς τὴν ἀποτομὴν τοῦ προδρόμου καὶ Βαπτιστοῦ Ἰωάννου, καὶ εἰς τὴν Ἡρωδιάδα.

Πάλιν Ἡροδιὰς μαίνεται, πάλιν ταράττεται, πάλιν ὀρχεῖται, πάλιν ἐπιζητεῖ τὴν κεφαλὴν Ἰωάννου τοῦ Βαπτιστοῦ ἀνόμως ὑπὸ Ἡρώδου ἀποτμηθῆναι. Πάλιν Ἰεζαβελ περιέρχεται ζητοῦσα τοῦ Ναβουθαὶ τὸν ἀμπελῶνα ἁρπάσαι, καὶ τὸν ἅγιον Ἠλίαν καταδιῶξαι ἐπὶ τὰ ὄρη. Οἶμαι δὲ μὴ μόνον ἐμὲ εἰς ἔκστασιν τυγχάνειν, ἀλλὰ καὶ πάντας ὑμᾶς τοὺς ἀκούοντας τῆς τοῦ ἐυαγγελίου φωνῆς, καὶ θαυμάζειν σὺν ἐμοὶ τὴν μὲν Ἰωάννου παῤῥησίαν, τὴν δὲ Ἡρώδου κουφότητα, καὶ τὴν τῶν ἀθέων γυναικῶν θηριώδη μανίαν. Τί γὰρ ἠκούομεν; Ὁ γὰρ Ἡρώδης κρατήσας τὸν Ἰωάννην, ἔθετο ἐν φυλακῇ. Διά τι; Διὰ Ἡρωδιάδα γυναῖκα Φιλίππου τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ. Καὶ ψέξειεν ἂν τις τὴν Ἡρώδου κουφότητα ὑπὸ δυστήνων γυναικῶν παραχθεῖσαν. Τί δ' ἂν τις ἔιποι, ἢ πῶς τις ἐκφράσειε τὴν τῶν γυναικῶν ἐκείνων ἀκόλαστον πονηρίαν; Ἐμοὶ μὲν δοκεῖ μηδὲν εἶναι ἐν κόσμῳ θηρίον ἐφάμιλλον γυναικὸς πονηρᾶς. Ἀλλὰ νῦν ἐμοὶ περὶ πονηρᾶς ὁ λόγος, οὐ περὶ ἀγαθῆς καὶ σώφρονος. Οἶδα γάρ πολλὰς εὐσχήμονας καὶ ἀγαθάς, ὧν με δεῖ μνημονεῦσαι τὸν βίον πρὸς οἰκοδομὴν

Иже во стых Ѡца ншго Іонна Златаоустаго о женах злых и самовластныхъ и ꙗзычных и бгобоиных. Блгви Ѻче.

Пакы Иродиꙗ бѣситсꙗ, пакы моутитсꙗ и пакы матетса; пакы мещет', пакы просит' главы Іоанна кртла безаконно Ѿ Ирода оусѣкноути. Пакы Иезавель приходитъ просаще Наоуфѣева винограда разграбити и стго Ілью на горы прогнати. Горе мнѣ! Да не единомоу мнѣ во оужасѣ быті, но всѣмъ вам' слышащимь ѐѵльскыи глас, и со мною чюдитиса Іоаннову приходу, а Иродовоу безумию, и безоумных жен' бестоудномоу бесованію. Что бо нынѣ слышахомъ? Ꙗко Ирод рече: емъ Іѡнна, всади в' темницу. Почто? Іродіа дѣла жены брата своего Филиппа: ибо хоулаше все Іродово безуміе Ѿ жены обладаемо. Что оубо кто речетъ или како изглет женъ ѡнѣх' неукротимое бѣсовьство! Мнѣ са мнитъ, ꙗко никыи же звѣрь в мирѣ равен' есть женѣ льстиве. Ннѣ же мнѣ о женѣ злѣи льстивѣи слово, а не ѡ добрѣи цѣломдръней, ихже бы

καὶ ἔρωτα τῶν καλῶν. Οὐδὲν τοίνυν θηρίον ἐν κόσμῳ ἐφάμιλλον γυναικὸς πονηρᾶς. Τί λέοντος δεινότερον ἐν τετραπόδοις; Ἀλλ' οὐδέν. Τί δε ὠμότερον δράκοντος ἐν ἑρπετοῖς; Ἀλλ' οὐδέν. Πλὴν καὶ λέων καὶ δράκων ἐν τῷ κακῷ ἐλάττω τυγχάνουσι. Καὶ μάρτυρεῖ μου τῷ λόγῳ ὁ σοφώτατος Σολομών, λέγων· Συνοικῆσαι λέοντι καὶ δράκοντι εὐδόκησα, ἢ μετὰ γυναικὸς πονηρᾶς καὶ γλωσσώδους. Καὶ ἵνα μὴ νομίσῃς τὸν προφήτην εἰρωνείᾳ εἰρηκέναι, ἐξ αὐτῶν τῶν πραγμάτων κατάμαθε ἀκριβῶς. Τὸν Δανιὴλ ἐν τῷ λάκκῳ οἱ λέοντες ἠδέσθησαν, τὸν δὲ δίκαιον Ναβουθαὶ Ἰεσάβελ ἐφόνευσε· τὸ κῆτος τὸν Ἰωνᾶν ἐν τῇ κοιλίᾳ ἐφύλαξε; Δαλιδὰ δὲ τὸν Σαμψὼν εὑρήσασα καὶ δήσασα, τοῖς ἀλλοφύλοις παρέδωκε· δράκοντες καὶ ἀσπίδες καὶ κεράσται τὸν Ἰωαννὴν ἐν τῇ ἐρήμῳ ἐτρόμασαν, Ἡρωδιὰς δὲ αὐτὸν ἐν ἀρίστῳ ἀπέτεμεν· οἱ κόρακες τὸν Ἠλίαν ἐν τῷ ὄρει διέθρεψαν, Ἰεσάβελ δὲ αὐτὸν μετὰ τὴν εὐεργεσίαν τοῦ ὑετοῦ πρὸς φόνον ἐδίωκε. Τί γὰρ ἔλεγεν; Εἰ σὺ Ἠλιοὺ, καὶ ἐγὼ Ἰεζάβελ· τάδε ποιήσαισάν μοι οἱ θεοὶ, καὶ τάδε προσθείησαν, εἰ μὴ αὔριον ταύτῃ τῇ ὥρᾳ θήσομαι τὴν ψυχήν σου, ὡς ἑνὸς τῶν τεθνηκότων· Καὶ ἐφοβήθη Ἠλίας, καὶ ἐπορεύθη κατὰ τὴν ψυχὴν αὐτοῦ, καὶ ἀπῆλθεν εἰς τὴν ἔρημον ὁδὸν ὑμερῶν τεσσαράκοντα. Καὶ ἦλθεν ὑπο Ῥαθμὲν, καὶ ἠτήσατο τὴν ψυχὴν αὐτοῦ ἀποθανεῖν, καὶ εἶπε· Κύριε ὁ θεὸς, ἱκανούσθω μοι νῦν, λάβε τὴν ψυχήν μου ἀπ' ἐμοῦ, ὅτι οὐ κρείσσων ἐγὼ ὑπὲρ τοὺς πατέρας μου. Ο οἴμοι· ὁ προφήτης Ἠλίας ἐφοβήθη γυναῖκα; ὁ τὸν ὑετὸν τῆς οἰκουμένης ἐν τῇ γλώττῃ βαστάζων, ὁ πῦρ οὐρανόθεν κατενέγκας,

пакы скажю жизнь на пльзоу и любовь блгымъ. Никыиже оубо звѣрь точенъ женѣ лоукавѣ. Что бо лва злѣе во четвероногых? Нѣсть ничтоже. Что ли страшнѣе зміа в плъжющих? Нѣсть ничтоже Токмо жена зла и льстива. Лев' бо и зміи вльми хоуждьше соуть жены прокоудивы: свѣдитель бо ми моудрым Соломон' глаи: лоуче жити съ лвоми с медвѣдем в поустыни, нежели сь женою льстивою и ıазычною *). И да не мниши игру реченіа та, но ωпытаи бывшаа ѿ них злобы, і познаеши истинну: Данила льви в ровѣ оустыдишаса, а праведнаго Наоуфеа Іезавель оуби; китъ Іоноу въ оутробѣ сохрани, Далида же Самьпсона остригши иноплеменникомъ предасть; змиеви і аспиди и керастари в пѹстыни Іωанна снабдѣша, Иродіа же на обѣдѣ главоу его ѿсече; врани Ілию в горѣ прекръмиша, Іезавель по блгодати дождевнѣи оубити его искааше. Что бо глаше, аще ты Иліа, аз же Іезавель. Тако да сотвораеm ми бзи и се да приложат ми, аще оутро в сіи часъ не положоу дше твое, ıако единого ѿ оумръшых сих, і оубоıавса Ілиа, иде на дшѹ-свою и пріиде в гороу, и проси дше своеи смрти, и рече: Гди Бже мои! довлѣет ми нинѣ, возми оубо дшѹ мою ѿ мене, ıако нѣсмь азъ болін отць своих. Оувы мнѣ! Пррк Илиа оубоıаса жены, иже дождь на ıазыцѣ носа

*) Въ «Сборникѣ Паисіевскомъ» Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря находится такое же мѣсто въ Словѣ *о Іродіадѣ и о злыхъ женахъ*: «Никия же звѣрь убо подобенъ есть женѣ злѣи язычнѣи. Что лютѣе льва в четвероножных, что ли горшее в полаущих ядоватыя змѣи; яко левъ и змия хуже ес̃ злыя жены язычныя, свидѣтельствуеть бо ми мудрый гля: луче есть со львомъ в пустыни жити, нежели съ женою злою». См. *Шевырева* Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. 1850. Часть 2, стр. 39.

καὶ δι' εὐχῆς νεκροὺς ἐνείρας, ἐφοβήθη γυναῖκα; Ναί, ἐφοβήθη. Οὐδεμία γὰρ κακία συγκρίνεται γυναικὶ πονηρᾷ. Μαρτυρεῖ δέ μου τῷ λόγῳ ἡ Σοφία λέγουσα, ὅτι Οὐκ ἔστι κεφαλὴ ὑπὲρ κεφαλὴν ὄφεως, καὶ οὐκ ἔστι κακία ὑπὲρ κακίαν γυναικός. Ὁ τὸ κακὸν τοῦ διαβόλου καὶ ὀξύτατον ὅπλον· διὰ γυναικὸς ἐξ ἀρχῆς τὸν Ἀδὰμ ἐν παραδείσῳ κατέρωσε· διὰ γυναικὸς τὸν πραότατον Δαυὶδ πρὸς τὴν τοῦ Οὐρίου δολοφονίαν ἐξέμηνε· διὰ γυναικὸς τὸν σοφώτατον Σολομῶντα πρὸς παράβασιν κατέστρωσε· διὰ γυναικὸς τὸν ἀνδρειότατο. Σαμψῶνα ξυρήσας ἐτύφλωσε· δία γυναικὸς τοὺς υἱοὺς Ἠλεὶ τοῦ ἱερέως ἠδάφησε· διά γυναικὸς τον εὐγενέστατον Ἰωσὴφ ἐν φυλακῇ δεσμεύσας κατέκλεισε· διὰ γυναικὸς τὸν παντὸς κόσμου λύχνον Ἰωάννην ἀπέτεμε. Τί δὲ λέγω περὶ ἀνθρώπων; Διὰ γυναικὸς τοὺς ἀγγέλους οὐρανόθεν κατέβαλε· διὰ γυναικὸς πάντας κατασφάζει, πάντας φονεύει, παντας ἀτιμάζει, πάντας ὑβρίζει. Γυνὴ γὰρ ἀναιδὴς οὐδενός φείδεται· οὐ Λευΐτην τιμᾷ, οὐχ ἱερέα ἐντρέπεται, οὐ προφήτην αἰδεῖται. Ὁ κακὸν κακοῦ κάκιστον γυνὴ πονηρά. Κἂν μὲν πενιχρὰ ᾖ, τῇ κακίᾳ πλουτεῖ· ἐὰν δὲ πλοῦτον ἔχῃ τῇ πονηρίᾳ συνεργοῦντα, δισσὸν τὸ κακὸν, ἀφόρητον τὸ ζῶον, ἀθεράπευτος νόσος, ἀνήμερον θηρίον. Ἐγὼ οἶδα καὶ ἀσπίδας, κολακευομένας ἡμεροῦσθαι, καὶ λέοντας καὶ τίγρεις καὶ παρδάλεις τιθασσευομένας πραΰνεσθαι· γυνὴ δὲπονηρὰ καὶ ὑβριζομένη μαίνεται, καὶ κολακευομένη ἐπαίρεται. Κἂν ἔχῃ ἄνδρα ἄρχοντα, νύκτωρ καὶ μεθ' ἡμέραν τοῖς λόγοις αὐτὸν ἐκμοχλεύουσα πρὸς δολοφονίαν ὀξύνει, ὡς Ἡρωδιὰς τὸν Ἡρώδην· κἂν πένητα

всея вселеннѣи, иже огнь словомь с нбсе сведе и млтвою мртвеца воставивъ, оубоялися жень, ея оубояся. Ни едина бо злоба сравнается злобѣ женьстѣи: послѹшеетвѹеть бо ми словесе мдрть глющи: нѣсть главы иноа, паче главы зміевы, и нѣсть злобы паче злобы женьскы. ѡле злое діаволе острое ороужіе! Женою Адама ис породы изверже; женою кроткаго Двда на оубіеніе Оурінно сотвори; женою премудраго Соломана на престоупленіе соврати; женою доблаго Самьфона остриг' ослѣпи; женою цѣломоудренаго Іосифа свазавъ в темници за твори; женою всего міра свѣтилника Іѡанна оусѣкнѹ. Что же глю о члвцѣх: женою бо и аггли с горы долоу сверже. Жены ради вся оубивает', вся заколаеть, вса которает' и безчествуетъ. Жена бо бестудна никогож не ѡбинуетса, ни црквника чтет', ни чистителя срамлаетса, ни пророка стыдится. Ѡле зло всего зла злѣе — жена злаязычна: аще бо нища есть, то спону имать оубожіа ради, аще ли бгатство имать, и то злобѣ ея помагает'. Трегубо зло, тажек живот. Аз видѣх аспиды кротимы и кротишаса; жена жс лоукава и сварлива всегда бѣсится и кротима высится. Аще ли имать моужа боярина, нощь и день възострает срдце емоу на прелестное оубіиство оустащи, якоже Иродіа Ирода. Аще ли

ἔχῃ ἄνδρα, πρὸς ὀργὰς καὶ μάχας αὐτὸν διεγείρει· κἂν χήρα τυγχάνῃ, αὐτὴ δι' ἑαυτῆς τοὺς πάντας ἀτιμάζει. Φόβῳ γὰρ Κυρίου οὐ χαλινοῦται τὴν γλῶτταν, οὐκ εἰς τὸ μέλλον κριτήριον ἀποβλέπει, οὐκ εἰς Θεὸν ἀναβλέπει, οὐ φιλίας οἶδε θεσμοὺς φυλάττειν. Οὐδέν ἐστι γυναικὶ πονηρᾷ τὸν ἴδιον ἄνδρα παραδοῦναι εἰς θάνατον....... Ἀλλὰ περὶ πονηρᾶς γυναικὸς ὁ λόγος ἄχρι τούτου ἐχέτω ὅρον. Δεῖ δὲ ἡμᾶς μνημονεῦσαι καὶ τὰς ἀγαθὰς, μάλιστα διὰ τὰς παρούσας. Αἱ γὰρ ἀγαθαὶ τὰς τῶν ἀγαθῶν ἀρετὰς ὡς ἰδίας ὁρῶσι, καὶ τοὺς ἐκείνων πόνους ὡς ἰδίους στεφάνους εἶναι λογίζονται. Γυνὴ ἀγαθὴ καὶ φιλόξενος ἦν ἡ μακαρία Σουμανῖτις, ἥτις τὸν ἄνδρα παρακαλέσασα, δωμάτιον ᾠκοδόμησε τῷ Ἑλισσαίῳ, ἵνα διερχόμενος ἀκωλύτως ἔχῃ τὴν ἀνάπαυσιν..... Ἠκούσατε, γυναῖκες, τὰς τῶν πονηρῶν γυναικῶν πράξεις, καὶ τὰς τῶν ἀγαθῶν ἀρετάς. Τὰς μὲν οὖν ἀγαπήσατε, τὰς δὲ μὴ ποθήσατε· καὶ τὰς μὲν μιμήσασθε, τὰς δὲ μισήσατε, ἵνα τὸν αὐτῶν δρόμον, τῶν καλῶν λέγω, ἰχνηλατήσαντες, εἰς τὸν αὐτὸν τῶν ἁγίων χορὸν ἀριθμηθῆτε ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ τῷ Κυρίῳ ἡμῶν, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν.

(S. Ioannis Chrysostomi Opera omnia ....op. et stud. Bernardi de *Montfaucon*. Parisiis. 1837. Tomus Octavus, pars altera. p. 609—614).

ница имать моужа, на дръзновение и на котыры вставлаеть. Аще ли вдова есть, сама собою вса безчествует. Страхом Божіимь не воссластит си языка, ни на боудоущее соудище взирает, ни любовного вѣсть хранити закона, но и присного моужа предаваеть на смр҃ть..... Но еже ѡ злых женахъ слово до здѣ имамъ оуставити. Лѣпо же намь поманоути і о бл҃гых, паче же ѡ здѣ сущых. Бл҃гыа бо во бл҃гыхъ добрѣ видыще и сами са онѣхъ нравы красаще, и онѣхъ троуды своя соуща вѣнца г҃лють. Жена добра и моужа спсет: помысли бл҃жинноую Соуманитаныню, яже мужа оумоливши возъгради храмину Іелисѣеви, да прихода бес сумнѣніа имать покоище..... Слышасте оубо злых женъ дѣла и бл҃гыхъ жен доброты. Да сіа любите и дѣлъ их желаите и нравъ их подражаите, а дроугыя злыя жены возненавидите, да таковых злыхъ искусъ не пріиметь, но бл҃гых житіе свое скончавше, и в той ст҃ыи ликъ внидѣте о Хрістѣ о Господе нашемъ, Ему же слава, честь и дръжава коупно съ Ѿцемъ и съ Сватымъ и благымъ и животворащим Духомъ всегда и нн҃ѣ и присно і во вѣкы вѣком. Амінь. (л. 366—370).

Слово о женахъ.

Егда загорится храмина, чѣмъ ее гасити? водою. Что болѣ воды? вѣтръ. Что болѣ вѣтра? гора. Что силнее горы? человѣкъ. Что болѣ можетъ человѣка? хмель: отъимаетъ руки и ноги. Что лютѣе хмелю? сонъ. Что лютѣе сна? жена зла. Аще ли будетъ жена зла (ошибкою вмѣсто *добра*), да боится Бога и послушаетъ мужа своего во всемъ. *Аще ли будетъ жена зла, то не боится Бога, да ни мужа своего, ни ст҇ля чтитъ, и не срамляется никогоже*, ни очію на небо къ Богу не возводитъ, ни закона Божія не знаетъ, но всякого осужаетъ и всякого коритъ, и *нѣсть злобы паче женьскыя злобы. О злое оружіе діаволе*, стрела сатанина с чемерью. Зло есть змія скоропія и змiа ехидна, того всего злѣе злаа жена на мужа своего. Змія бо идетъ къ ч҇лку и боится его и бежитъ ѿ него, а жена злая возле мужа лежитъ, а дыпитъ на него зміевымъ д҇хомъ. Червь древо сушитъ, а жена зла мужа погубитъ. Како во оутлѣ лоди ѣздити, такъ з безумною женою жити. *Лутше со лвом в пустыни жити, нежели со злою женою* *). Первое Адама жена погубила, Илью пророка в пустыню загнала. *Іоанна кр҇тителя звѣри в пустыни боялися, а злая жена главу ему усѣкнула. Іоаннъ в пустынях укротилъ звѣри: левове, иногове и медвѣди, а жена злая неукротимый звѣрь.* Царя Соломона нѣсть премудрее на земли, и того жена прельстила: идоломъ поклонилъся. Менандръ рече: аще ли хощеши бес печали быти, не женися. Едино ти удержати плоть свою отъ похоти женскія; аще кто можетъ уятися, да не женится: претерпѣвъ до конца спасется, а подавъ себѣ волю погу-

*) Ср. Сирах. XXV, 18: Лучше жити со львомъ и зміемъ, неже жити с женою лукавою.

бится. Аще ти поимется жена добра, то умъ твой цѣлъ есть и не разстроится ни в чемъ. Куды идеши или плаваеши, о дому ся о своемъ не печалуй ни в чемъ, а коли домо бѫдеши, о добрѣ женѣ обрадуешися; и ѡ детех своих, и на чюжжю радость не ходи: радость у тебя по вся дни дома есть. Аще кому жена зла за грѣхи дасться, что ти ити надъ чюжимъ мр҃твецем плакатися: плачь у тебя дома по вся дни. Аще ти и слезы не текутъ, ино ср҃дце плачетъ. И в люди идеши, а унываеши; люди веселятся, а ты скорбиши. И уповай на Бога всѣмъ срдцемъ и спасешися. Ему же слава и в вѣкы вѣком. Аминь.

При разсмотрѣніи состава приведеннаго слова замѣтно, что однимъ изъ источниковъ его было слово въ Златоструѣ. Мѣста, напечатанныя курсивомъ, суть видимыя заимствованія изъ Златоструя. Напечатанныя же капителью заимствованы изъ слова Даиила Заточника и также съ нѣкоторою передѣлкою. Вмѣсто: «червь бо древо тлитъ, а злая жена домъ мужа своего теряетъ», какъ у Заточника, читаемъ: «червь древо сушитъ, а жена зла мужа погубитъ». Въ Притчахъ Соломона находится такое же сравненіе (XII, 4): «Якоже в древѣ червь, тако мужа погубляетъ жена злотворная». Вмѣсто: «лутчи есть во утлѣ лодьѣ по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати» — «Како во оутлѣ лоди ѣздити, такъ з безумною женою жити». Вообще при заимствованіяхъ въ авторѣ примѣтна своего рода самостоятельность: онъ пользовался чужою мыслію, придавая собственное выраженіе. Заключеніе слова съ изреченіемъ Менандра взято изъ Пчелы, а начало носитъ слѣды вліянія народной поэзіи. Первый мотивъ могъ быть заимствованъ и изъ вопросовъ въ Златоструѣ: «Что злѣе льва въ четвероногихъ? Что страшнѣе змѣи въ пресмыкающихся»? Распространенная

же форма находится въ связи съ обычною формою загадокъ, древность которой открывается въ удержаніи ея въ народной словесности многихъ нашихъ соплеменниковъ, не говоря уже о другихъ Европейскихъ народахъ. Въ старину загадка вовсе не была такою наивною вещью, какъ въ наше время. Люди весьма почтенные повторяли ее съ достоинствомъ, какъ повторяли и такія изреченія: «ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна» и тому подобныя, которые у писателей XVIII вѣка начали уже отзываться общими мѣстами. Въ духовныхъ стихахъ, стоявшихъ, по понятію предковъ нашихъ, такъ высоко въ сравненіи съ обыкновенными свѣтскими, встрѣчаются обороты въ родѣ употребленныхъ въ нашемъ словѣ. Въ «Евангелистой Пѣснѣ» двѣнадцать разъ произносится вопросъ о таинственномъ смыслѣ чиселъ: «повѣдайте, что есть единъ», «повѣдайте, что есть два», и т. д.,—на что и слѣдують отвѣты. Въ стихѣ «о голубиной книгѣ» разрѣшаются вопросы: «коя рѣка всѣмъ рѣкамъ мати», «коя гора всѣмъ горамъ мати», «кое древо всѣмъ древамъ мати» и т. п. *). Что же касается до

---

*) Русскіе народн. стихи, собр. *Кирѣевскимъ*. Чтенія Московскаго Общества Исторіи и древностей. 1848. № 9. стр. 187—193. Г. Буслаевъ (въ статьѣ своей, помѣщенной въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Калачовымъ. Книжка 1-я. 1850. Отдѣленіе 4. стр. 21 — 22) указалъ отношеніе стиха о Голубиной книгѣ къ его письменному источнику. Г. Буслаевъ приводитъ мѣста для сличенія рукописнаго Сборника XVI в. Въ стихѣ представляются разговаривающими пророкъ Давыдъ и князь Владимиръ; въ Сборникѣ Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ. Такой же разговоръ вписанъ и въ Сборникѣ XVI в. Троицко-Сергіевой Лавры подъ заглавіемъ:

«Слово Св. Григорія Богослова и Василія Кесарійскаго, І. Златоуста вспрос и ѿвѣт.» На вопросъ *Г.*: отъ колика частей създанъ бысть Адамъ? *І.* отвѣчаетъ: Отъ 8 частеи: сердце отъ камени; отъ земля тело, и персти, и кости, и волосы, отъ облака мысли; отъ вѣтра дыханіе; отъ чермнаго моря кровь; отъ огня тепло; отъ солнца

естественной въ этомъ случаѣ формы вопроса, то она могла особенно нравиться автору, какъ нравилась всѣмъ его современникамъ, и не потеряла своей привлекательности даже въ XVIII вѣкѣ *). Упоминаніе такихъ вещей, какъ сонъ, хмель и т. п. могло казаться автору нисколько ненарушащимъ приличія и важности рѣчи, если ему знакомы были подобныя сравненія у Заточника: «не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь во звѣрѣхъ ежь, не рыба въ рыбахъ ракъ, а не мужь въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ».

Указавъ отношеніе «слова о женахъ» къ слову Златоуста о томъ же предметѣ, укажемъ для полной характеристики занимающаго насъ памятника и на его, такъ сказать,

---

очи; самъ Господь дхнулъ въ члна душа.—Весьма любопытны слѣдующіе вопросы и отвѣты въ Сергіевомъ Сборникѣ: *I*: отъ чего громъ сотворенъ есть? *B*: два ангела громная еста, и *еллиньскым старець Пероунь* есть, а *Хоръ* (sic) есть жидовинъ. — *I:* Како са нарече Адамъ? *B*: Посла Богъ ангеломъ взать на въстоцѣ *а*, на западѣ *д*, на оузѣ *м*, на сѣверѣ *а*:—то ти есть *Адамъ*.—*Г*: Кому сосла Бгъ грамоту? *B:* Сиѳоу, Адамову сноу, и т. д.—Эти вопросы и отвѣты принадлежатъ къ числу такъ называемыхъ «ложныхъ книгъ». Въ уставѣ церковномъ, писанномъ въ 1608 г., при исчисленіи ихъ подъ заглавіемъ: *Бгоотметныа книги и невидимыа* упоминается и «что глаголано о Василіи Кесарінстемъ и о Григоріи Богословѣ і о Иоаннѣ Златоустемъ, что вопроси и отвѣти во всемъ по радоу». (Рпсь Румянц. Муз. № 449, л. 107). Въ книгѣ Кирилловой, напечат. въ Москвѣ въ въ 1644 г. читаемъ: «сіа *книги отреченныа*. Ино лгано о Василіи Кесарійстѣи, о Григоріи Богословѣ, и Іоаннѣ Златоустѣ. Вопросы и отвѣты, что отъ колика частей сотворенъ бысть Адамъ, и что Провъ царь другомъ Христа назвалъ, и то попъ Іеремія Болгарскій солгалъ». Переводъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ съ дополненіями былъ извѣстенъ у насъ уже при митрополитѣ Кипріанѣ (1376—1406). См. *Востокова*, Опис. рпсей Румянц. Муз. стр. 717.

*) Ср. *Карамзина* мелкія стихотворенія. «Что есть жизнь наша? сказка. А что любовь? ея завязка.—Что есть любить? тужить. А равнодушнымъ быть? не жить.—Когда любовь безъ ногъ? Какъ надобно итти». Сочиненія Карамзина. 1848. Т. I.

домашнія отношенія на связь его съ однородными произведеніями Русской письменной словесности. Чтобы эта связь представилась ясно, приведемъ одно изъ «словъ о женахъ» вполнѣ. Выбираемъ помѣщенное въ Сборникѣ XVI вѣка, Румянцевскаго Музеума, № 359, л. 267—270 об.

Слово о злых женах.

Ничтоже ѐ подобно злои женѣ, развее огонь да море да женскаа злоба: огнь бо грады пожигает, а море корабли потоплѧет, а злаа жена дом мужа своего пустъ стварѧет, и самого мужа своего погубит. Что лва звѣрѧ лютѣе в четвероногих? что змеи лютѣе в ползущихъ по земли? Но всего того злѣе лютаа злаа жена на чл҃ка. Перваго прадѣд нашего Адама из раа изгна Бг҃ъ жены ради; Иосио прекрасныи в темнице затворен бы҃ жены ради; Дв҃дъ царь еврѣискии повелѣ Оуріѧ оубити, а сам со женою его въ грѣх впаде. Злаа жена Далида мужу своему Самсону главу остриж, иноплеменником преда его. Прмдрыи црь Соломон женою ада наслѣдив. Александръ Македонскіи црь оуморенъ бысть злою женою. Злаа жена Елеоуферію мужу своему главу оусѣче. Злыа ради жены Данила пророка в ров ввергоша, лвы и звѣри нозѣ ему лизаху, а злаѧ жена хотѧше его на смрть предати. Іоана прдтчю вси звѣри в пустынѧхъ боѧлисѧ, беззаконная Иродиѧ испроси оусѣкнути главу его. Илію пророка в пустынѧх вранове питаху. а злаѧ жена хотѧше его на смрть предати. Онъ бѣжаше в пустыню ѿ злыа жена; оувы! оувы! злаа жена испроси дождь на ызыцѣ и огнь с нбсе сведе. А (ошибк. вм. *о*) зло оружие острое диѧволе! какъ стрѣла летѧще с чемерицею оударитъ члка въ срце — и нѣсть ему живота, також злаа жена лукаваѧ, гордъливаа, величаваѧ. Подобна

есть перечесу: здѣ свербит, а видѣ болит. Что есть злаа жена? Пагуба дши, а тѣлу соухота, а оумy матеж, а очем дымъ, а ызыку горесть, а рукам мозол. Лутче есть чл҃ку трасцею лежати, нежели со злою женою жити: трасца потрасши пустит, а злаа жена до смрти сушит. Подобна есть вълицѣ зимѣ на морозѣ. Лоутче есть во оутлѣ корабли плавати, нежели злои женѣ правда повѣдати: корабль оутел товар потоплает, а злаа жена дом моужа своего пустъ створает и самого мужа своего погоубит. Немочно чл҃ку нѣшу в полѣ заица постичи, а со злою женою спс҃нія не добыти. Злаа жена Ѿгнание агг҃лом, оугоженіе діаволе. Как ржа ѣсть желѣзо, тако злаа жена мужа своего соушит. Что есть злаа жена? Лишеніе црства нбснаго, а Ѿлученіе праведником, заключеніе жизни вѣчныа, введет в моуку вѣчную. Оувы, оувы, злаа жена! Видѣв оу нѣкоего мужа злаа жена оумерла, онъ же по смерти еа нача плакатис, и азъ рекох ему: чему, брате, плачешис по своеи злои женѣ? Онъ же рече: того ради аз плачюс по злои своеи женѣ, боудет злодѣи прикинулас — незаправду оумерла, а боудет за правдоу оумерла, дабы ми с (= ся) инаа такова не поняла. И аз рекох: неоудобь, брате, лихіа жены избыти, аще Ѿ теба еа Бгъ не избавит. И шед домов начат дѣти своа продавати. И азъ рекох ему: чему, брате, дѣти своа продаешь? Он же рече: того дѣла дѣти своа продаю, аще будут велики, родилися в матерь, и они възрастутъ велики да мена продадоут. Бгу нашу слава». —

Приведенное слово, любопытное само по себѣ, важно для объясненія другихъ памятниковъ древней Русской словесности и прежде всего Слова Данила Заточника. Особенно замѣчательно заключеніе отъ словъ: «видѣвъ у нѣкоего мужа злаа

жена оумерла» и т. д.: содержащійся въ немъ разсказъ о мужѣ, у котораго умерла злая жена, подробнѣе передаетъ то, о чемъ только упоминается въ словѣ Заточника. Въ послѣднемъ памятникѣ находится одна слѣдующая часть разсказа: «нѣкоему же умре жена зла, онъ же, по смерти ея, начать дѣти продавати, людіе же рѣша ему: чему продаешь дѣти? онъ же рече имъ: аще ли будутъ родилися въ матерь, и они возрастьши мене продадутъ» *).

Возвращаясь къ «слову о женахъ», приписанному Златоусту, замѣтимъ, что до нѣкоторой степени возможно представить себѣ и источники, которыми пользовался Русскій авторъ и самый взглядъ его на собственное произведеніе. Быть можетъ чтеніе Златоструя и Пчелы навело автора на мысль выразить свое понятіе о женщинахъ, и самые источники ручались уже за достоинство избраннаго предмета. Уклоняясь отъ своихъ образцевъ, пишущій не дозволялъ себѣ ничего такого, что было бы противно требованіямъ современнаго ему вкуса. При этомъ надобно имѣть въ виду, что въ древній періодъ устная и письменная словесность вовсе не были у насъ въ такомъ разладѣ между собою, въ какой поставило ихъ XVIII столѣтіе Составивши слово, авторъ, по вкоренившемуся обычаю, не выставилъ своего имени. Одинъ изъ читателей, которому пришлось по душѣ замысловатое изображеніе женщинъ, вписалъ его въ свой сборникъ и попытался опредѣлить автора. Кому же было приписать прекрасное, по его понятію, произведеніе, какъ не тому, изъ устъ котораго лились золотыя слова. Переписывавшій былъ знакомъ съ именемъ и сочиненіями Златоуста, чему доказательствомъ служитъ то, что онъ по-

*) Памятники Россійской словесности XII вѣка, стр. 239.

ставилъ имя его въ заглавіи, и притомъ не безсознательно, а на извѣстномъ основаніи. Надпись: «на праздникъ Іоанна предтечи слово Іоанна Златоустаго о женахъ» показываетъ, что переписчику извѣстно было сочиненіе Златоуста о томъ же предметѣ и на тотъ же праздникъ. Память говорила ему, что есть слово Златоуста именно объ этомъ предметѣ, а давность чтенія или другое какое-либо обстоятельство оставило въ немъ только смутное воспоминаніе о читанномъ. Руководствуясь этимъ воспоминаніемъ, при общемъ настроеніи вѣка видѣть въ каждомъ замѣчательномъ произведеніи трудъ Златоуста, переписчикъ рѣшился означить его именемъ безъименное слово. По крайней мѣрѣ такимъ путемъ, кажется, довольно естественно объяснять появленіе любимаго псевдонима на нѣкоторыхъ произведеніяхъ нашей древней словесности.

Другіе псевдонимы являлись иногда въ слѣдствіе того, что произведеніе безъименное, помѣщенное рядомъ съ произведеніемъ извѣстнаго автора, приписывалось тому же автору. Случалось, что неумышленная ошибка писца была причиною псевдонима: писецъ смѣшивалъ порядокъ именъ, стоявшихъ на отдѣльныхъ статьяхъ оригинала, какъ смѣшивалъ иногда и самыя заглавія. Такъ напримѣръ во второмъ словѣ Ѳеодосія, носящемъ заглавіе: «о тръпѣніи и о любви и о постѣ» говорится о помощи бѣднымъ и не упоминается ни о терпѣніи, ни о любви, ни о постѣ, между тѣмъ, какъ въ первомъ словѣ дѣйствительно говорится о любви, а въ третьемъ о терпѣніи. Иногда вмѣсто точнаго имени автора въ рукописи поставлено имя описательное или собирательное, находящееся въ связи съ содержаніемъ произведенія. Такъ обличеніе христіанъ, живущихъ *двовѣрно* — вѣрующихъ въ Перуна и Хорса, названо

«Словомъ нѣкоего Христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ»; Слово о пьянствѣ, носящее въ иныхъ рукописяхъ имя Θеодосія и составляющее часть его слова о казняхъ Божіихъ, въ другихъ имѣетъ заглавіе: «Слово стых Оць о пьяньствѣ», на томъ основаніи, что въ словѣ развивается та идея, что праздники учреждены *Святыми Отцами* для цѣлей нравственныхъ, а не для пировъ и чувственныхъ удовольствій. Вообще въ древней словесности Русской наиболѣе употребительными были три рода псевдонимовъ. Оригинальныя Русскія сочиненія или получали собирательное названіе поученій Св. Отцевъ, «отъ святыхъ книгъ» и т. п. или, что всего чаще, они приписывались Златоусту; или же на нихъ выставлялось имя другаго Отца Церкви: Василія Великаго. Григорія Богослова, Кирилла Философа и т. д. Какъ образцы троякаго рода псевдонимическихъ сочиненій избраны нами три произведенія, изъ которыхъ одно уже приведено, два другія сообщатся ниже. Причина выбора нашего заключается отчасти въ неизвѣстности этихъ произведеній, отчасти въ томъ, что они могутъ быть названы въ нѣкоторомъ отношеніи типическими.

Въ какомъ бы видѣ ни являлись псевдонимы и имена авторовъ сомнительныя, во всякомъ случаѣ изслѣдованіе о нихъ принадлежитъ къ числу чрезвычайно любопытныхъ предметовъ въ исторіи древней нашей словесности. Сознавая интересъ подобныхъ изслѣдованій, предлагаемъ, какъ матеріалъ для нихъ, два произведенія Русскихъ авторовъ. Одно изъ нихъ замѣчательно какъ по составу своему, такъ и по имени мнимаго автора, которое встрѣчается на многихъ древне-Русскихъ произведеніяхъ и иногда возбуждаетъ сомнѣніе или противорѣчіе. Другое представляетъ много общихъ чертъ съ первымъ, такъ что они другъ друга дополняютъ. На первомъ произведеніи выставлено

имя Кирилла съ постояннымъ прозвищемъ Философа: Кириллу философу приписывается «поученіе», которое приводимъ изъ Сборника XVI в. въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ.

Пооученіе Кирила Философа.

«Брате Вареоломѣю, пріиди ко мнѣ, акы пчела къ цвѣтоу, приклони оуши свои къ гланіи оуст моихъ, да насладиши гортани свои паче медѹ и сахара словесы моими. Брате мои, боуди оунъ телом, нъ оумом старъ боуди, и въстрѹби въ трѹбоу смысла своего, да слѣтатьтисѧ акы пчела птици; помысли добры и полѣтаи мыслию своею, акы орелъ по воздоухѹ. Брате мои, мирьскаа гонѧ, востоупаи на дхвнаѧ, работаѧ грѣхоу, повини^с^ Бгоу; затворисѧ во-тмѣ и приходи же къ свѣтоу. Брате мои, чернець ли еси, то не часто в миръ ходи, да не начноуть играти тобою бѣси, яко птичемь обешены. Брате мои, слепымь око, хромым нога, глѹхимъ оухо, алчоущим пища, нагимъ одежа, больных посѣщаи. Брате мои, аще еси мдръ (мудръ), не сѣи мдрости блоудным: оселъ бо лѣнивъ подъ телѣгою подпраженъ нѣ имѣтъ скоитти (скочити?), ни блоудныи мдрости глаголати. Брате мои, не сѣи жита на браздахъ, ни мудрости на сердци с безумным. Брате мои, не боуди въ власти гордѧсѧ и егда отпад боудеши пуще нищаго: око бо егда нечисто боудеть, то бръвна не навидитъ, всех знаеть, а при власти всѣх плени отрицается. Брате мои, не оскорби члка, ни вложи печали въ сердци члкѹ.

Имѣите терпѣние в велицѣ мдрости Иосифле, разоум Даниилов, любовь Гā нашего Іс̄а Хā, покаание Дв̄дво, нищелюбие Аврамле. Яко мртвець не можеть на кони оудръжати^с^, тако не можеть оудръжати^с^ зла слова клеветникъ. Иже человеци ничим же лоучше звѣри: ащѐ бы намь тако

волно ходить безъ царей и без властелей, то изъадалися быхом зоубы дроугъ дроуга. Все есть на земли огневи покорено: земла, железо, древо, толико вода; тако и чл҃кꙋ все есть покорено разве смрти. Не то есть истинныи оурод, иже родися оуродно: то есть оурод, иже ѿ свершена оума оуродоуеть Бога ради, да чл҃ком оуродивъ, а Бг҃оу всѣхъ мдрие. Не тои правдень есть, иже не обидить, а обиды не терпить, но тои праведенъ есть, иже обидѣти можетъ, а не обидитъ. Дроуга ищи не мила са тебѣ деюща, по тебѣ молваще; но ищи крѣпкаго дꙋмою и ползы тебѣ деюща, противлающися непостыжнымъ твоим словесемъ, гл҃емым покриву: ıако же пчелы жала ненавидимъ, но плода ради любимъ. Свара дѣла дрꙋжніи таины не проави, но на дроужбоу надѣися опать емоу възратитися. Ласкание подобно есть щитоу нетвердꙋ. Что ради боуаеши, чл҃че, земла сын пепелъ? Не вѣси ли, ıако нази родихомса на житие, опат ны нагымъ же отъити свѣта сего, а богатество останется; аще и многыми землами владѣеши при животѣ, а оумрши двѣма портищема будеши владѣя. Злаго моужа блюдиса молчанна, ıако потаи хытающаго пса. Оуне есть полагати къ своемоу житию съ оутѣшениемъ, нежели вборзе възвыситі чюжимь житием, а после обнажиті всѣго. Отъ печали въсходитъ болѣзнь, а отъ болести смртъ; но приклони скорбь срдчноу на крѣпо. Аще бы Бгъ пеклъса ленивыми, то бы велѣлъ былию жито ражати, а лѣсу всакои овощь. Iако же ластовица частаще пѣсни отгонить сладость пѣснѣную, также и многорѣчивый часто бѣсѣдоующе. Аще ли комоу смѣють или хоулать, ты хвали и люби: то ѿ Бога пріимеши мздоу, а ѿ того честь.

Брате мои, чертог аще боудетъ златомъ оукрашенъ, а невѣста злообразна, то нѣсть любы женихоу; тако и Богови

неоугодно есть, иже кто тѣломъ красенъ, а душу имѣа оскверненѹ злыми дѣлы. Брате мои, аще люди оучиши законоу, то преже самъ послѹшаи гласа оустъ своихъ: аще боудеши акы кладазь многы люди напаꙗа, а самъ въ днѣ имеа скровище нечистоты».

По всей вѣроятности это сочиненіе есть трудъ Русскаго, взявшаго за образецъ притчи Соломона, Сираха и афоризмы Пчелы. Есть сходныя мѣста и съ словомъ Данила Заточника. Начало поученія составлено изъ разныхъ мѣстъ слова Заточника.

Памятники Россійской Словесности XII вѣка.	*Поученіе Кирила Философа.*
стр. 239. Быхъ яко пчела падая по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвеный сотъ.	Брате Вареоломѣю, пріидя ко мнѣ, акы пчела къ цвѣтоу.... да насладиши гортани свои паче медѹ и сахара словесы моими.
стр. 235. Юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслію яко орелъ парай по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ каплѧ языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меда словеса устъ моихъ.	Буди унъ тѣломъ, но умомъ старъ буди, и воструби въ трубу смысла своего..... полетаи мыслію своею, акы орелъ по воздуху.
стр. 229. Вострубимъ, братіе, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего.	
стр. 236. Не сѣи бо на браздахъ жита, ни мудрости на сердце безумныхъ.	Не сѣй жита на браздахъ, ни мудрости на сердци безумнымъ.

стр. 240. Якоже бо птица учащаетъ пѣсни своя, скоро возненавидима бываетъ.	Якоже ластовица, частяще пѣсни, отгонитъ сладость пѣсненую.
стр. 240. Дайже князю нашему.... Іосифовъ разумъ, мудрость Соломоню, кротость Давыдову.	Имѣите терпѣніе Іосифле, разумъ Даниловъ, покааніе Давыдова, нищелюбіе Авраамле.

Выраженія: «молодъ тѣломъ, а умомъ старъ», «летать мыслію, какъ орелъ» — принадлежатъ къ числу самыхъ употребительныхъ въ древне Русскомъ языкѣ. Ими обозначается и умственное и нравственное достоинство человѣка. О князѣ Борисѣ говоритъ Несторъ: «бяше дѣтескъ тѣломъ, а умъ старъ». О Макаріѣ Римскомъ находится такой отзывъ въ «Словѣ о житьи» его: «бѣ бо унъ тѣлом, а оумом старъ и высокъ мыслью, лѣтаи мыслью под нб҃емъ, яко орелъ». *)

Какимъ же образомъ имя Кирилла Философа явилось на произведеніи? Думаемъ, что это могло произойти также не отъ прямаго невѣжества переписчика, впервые поставившаго имя, а по увлеченію преданіемъ, идущимъ отъ незапамятныхъ временъ. Имя Кирилла принадлежало къ числу громкихъ литературныхъ именъ какъ въ Греческомъ христіанскомъ мірѣ, такъ и въ Русскомъ. Прозвище *философъ* въ древнихъ рукописяхъ придается обыкновенно, хотя и не исключительно, св. Кириллу, просвѣтителю Славянъ (827 — 869). Между Греческими писателями этого имени знаменитѣйшіе были: Кириллъ, епископъ Іерусалимскій († 386) и Кириллъ, архіепископъ Александрійскій († 444). Между Русскими: Ки-

*) Сборникъ конца XV и начала XVI в. въ Румянц. Муз. № 358, л. 304 и т. д.

риллъ, епископъ Туровскій (о которомъ одно изъ позднѣйшихъ упоминаній относится къ 1182 году); Кириллъ I-й, прозванный философъ (┼ 1233) Кириллъ II-й, митрополитъ Кіевскій (┼ 1280); современный ему Кириллъ, епископъ Ростовскій; —не упоминаемъ уже писателей послѣдующихъ. До какой же степени труды всѣхъ этихъ писателей были извѣстны на Руси и давали возможность Русскому читателю приписать «поученіе» одному изъ нихъ? Что касается до Славянскаго Апостола, то кромѣ перевода священныхъ книгъ, памятникомъ его литературной дѣятельности осталось только «Исповѣданіе Вѣры». Кириллу Философу приписываются также, начиная съ XII вѣка, нѣсколько изреченій. Еще Кириллъ Туровскій приводитъ одно изъ нихъ: «Кирилъ Философъ рече: не того ради сътворени быхомъ, да ямы и піемъ и въ одежи различныя облачемся; но да угодимъ Богови и будущая и благая получимъ» *). Въ Златоустѣ по списку XVI вѣка, въ одномъ изъ Русскихъ поученій: «Кирилъ Философъ рече: человѣка Богъ созда междоу двоу животны: междоу ангелъ и скота: кромѣ Ангелъ гнѣвомъ и похотию, а кромѣ скота словомъ и смысломъ» **). Въ рукописномъ собраніи статей касательно монашества, называемомъ «Старчество» читаемъ: «Рече стыи Кирилъ ѳилосоѳ: разумѣи, человѣче, апостольскую тайну и стхъ писаній откровеніе: дано есть на воле суета мира сего—врата ти на востокъ, врата на запад, пути есть два: пут един жизни, а вторый погибели, рай отворенъ и бездна открыта» ***).

---

*) Памятники Россійской Словесности XII вѣка. стр. 92.

**) Описаніе рукописей Румянцевскаго Музеума. стр. 230.

***) Тамъ же, стр. 627.

Если обратить вниманіе на то, что два первыя выраженія встрѣчаются въ сочиненіяхъ, ходившихъ у насъ во множествѣ списковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что житіе Кирилла извѣстно было съ весьма давняго времени, то можно согласиться, что Русскому читателю легко было составить себѣ и удержать въ памяти нѣкоторое понятіе о личности Св. Кирилла. Имя его сдѣлалось даже, подобно имени Златоуста, нарицательнымъ: подъ заглавіемъ *Кириллъ Словенскій* въ большомъ ходу у раскольниковъ книги, заключающія въ себѣ отчасти Св. Писаніе, отчасти другія сочиненія. Самый составъ нашего «поученія» изъ отдѣльныхъ изреченій могъ напомнить форму, въ которой читатели знакомились съ мыслями Кирилла Философа. Сверхъ того, въ поученіи нѣтъ ни одного афоризма, ни одного выраженія, которое могло бы оскорбить нравственное чувство читателя или его здравый смыслъ, и тѣмъ показаться недостойнымъ философа, то есть человѣка умнаго, что именно и значило это слово на древнемъ языкѣ. Слѣдовательно тотъ, кто первый поставилъ имя Кирилла на приведенномъ «поученіи» основывался въ своемъ опредѣленіи на извѣстныхъ данныхъ; приписалъ рядъ мудрыхъ изреченій философу, о которомъ имѣлъ высокое, хотя и неясное, понятіе.

Замѣтимъ при этомъ, что мысль о мудрости Кирилла была принимаема и другими Европейскими народами. Она выразилась въ признаніи его первымъ христіанскимъ моралистомъ, излагавшимъ нравственныя истины въ глубокомысленной формѣ апологовъ. Ему приписывали такъ называемое «Speculum Sapientiae», будто бы сочиненное имъ на Греческомъ и имъ же самимъ переведенное на Славянскій языкъ. Speculum sapientiae есть собраніе апологовъ, изъ которыхъ очень немногіе обнаруживаетъ вліяніе басней Эзопа, большая же часть, на-

номинная нѣсколько восточныя сказки, носитъ слѣды животнаго эпоса, котораго прекрасный образецъ представляетъ «Reinecke Fuchs». Добровскій полагаетъ, что настоящимъ авторомъ Зеркала Мудрости былъ не Кириллъ Славянскій, а Кириллъ Гвидонскій, poeta laureatus, жившій въ XIII столѣтіи *). Не смотря на то, нѣкоторые ученые остаются при мысли, что честь авторства принадлежитъ нашему первоучителю **). Въ нашей же старинной литературѣ подъ именемъ «Зерцала» извѣстенъ сборникъ не сказокъ, а повѣстей, составленный съ цѣлію соединить полезное чтеніе съ пріятнымъ.

Обращаемся къ нашему книжнику. Допуская, что преда-

*) Geschichte der Böhmischen Sprache, von *Ioseph Dobrowsky*. Prag. 1818. стр. 293—296.—Егоже *Кириллъ и Меѳодій*. стр. 45—47.

**) Св. Кирилла признаетъ положительно авторомъ «Зеркала Мудрости» іезуитъ Бальбинъ въ сочиненіи своемъ: Epitome historica rerum Bohemicarum. Pragae. 1677. Въ XIX в. оправдываетъ мнѣніе Бальбина Шель; историкъ Греческой литературы. См. Geschichte der griechischen Litteratur von Schöll, übers. von Pinder. 1830. часть III, стр. 142. Шель слѣдуетъ въ этомъ случаѣ автору статьи: Dissertation sur les Fables latines, qui ont été publiées sous le nom de Saint-Cyrille, помѣщенной въ Magasin encyclopédique. T. II. 1806. Въ этой статьѣ особенно любопытны извлеченія изъ «Зеркала Мудрости», ибо оно сдѣлалась теперь большою библіографическою рѣдкостью. Иныхъ басень передано только заглавіе, другихъ содержаніе и одна изъ нихъ приведена вполнѣ, а именно: *Contra appetitum superbae libertatis. De Ove et Cervo.* Ovis avida propriae libertatis, sociali relicto grege, dominium sui pastoris effugit. Cumque per solitudinem errabundam cervus vagam et profugam invenisset, coepit pius quaerere sui solitudinis et erroris occasionem. Cui mox illa respondit: Durum certe servile jugum durissimum et multa passa, nunc frui volo sicut et vos libertate, tam cunctis gratissimâ, et patronum duriorem offugere, qui nonsolum quotidie me usque ad sanguinem emulgebat, verum etiam omni anno ab opportuno vellere spoliabat. Tunc cervus nimis compatiens inquit: Satis certe, carissima, doleo de errabundo itinere tuo, sed multo magis de erroneo consilio. Nimirum libertas dulcis est, thesaurusque incomparabilis, sed non communiter universis. Plura enim sunt quibus pax, vita securitasque salutis, tantum ex debita subjectione contingit, et

ніе о славѣ мудраго Кирилла могло образовать въ Русскомъ книжникѣ понятіе объ авторѣ безъименнаго поученія, укажемъ какое участіе могли въ этомъ дѣлѣ другіе изъ названныхъ нами писателей. Упомянемъ сперва о Греческихъ, а потомъ объ отечественныхъ

Переводы твореній Кирилла Іерусалимскаго и Кирилла Александрійскаго находятся во многихъ спискахъ, а это доказываетъ распространенность ихъ въ Русскомъ читающемъ мірѣ. Переводъ огласительныхъ поученій Кирилла Іерусалимскаго принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ памятниковъ Славянской письменности. Изреченія обоихъ авторовъ приводятся

propter hoc non est libertas eis, quam salutaris perditio libertatis. Namque libertas populi quem regna non coercent, libertas perit. Subjectum quidem corpus animae, vivit; et mox cum ab ea liberatur, extinguitur. Navis subjecta nautis, servatur a fluctibus; a quibus si libera fuerit, statim naufraga dissolvetur. Sic formica alis librata de foveâ cum sursum erigitur, tunc finali miseriâ captivatur. Iis ergo libertas, certa est perditionis captivitas. Ita quidam esse et tibi crede, carissima; nam attende quomodo et qualiter nunc incedis. Quoniam sine duce, pascualis itineris nescia, sine tutore, nullâ propriâ validitate armata, inter inimicos; solivaga atque in miseriis es circumvallantibus destituta. Nimirum via tibi error est, praecipitium ductor, esuries pascua, pernicies solia, et tui tandem crudelis interitus sunt extrema. Ego certe cornu, pede, magnitudine et agilitate munitus, vix a feris hujus solitudinis sum securus. Sed ex quo naturaliter te delectat libertas, dic, quaeso, si ad bene vel male faciendum? Quippe si nitendis benefacere, hoc tantum est quod exigit pastor tuus; ut quid refugis eum? sine ratione agere cupis? ipsa tibi erit libertas initialis servitutis captivitas. Nam malae voluntati peccandi libertas est, quâ quidem consummatur ejus iniquitas, et mox captivitas sequitur. Sic mala voluntas, quanto liberior, tanto servilior; quanto potentior, tanto infirmior at quanto sublimior, tanto minor. Audi igitur consilium meum, et quantocius revertaris ad dominum tuum, ne libere pereas, et te ipsam lupis devorandam impendas. Nam etsi dominus tuus te mulgit et tundit, ab eo sumis haec ipsa quae tribuis, quia te custodit et pascit. Eligibilius quippe est lac dare ac vellera, quam cum omnibus perdere vitam». Quibus auditis, ovis gaudenter ad pastorem rediit.

въ нашихъ «Пчелахъ», и какъ они означены здѣсь только именемъ Кирилла, безъ прибавленія прилагательнаго, то читатели получали понятіе о Кириллѣ вообще, какъ авторѣ и мыслителѣ, не привязывая его къ извѣстной мѣстности или времени. Всѣ изреченія въ Пчелахъ носятъ болѣе или менѣе общій характеръ, а потому личности авторовъ и не отличались рѣзко въ сознаніи читателей. Между тѣмъ дѣйствіе искусно выбранныхъ изреченій не оставалось безъ слѣда: оно вселяло невольное и долговѣчное уваженіе и къ нимъ самимъ и къ высказавшимъ ихъ лицамъ. Въ этомъ отношеніи выдержки изъ писателей въ Пчелахъ получаютъ для изслѣдователя особенный интересъ. Приведемъ изъ этихъ сборниковъ мѣста, отмѣченныя занимающимъ насъ именемъ. Къ древнему переводу присоединяемъ подлинникъ.

S. Maximi Confessoris Opera, studio Francisci Combefis. Parisiis. 1675. Tomus II.

Стр. 538. Καπνοῦ δίκην, ἢ καὶ ὥσπερ τίνες ἀτμοὶ των ἐμφύτωυ ἡδονῶν ἀνίσχοισιν ἐν ἡμῖν αἱ ὀρεξεῖς· αλλ᾽ ὁ μὲν σώφρων καὶ νεανικὸς, ἐπιτιμᾷ τοῖς κινήμασι, καὶ πάραιτέρω προελθεῖν οὐκ ἐᾷ......Ὁ γάρ προαλοῖς καὶ προηττημένος, οὐ τῶν ἰδίων ἐστιν θελημάτων κύριος: ὑποκείται δὲ μᾶλλον καθὰ πὲρ τινι βαρβάρῳ, τω νικήσαντι πάθει.

«Пчела»—рукопись XIV—XV вѣка въ Императорской Публичной Библіотекѣ. (л. 10 об.)

Ѩкоже дымъ, ѩкоже пара, такоже и въскурают҄са в нас, похоти сластныꙗ саможеныꙗ; но цѣломоудръ и оудобьныи запрѣщаѥть подвижениѥ и напредъ поити не дасть. А иже плѣнит҄са и одолѣнъ боудеть, не своѥи тъ воли тъ гнъ (господинъ) ѥсть, но покоренъ ѥсть страсти, одолѣвши емоу, ѩко нѣкоторомоу иноплеменьникоу.

Стр. 544. Πᾶς ὁ ἀδικούμενος, καταφλέγεται μὲν ὑπὸ λύπης ἀμύνασθαι δὲ οὐκ ἔχων ἢ δια τῶν ἴσων ἐλθεῖν, ἔσθαι ὅτε διὰ τὸ ἡττᾶσθαι τῆς τοῦ ἀδικοῦντος χειρὸς, τῖς ἄνωθεν μι σοπονηρίαι τὸ κέντρον καλεῖ προς ἐπικουρίαν.

Л. 16. об. Всакыи осоуженыи бес правды или насильствѹемъ ражьжетьс печалью, а мога (не мога) помощи собѣ или протива въздати насилье дѣющимъ, имъже роука его хоужьши ѥсть, то зовет на помощь вышьнаго лоукаваго ненавидьца жала.

Стр. 600. Εν θορυβουμένῳ καὶ ἀγωνίαν ἔχοντε νῷ, οὔτε ἔννοιά τις τῶν καλῶν οὔτε Θεου χάρις ἐγγίνεται.

Л. 67. Възматенѣ ѹмѣ ни помыслъ добръ ражаѥтьс, ни Бж҃ии страхъ, ни благодать бываеть въ немъ.

Стр. 531. Χρὴ τὴν ἀρετὴν μη χωλεύειν καθ᾽ ἑκάτερον, ἀλλ᾽ ἔργῳ καὶ λόγῳ ὀρθὴν και ἀπερτισμένην κατ᾽ ἀμφότερα εἶναι.

Л. 2 об. Подобаеть добродѣтелю не храмати ничимже, но быти свершеноу дѣлом и моудростью и по обоѥмоу свершитьс.

Стр. 603. Χριστιανῶν ἐνάρετος εὐσέβεια πρώτη, τὸ τιμᾶν τοὺς γενήσαντας τὸ τοῖς πόνοις ἀμείψασθαι τῶν φύντων, καὶ πάσῃ δυνάμει τὰ πρὸς ἀνάπαυσιν αὐτοῖς ἐνεγκεῖν κἂν γὰρ τὰ πλεῖστα τούτοις ἀποδῶμεν, ἀλλ ἀντιγενῆσαι τούτοις οὔπω δυνησόμεθα.

Л. 71. Христіаном подобно бл҃гоч҃стьѥ ѥсть иже ч҃стити родивъших и въздаіати протива троуда родителемъ и всею силою приносити іаже на покои имъ; аще бо и многа въ здадимъ имъ, но обаче родити ихъ не можем.

Изреченіе Кирилла, л. 109 об: «Всакыи благыи пользовати оумѣкть, а пакостити не оумѣеть» не имѣетъ себѣ соотвѣтствующаго въ Греческомъ текстѣ.

Большая часть мѣстъ, вошедшихъ въ составъ Пчелы, принадлежитъ Кириллу Александрійскому. Послѣднее же изъ приведенныхъ съ Греческимъ подлинникомъ—Кириллу Іерусалимскому, какъ видно изъ того, что въ седьмомъ огласительномъ словѣ этого писателя читается: «Хр҇тіанское бл҇гочестіе добродѣтелние пръвое есть, што чтити родителей и труды воздавше имъ, и всею силою потребнаа им приносити, и если бы и много им отдамо, но породити их не можем» *).

Хотя въ «Поученіи Кирилла Философа» нѣтъ буквальныхъ заимствованій изъ Кирилловыхъ изреченій, однако знакомство съ Пчелою никакъ не препятствовало бы приписанію безъименнаго сочиненія Кириллу. Чтеніе Пчелы могло только поддержать и утвердить въ читателѣ понятіе о *Кириллѣ*, какъ достойномъ нравоучителѣ, предлагавшемъ свои поученія въ формѣ Соломоновыхъ притчъ.

Отъ писателей Греческихъ переходимъ къ ихъ Русскимъ соименникамъ. Изъ числа названныхъ нами четырехъ на память объ одномъ остались почтительный отзывъ лѣтописца и прозвище *философъ*. Въ Лаврентьевской лѣтописи сохранилось слѣдующее воспоминаніе о Кириллѣ I-мъ. «Въ лѣто 1224 поставленъ бысть митрополитомъ въ святой Софьѣ, Кыевѣ, блаженыи Кирилъ Грьчинъ, учителенъ зѣло и хытръ ученью божественыхъ книгъ» **). Литературные труды Кирилла I-го, его слова находятся въ большомъ числѣ въ библіотекѣ Воло-

*) Оглашенія Кирилла Іерусалимскаго. Рукопись № 977, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, изъ Древлехранилища Погодина.

**) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 190.

коламскаго Іосифова монастыря, по свидѣтельству митрополита Евгенія *). Не знаемъ, чѣмъ руководствовался нашъ достопамятный археологъ въ приписаніи этихъ словъ Кириллу І-му. Другой писатель, Кириллъ Туровскій принадлежитъ къ числу плодовитѣйшихъ въ древней нашей словесности вообще, не только между своими современниками. Но «Поученіе Кирила Философа» не представляетъ сходства съ прекрасными произведеніями нашего писателя XII вѣка. Они могли имѣть только то вліяніе въ разсматриваемомъ нами отношеніи, что придали новый блескъ имени *Кирилла* въ Русской словесности. Тоже надобно сказать и о сочиненіяхъ двухъ остальныхъ писателей этого имени. Но, не состоя въ непосредственной связи со словомъ Кирилла Философа, произведенія трехъ представителей умственной дѣятельности предковъ нашихъ наводятъ отчасти на мысль о причинѣ появленія замѣчательнаго псевдонима. Эта мысль возникаетъ между прочимъ при сличеніи одного изъ словъ Кирилла Туровскаго съ его позднѣйшимъ распространеніемъ. Слово Кирилла Туровскаго о мытарствахъ, 12-е въ изданіи Калайдовича (стр. 92 — 102), названо «Словомъ Св. Кирилла Философа» еще въ рукописи конца XIV или начала XV-го вѣка. Такое названіе произошло, по мнѣнію Востокова, отъ того, что въ первыхъ строкахъ слова сказано: «якоже Кирилъ Философъ рече» и пр. **). Уже самымъ предметомъ своимъ слово возбуждало чрезвычайный интересъ, по естественному стремленію человѣка узнать тайны замогильной жизни. Нашлись не только многочисленные читатели, но и передѣлыватели. Въ такомъ из-

*) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. 1827. I, 333.

**) Описаніе рукописей Румянцевскаго Музеума. стр. 507.

мѣненномъ распространеніями видѣ оно находится въ одномъ Сборникѣ XVII—XVIII вѣка и издано г. Розовымъ въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и древностей, подъ заглавіемъ «Кирилла Философа слово на соборъ Архистратига Михаила». Это сочиненіе есть распространенное слово о мытарствахъ: добавленія состоятъ или въ небольшихъ вставкахъ или во внесеніи цѣлыхъ поученій. Вставки въ подобномъ родѣ. Вмѣсто нѣсколькихъ словъ у Кирилла Туровскаго: «и за симь явится смерть, и тако и нужею страшною душа отъ тѣлеси изидетъ» *), въ памятникѣ XVII в. встрѣчаемъ слѣдующее описаніе смерти съ ея аттрибутами: «И за симъ явится смерть, носяще съ собою всякое оружіе, мѣчи и пилы и сѣчива и рожны, и пріидетъ, раземлетъ вся уды человѣческая по составомъ, и главу отсечетъ, и потомъ наліетъ чашу горести лютыя и дастъ ей пити, и тако с нуждею страстною исходитъ изъ тѣлесе душа та» **). Въ составъ слова вошло и цѣлое поученіе «къ попомъ», приписываемое и Кириллу II митрополиту Кіевскому, и Кириллу епископу Ростовскому. Ученый издатель этого поученія рѣшаетъ дѣло въ пользу писателя-епископа ***).

Такимъ образомъ видно, что имя Кирилла поставлено въ позднѣйшемъ спискѣ не случайно, а на основаніи списка древнѣйшаго, и слѣдовательно распространявшій считалъ должнымъ сохранить древнее имя. Причина псевдонима, указанная Востоковымъ, не можетъ имѣть мѣсто въ отношеніи сло-

*) Памятники Россійской Словесности XII вѣка. 1821. стр. 94.

**) Чтенія. 1847. № VIII. Смѣсь. стр. а—еі.

***) Оно напечатано въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. 1843. Часть I. «Кириллъ II, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи». стр. 414—432.

ва на соборъ Архистратига Михаила, ибо въ текстѣ его нѣтъ имени Кирилла Философа. Скорѣе бы можно допустить, что имя Кирилла Философа явилось потому, что слово помѣщено въ Сборникѣ непосредственно за правилами митрополита *Кирилла II*; но это сопоставленіе могло произойти гораздо позднѣе надписанія имени автора. Притомъ какъ слово, напечатанное въ Чтеніяхъ, есть очевидное распространеніе «Слова Кирилла Философа о мытарскахъ», то достовѣрнѣйшимъ представляется мнѣніе, что позднѣйшій составитель удержалъ имя, находившееся на древней рукописи. Это обстоятельство замѣчательно и по отношенію автора къ его собрату, назвавшему безъименное произведеніе также словомъ Кирилла Философа. Люди, посвящавшіе себя книжному дѣлу въ древней Россіи, руководствовались болѣе или менѣе одинаковыми началами въ своихъ литературныхъ трудахъ.

Съ «Поученіемъ Кирила Философа» находится въ связи, по мысли и по формѣ, собраніе правилъ жизни, изложенныхъ въ видѣ наставленій отца своему сыну. Оно носитъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ заглавіе: «Поученіе отъ Святыхъ книгъ». Подъ этимъ названіемъ дошло до насъ любопытное произведеніе Русскаго автора, взявшаго за образецъ притчи Соломона и Сираха, но удержавшаго немногія черты своего образца: все другое принадлежитъ собственной изобрѣтательности и соображеніямъ автора. Притчи Соломона и Сираха издавна составляли любимое чтеніе нашихъ предковъ, какъ можно заключить и по извлеченіямъ, встрѣчающимся въ Сборникахъ *), и по опытамъ Русскихъ авторовъ писать въ приточномъ родѣ. Этимъ объясняется названіе: «Словца избраны отъ Му-

*) Какъ напр. «Словца избранны отъ Премудрости Іисусовы Сираховы» въ Румянцевскомъ Музеумѣ, въ рпси № 359, д. 339 об. — 348.

дрости Исуса сына Сирахова и отъ Премудрости Царя Соломона», даваемое въ рукописяхъ Русскимъ оригинальнымъ произведеніемъ *). Что касается до «Поученія отъ Св. книгъ», то въ немъ почти нѣтъ буквальныхъ заимствованій изъ «Притчей», но есть нѣсколько мыслей, указывающихъ на знакомство автора съ твореніями библейскихъ мудрецовъ. Изреченіе: «сыну, луче есть другъ близокъ, нежели братъ далечь» взято изъ Притчей Соломона XXVI, 10: «лучше другъ близъ, неже братъ далече живый». Изреченіе: «безумна аще стягомь бьеши и не вложити ему ума» имѣетъ одинаковый смыслъ съ словами Соломона: «Аще біеши безумнаго посредѣ сонмища срамляя его, не отимеши безумія его» (Притч. XXVII, 22). Предписаніе убѣгать замужнихъ женщинъ напоминаетъ подобныя предписанія Соломона (VI, 24) и Сираха (IX, 10: «съ мужатицею отнюдъ не сѣди», и пр.). Иногда нашъ авторъ развивалъ посвоему мысль, извѣстную ему изъ Притчей. «Аще стяжеши друга — говоритъ Сирахъ (VI, 7.) — во искушеніи стяжи его, и не скоро увѣрися ему». Нашъ авторъ совѣтуетъ для испытанія вѣрности друга сказать ему ложную тайну, и черезъ нѣсколько дней поссориться съ нимъ: если онъ выдастъ тайну, то онъ — невѣрный другъ. Правила практической мудрости, требующія не ходить часто къ друзьямъ, не являться на пиръ по первому зву, на пиру не пресыщаться и т. п. находятся и въ Притчахъ Соломона и Сираха. «Не учащай вносити ногу твою къ другу твоему, — говоритъ Соломонъ — да не когда насыщся тебе, возненавидитъ тя» (XXV, 17). Въ такомъ же духѣ наставленіе Сираха: «Егда тя силный призо-

*) Ср. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи. Книги 2-й половина 2-я, М. 1854. Отдѣленіе IV. Статья проф. Буслаева о пословицахъ. стр. 70.

ветъ, отступай, и толико паче призоветъ тя» (XIII, 12). Сирахъ предлагаетъ также слѣдующее правило: «Яждь яко человѣкъ предлежащее ти, и не пресыщайся. Престани первый, ради наказанія, и не пресыщайся, да не преткнешися. И аще сядеши посреди многихъ, первѣе ихъ не простри руки твоея». (XXXI,18—20). Какъ соотвѣтствующія приведеннымъ можно указать слѣдующія правила въ нашемъ памятникѣ: Не ходи часто къ другу своему, чтобы не войти въ безчестье; въ пиру не сиди долго, чтобы до ухода твоего не выгнали тебя;— когда позовутъ тебя на обѣдъ, не иди по первому зву: когда повторятъ приглашеніе, иди—и будешь въ честь на пиру;— если не хочешь ѣсть, то и не ѣшь, чтобы не прослыть обжорой. Чѣмъ самостоятельнѣе совѣты автора, тѣмъ они наивнѣе, но и тѣмъ любопытнѣе, какъ намекъ на минувшій бытъ. Вообще эти правила представляютъ смѣсь высокаго съ самымъ обыкновеннымъ, которое невольно вызываетъ улыбку. Вмѣстѣ съ увѣщаніями не роптать на Бога въ несчастіи собственномъ, и утѣшать ближнихъ, если ихъ постигнетъ несчастіе; не проливать напрасно крови: ибо правосудный мститель — Богъ; вмѣстѣ съ этимъ совѣтуется не ходить въ судьинъ дворъ; не ѣздить на чужомъ конѣ; войдя въ домъ не глазѣть по угламъ; если случится выпить лишнее, то не говорить много, чтобы не потерять репутаціи умнаго человѣка, и т. п. Хотя и странною кажется такая пестрая смѣсь, эта самая пестрота содержанія прекрасно рисуетъ вѣкъ и придаетъ оригинальность произведенію.

Кромѣ притчей Соломоновыхъ и Сираховыхъ разсматриваемое «Поученіе» имѣетъ нѣкоторое сходство съ Словомъ Даніила Заточника: оно ограничивается двумя-тремя выраженіями. Сличимъ и эти немногія.

Въ Поученіи:

Чадо, умна пославъ на посольство немного наказываи, а безумна пославъ, самъ по немь иди.

Сыну, аще послушаешь умна человѣка, то яко въ день зноя студены воды напьешися.

У Заточника:

Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи; а безумна посылай, самъ не лѣнися по немъ итти. (235—236).

Аще кто человѣка въ печали призритъ, какъ студеною водою напоитъ въ знойный день. (232).

Здѣсь одинаковымъ сравненіемъ выражается дѣйствіе и *разумной* бесѣды и душевнаго *добраго* участія, подобно тому какъ другое мѣсто у Даніила Заточника: «не сѣй бо на браздахъ жита, ни *мудрости* на сердце безумныхъ» (236) соотвѣтствуетъ въ «Словцахъ Сираховыхъ» изреченію: «не сѣй жита на браздах і на дшу *неправды:* не имашя бо пожати блга ничтож, но зло седмицею» *).

Иже родом скудъ, подобенъ есть древу при пути, яко вси мимоходящіи сѣкуть его.

Чадо, луче есть огнемь болѣти или трясавицею, нежели съ злою жоною съвѣтъ дръжати.

Азъ бо есми яко древо при пути: мнози посѣкають его и на огнь вмещутъ. (232).

Аще который мужь иметь смотрити на красоту жены своея и на ея ласковая словеса, а дѣлъ ея не испытаетъ, то дай Богъ ему трясцею болѣти (237—238).

Еще ближе къ приведенному мѣсту слѣдующее въ словѣ Заточника, въ его позднѣйшемъ, реставрированномъ видѣ:

*) Рпсь Румянц. Музеума, № 359, л. 345.

«Лучше трясцею болѣти, неже съ нелюбовною женою жити: трясовица потрясши покинетъ, а зла жена до вѣка сушитъ. Она бо въ день трясетъ, а въ ночь упокой даетъ, а со злою женою жити и не съ любовною, ни въ день отрады, ни въ ночь упокоя» *).

Мы указали отношеніе любопытнаго памятника нашей старинной словесности къ тѣмъ произведеніямъ, которые доступны были автору и читателямъ. Чтобы познакомить съ памятникомъ въ всемъ его объемѣ, предлагаемъ его по списку XV в., находящемуся въ Румянцевскомъ Музеумѣ подъ № 27, л. 409—411 об. Изъ другаго списка (Рум. Муз. № 358, л. 309 об. — 312), сокращеннаго въ сравненіи съ первымъ, заимствуемъ варіанты, ставя ихъ въ скобкахъ; крестикъ при изреченіи показываетъ, что такого изреченія въ сокращенномъ спискѣ не находится.

Поѹченне ѿ стых (книг о чадех). ѡ мѹжи христолюбци, внимаите гл҃ы(=глаголы) всакомѹ наказанію ѡца своего еже рече к сн҃ѹ своемѹ:

Сн҃ѹ, лѹче есть с ѹмным камень подимаати, неже з безумным вино піті. — Сн҃ѹ, с ѹмным безумьꙗ не створі, а к неразѹмномѹ не ꙗви ѹма своего. — Сн҃ѹ, свое участье даи, а чѹжаго не възмі. — Сн҃ѹ, иже с тобою съвѣта не пріимет моуж, то с тым на пут не ході. — Чадо, аще вышеи тебѣ ѿпадеть(сана), то не радоуиса, ні въздаи же гл҃съ(=гласъ) пред дрѹгы, да не ꙗватса гл҃і(=глаголы) (твоа): егда въставъ въздасть тобѣ. — Сн҃ѹ, егда възнесетса дрѹг, не завіди емѹ, илі злоба прідеть нань, то не радѹиса. — Чадо, сн҃а своего ѿ дѣтьства ѹкроті,

*) См. Слово Даніила Заточника, напеч. по списку XVII в. въ Отечественныхъ Запискахъ. 1842. № 6. Смѣсь. стр. 37.

да на старость почтеть тѧ: аще не Ѹкротіши, то преж днии своих смирит тѧ.—Сн҃Ѹ, не купи раба величава, ні робѣ тативѣ, да не расточать тіи имѣніа (твоего).—Чадо, аще кто навадит на друга твоего к тебѣ, не слѹшаи его, и твою таинѸ понесет к иномѸ. — Сн҃Ѹ, лжівъ чл҃къ сперва възлюблен, а на конець въ смѣсехъ, въ коризні бѸдет. — Чадо, ѡца своего почти, да стѧжонье свое тебѣ ѡставіт. — Сн҃Ѹ, отнѣ и матернѣ клатвѣ не пріимі, да ѿ чад своихъ радость пріимеші. — Сн҃Ѹ, в нощь безъ ѡрѹжіꙗ не ході: кто вѣсть, кто тѧ срѧщеть. — Чадо, якоже левъ въ твердости своеи страшен е҃ (=есть), такоже чл҃къ въ блізоцѣх и въ дрѹзѣх чт҃нъ е҃ (=честенъ есть); а иже родом скѸдъ, подобен есть древу прі пѸті, ꙗко всі мимоходѧщіи сѣкѸть его. — Сн҃Ѹ, аще тѧ пошлют на посольство, то не Ѹмедлі, да инъ не поидет вслѣд тебѣ.—Чадо, въ ст҃ыхъ днь цркві не ѿлѹчаисѧ.—СнѸ, коня не имѣѧ, на чюжом не ѣзді: аще срѧщет, то ині посмѣюттісѧ.—Чадо, не хотѧсѧ ꙗсті, то не ꙗжь, да не ѡбьѧдьчівъ нарчешісѧ. — Сн҃Ѹ, съ сілным брани не сътворі: тобѣ невѣдѸщѸ, а онъ въздвигнеть на тѧ нечто. — Чадо, въ лжю именем Бж҃ьимъ не кленісѧ, да не Ѹмалітсѧ число дніи твоих. — Сн҃Ѹ, аще что ѡбѣщаешісѧ Бг҃Ѹ, то не забываи, ꙗко небрегъ, но помінаи въ срдці: бл҃гвнъ бѸдеші.—Чадо, старѣиша сн҃а възлюбі, а мѣншаго не ѿрині. — СнѸ, к печалномѸ пріході а Ѹтѣшнаа словеса гл҃и (=глаголи) — Чадо, без вины крові не пролін, ꙗко истітель Бг҃ъ. — СнѸ, оудержі ꙗзык свои ѿ зла, а рѸці ѿ татбы.—Чадо, Ѹдалѧисѧ ѿ блѸда, паче же и ѿ мѸжатіць, да не пріидет на тѧ гнѣвъ Божіи.—Сн҃Ѹ, аще послѸшлешь Ѹмна чл҃ка, то ꙗко въ дн҃ь жаданіемъ (зноꙗ) студены воды напьешисѧ.—Чадо, аще наидет на тѧ печаль, Бг҃а не Ѹкарав.—Сн҃Ѹ, аще сѸдіꙗ бѸдеші, то сѸді право, да на

старость честен бꙋдеші.—Чадо, невъжадаи попіраті дрꙋга, егда ті бꙋдеть попранꙋ быты (егда ти не попраноу быти самомꙋ). —Снꙋ, аще ꙋмнꙋ слово речеші, поболит въ срдци, а безꙋмна аще стагомь бьеші-и не вложіті емꙋ ꙋма. — Чадо, ꙋмна пославъ на посольство немного наказыван, а безꙋмна пославъ, самъ по немь иді. — Снꙋ, аще та взовꙋть на ѡбѣдъ, по первому не ходи, но аще та възовꙋт второе, тогда віжь ꙗко честенъ есі и в честь пріідеші.—Чадо, жолчі и горесті вкꙋшахъ и не бы мі паче ꙋбожства. (Снoꙋ, аще и горести и жолци горко вкꙋшати и лꙋчши ꙋбожства). — Чадо, въ знаемыхъ сѣда не аві мꙋдрості. — Чадо, сына своего на въздержаніе ꙋчі: емꙋже наꙋчишь, в томъ пребꙋдет. — Снꙋ, лꙋче есть ꙋмна члка пьана послꙋшат, нежелі безꙋмна трезва. — Чадо, лꙋче есть слѣпъ(=слѣпъ) ѡчіма, нежелі срдцьмь (┼).—Чадо, лꙋче есть огнемь болѣті или трасавіцею, нежелі съ злою жоною съвѣт дръжати. (┼) — Снꙋ, лꙋче есть дрꙋгъ блізокъ, нежелі брат далеч. (┼). —Чадо, лꙋче есть смерть, нежели золъ живѡт. — Сынꙋ, егда пріזовеші дрꙋга на честь, стои пред ним веселым ліцем, да ѡнъ ѿидет веселым срдцемь.— Снꙋ, аще слово изрещі хощеші, то не напрасно гли, занеже лꙋче есть ногою подкнꙋтіса, нежелі словом. — Чадо, егда бꙋдеші в людех (аще видиши меж люди бои), тамо не ході, а пришед не смѣиса: въ смѣсѣ бо безꙋмье исходит, а въ безꙋмьи сваръ, а въ сварѣ тяжа, а въ тяжѣ бои, а в бою смерть, а въ смерті грѣхъ ражаетса и свершаетса.—Снꙋ, аще мꙋдръ есі, егда пьянъ бꙋдеші, то не гли много: ꙋменъ са нарчеши. — Сынꙋ, аще хощеші ꙋмнаго послꙋшаті, то безꙋмнои рѣчі не приложі. (┼). — Сынꙋ, прьваго дрꙋга не лишаиса, да и новыи ѿ тебѣ не ѿбѣжит. (┼). — Чадо, въ сꙋдьинъ дворъ не ході. (┼). — Снꙋ, лжіво слово тажко есть, ꙗко

олово ражжено. (✝). — Сн҃ꙋ аще хощеші любітіса съ дрꙋгомь, преже искꙋсі его: ѡві емꙋ таинꙋ свою и мінꙋвши днемь разваріса с нім, — аще ѡвіть таінꙋ, юже есі повѣдалъ, то не дрꙋгъ. (Чадо, аще хощеши се другом познатис, и ты емꙋ скажи лживую таиноую свою, преж искꙋшаѡ его, и по неколкых днех сварис с ним: аще ѡвит тайну твою на ꙋкоръ тобѣ, то неси емꙋ боуд дроуг.). — Чадо, аще званъ бꙋдеші, влѣзъ въ храмінꙋ, не зрі по угломъ (вшод не много зри по людѥмъ, аки не знаа ничегоже). — Сн҃ꙋ, въ пірꙋ не сѣді долго, егда преже изхода твоего изженеть тя (то долгое сѣденіе и безчестье доспеѡт). — Чадо, къ дрꙋгꙋ своемꙋ часто не ході, егда в бесьчестіе внідеши. — Сн҃ꙋ, лꙋче есть ѿ мꙋдра біенꙋ быті, нежелі ѿ безꙋмна маслом мазꙋнꙋ (=мазану). Сн҃ꙋ и чадо мое, ꙋже наꙋчіх та ѡ Хр҃ѣ І҃сѣ (=Христѣ Іисусѣ) (иже наоучих та и прими и разсоуди и еже ти боудть на ползоу).

Нельзя не замѣтить сходства, по литературному характеру, между этимъ произведеніемъ и тѣми, которые приведены нами выше: та же афористическая форма и тѣже авторскіе пріемы во всѣхъ приведенныхъ памятникахъ. Авторъ послѣдняго изъ нихъ также неизвѣстенъ; названіе же «Поученія отъ Святыхъ книгъ», не можетъ быть въ строгомъ смыслѣ допущено для сочиненія, въ которомъ при заимствованіяхъ изъ Св. Писанія находятся правила житейской мудрости, принадлежащія лично автору. Но въ древности подобныя правила вовсе не казались чѣмъ либо совершенно отдѣльнымъ отъ предписаній религіи: все, что истинно, благородно или только благоразумно считалось какъ бы священнымъ и къ соблюденію его побуждало религіозное чувство. Такъ какъ религіознымъ настроеніемъ объясняется присутствіе священныхъ для христіанскаго міра именъ

на сочиненіяхъ Русскихъ авторовъ, то позволимъ себѣ нѣсколько словъ въ подтвержденіе того, что въ древній періодъ нашей жизни и словесности религіозное начало преобладало во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности, въ общественныхъ отношеніяхъ, въ домашнемъ бытѣ. Въ преобладаніи этого начала и заключается причина, по которой понятія справедливаго, добраго, прекраснаго и даже приличнаго были нераздѣльны съ понятіемъ религіознаго. Особенно ярки и любопытны слѣды религіознаго воззрѣнія въ сферѣ самой обыкновенной, ежедневной жизни и ея простыхъ потребностей. То, что впослѣдствіи является условіемъ общественнаго приличія, не болѣе, встарину имѣло высокое значеніе, вытекавшее изъ религіознаго взгляда на вещи. Такъ, напримѣръ, еще къ XI столѣтіи правилами Русскаго общежитія требовалось: при входѣ въ чужой домъ поклониться въ землю хозяину и стать передъ нимъ съ сложенными руками, опустить же руки считалось невѣжливымъ и даже дерзкимъ. И это требованіе не было простымъ условіемъ приличія, а основывалось, по свидѣтельству Русскаго писателя XI вѣка, на примѣрѣ Христа, смиренно стоявшаго передъ Пилатомъ. Пр. Θеодосій въ одномъ изъ своихъ поученій къ братіи предлагаетъ наставленія о томъ, какъ вести себя въ церкви, сближая предлагаемыя правила съ требованіями общественнаго приличія внѣ храма. «Егда бо и къ дрꙋгомъ приходимъ, — говоритъ онъ — то достоить нам поклоненіе створше до землѧ и свѧзавше рꙋцѣ, аки рабоу Бж҃їю стати прѣд нимъ, и Христа о сѣмъ подражающе. видимъ бо Его предстоѧща прѣд Пилатом и порꙋгаема и не гл҃ща (глаголюща) ничсоже. И *повелѣно* ны є҃ (есть) другомъ толикы чьсти даꙑти смиренія ради, иже добродѣтельныѧ вѣнца оукрашаемъ. Еже бо не поклонитися дрꙋгоу своему и *руцѣ*

долоу повѣсити, то неродивых моужь и ленивых и *въ оумѣ търащихся*»*). Впослѣдствіи хотя долго держался обычай, но смыслъ его былъ уже потерянъ: въ XVII вѣкѣ кланялись еще въ землю люди вѣжливые **), но вѣроятно безъ мысли о религіозномъ источникѣ обычая. Въ XVIII же вѣкѣ и самый обычай забытъ въ кругу образованномъ. Въ драматическихъ произведеніяхъ XVIII в. замѣчаніями: «кланяется низко, съ низкимъ поклономъ» и т. д., авторы хотѣли указать зрителямъ съ перваго взгляда на принадлежность выведеннаго лица извѣстному и весьма невысокому сословію. Низкіе поклоны какого-нибудь Некопѣйкова также рисовали его сословіе и отличали отъ другихъ лицъ, какъ внѣшніе пріемы отличали Мавру, выходившую на сцену «имѣя руки въ карманахъ» отъ Софьи, которая часто «присѣдаетъ на право и на лѣво, прижимая руки къ себѣ и глаза въ землю опуская» ***). Замѣчательно, что даже во внѣшнихъ обычаяхъ высказалось различіе, замѣчаемое между древнею Россіею и новою. Какъ въ древній періодъ религіозное воззрѣніе давало смыслъ обычаю,

---

*) Въ пятокъ 3-й недѣли поста св. Θеодосія поученіе о търпѣніи и о смирѣніи. л. 112 об. въ Сборникѣ, рукописи Румянцевскаго Музеума, № 406.

**) Ср. О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича, Кошихина. 1840. стр. 118—119: «Обычай же таковый есть: гости женамъ ихъ (хозяевъ) кланяются всѣ *въ землю*, и потомъ господинъ дому бьетъ челомъ гостемъ и кланяется *въ землю* жъ, чтобъ гости жену его изволили цѣловать; гости единъ по единому кланяются женамъ ихъ (хозяевъ) *въ землю* жъ, и пришедъ цѣлуютъ, и отшедъ кланяются *въ землю*, а та, кого цѣлуютъ, кланяется гостемъ *малымъ обычаемъ*; и тотъ господинъ кланяется *въ землю* жъ, сколько тѣхъ гостей ни будетъ, всякому по поклону, чтобъ они изволили у жены его пити вино, гости предъ питьемъ вина и выпивъ отдавъ чарку назадъ, кланяются *въ землю* жъ и т. д.

***) Сочиненія Императрицы Екатерины II. 1849. Томъ II, стр. 179. —Россійскій Θеатръ. Часть XIII. 1787. стр. 177, 105, 109 и др.

такъ въ началѣ XVIII в. на внѣшнихъ даже формахъ общежитія обнаруживается вліяніе иностранное, отличающее бытъ нашъ и литературу нашу въ XVIII столѣтіи. По крайней мѣрѣ встрѣчающіяся въ литературныхъ памятникахъ указанія довольно ясно говорятъ о подражаніи тону Французскаго общества. Черты въ родѣ слѣдующихъ въ сочиненіи Императрицы Екатерины II: «она (Христина) не новосвѣтская госпожа: говоря по Русски брата называетъ братцемъ, а не mon frère, сестру сестрицею, а не ma soeur; не знаетъ и другихъ вытверженныхъ, подобно попугаю, словъ, ни кривлянья. Не къ стати не хохочетъ, кушанья за столомъ не называетъ блюдомъ славнымъ и т. п.» *),— подобныя черты невольно приводятъ на мысль отзывъ нашего наблюдательнаго путешественника о современныхъ ему Французскихъ «петиметрахъ». Тонъ ихъ обхожденія, говоритъ онъ, «состоитъ въ томъ, чтобъ говорить грубо, произнося слова отрывисто; ходить переваливаясь, разинувъ ротъ, не смотря ни на кого; смѣяться безъ малѣйшей причины, сколько силъ есть громче. Таковы всѣ нынѣшніе Французскіе петиметры» **).

Только въ XVIII столѣтіи, когда бытъ народа подвергся существеннымъ измѣненіямъ, ярко обозначились и различные его сферы, такъ что смѣшеніе ихъ служитъ уже признакомъ недостатка въ образованіи. Странно было бы въ этомъ столѣтіи обыкновеннымъ правиламъ общежитія придавать священное значеніе и въ упражненіи доморощенныхъ моралистовъ видѣть трудъ великихъ учителей церкви. Но это не казалось страннымъ въ тотъ періодъ народнаго развитія, въ который духовные интересы не были такъ сложны, какъ впослѣдствіи,

*) Сочиненія Императрицы Екатерины II. 1849. Томъ II, стр. 30.
**) Сочиненія фонъ-Визина. 1852, стр. 311.

и одному изъ нихъ предоставлено было повсюдное господство. Подобно быту народному, и вѣрный выразитель его — языкъ удержалъ слѣды преобладанія одного начала. Эти слѣды встрѣчаются не только тамъ, гдѣ самое содержаніе какъ бы вызывало ихъ; но и въ выраженіяхъ поговорочныхъ, при передачѣ мысли вовсе не религіознаго характера. Выраженія въ родѣ слѣдующихъ: *я грѣшный*, *мое тѣло грѣшное* и т. п. имѣютъ свое основаніе въ религіозномъ взглядѣ на предметы. И подобныя выраженія весьма древни въ нашемъ языкѣ. Въ грамотахъ, завѣщаніяхъ и пр. рано сдѣлались они необходимыми, техническими. Въ грамотѣ Смоленскаго Князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила (1150 г.) читаемъ: «Се *азъ грѣшный* сынъ Мстиславль, надѣяся на Матерь Божью на святую Богородицу, уставляю сію епископью»; «се *азъ худый и грѣшный* и недостойный епископъ Маноилъ, съ благороднымъ и христолюбивымъ княземъ моимъ Михаиломъ, утвержаевѣ еже написана, утвержена и сотворена, о благодати и благословеніемъ Святого Духа, и т. д.» *). Также сообразно съ тономъ рѣчи выраженіе: *азъ худый* — у преп. Нестора, у Іакова; оно же умѣстно употреблено и Владиміромъ Мономахомъ въ его поученіи. Но иногда эпитетъ: *грѣшный* является вовсе неожиданно въ рѣчи о предметахъ житейскихъ. Аѳанасій Никитинъ пишетъ въ своемъ путешествіи: «Ханъ же ѣздитъ на людехъ, а слоновъ у него и коній много добрыхъ, а людей у него много Хорозанцевъ; а привозять ихъ изъ Хоросаньскыя земли, а иныя изъ Тукрмескыя земли, а иныя изъ Чеготаньскыя земли, а привозять все моремъ въ тавахъ, Индѣйскыя земли корабли. И *азъ грѣшный* привезлъ жеребьца въ Индѣйскую

*) Дополненія къ Актамъ Историческимъ. 1846. Томъ I, стр. 7.

землю, дошелъ есми до Чюнеря, Богъ далъ поздорову все, а сталъ ми сто рублевъ» *). То, что было архаизмомъ уже въ XV в., удержалось въ языкѣ даже XVIII столѣтія. Въ записках этого времени можно читать такія извѣстія: «въ мартѣ мѣсяцѣ (1712) высланы мы всѣ малолѣтные дворяне на смотръ изъ Москвы въ Петербургъ, съ прочими всѣми и *я грѣшникъ*. И поѣхали мы вмѣстѣ съ дядьями моими» **). — Употребленіе въ подобныхъ случаяхъ названія, взятаго изъ области религіи, объясняется вліяніемъ религіознаго воззрѣнія на языкъ, не легко стирающій съ себя печать старины.

Если — возвращаюсь къ предъидущему — общій характеръ вѣка отразился въ языкѣ даже въ такихъ случаяхъ, когда мысль вовсе не была проникнута этимъ характеромъ; если внѣшняя форма учтивости, въ понятіи соблюдавшихъ ее, сливалась съ благочестивымъ обычаемъ, — то, понятно, что въ отличеніи твореній вполнѣ религіозныхъ отъ другихъ, имѣющихъ съ первыми нѣчто общее, не могло быть строгой разборчивости. Понятно, почему практическія наставленія Русскихъ умныхъ людей, правила житейской мудрости получали въ рукописяхъ громкія названія твореній І. Златоуста, Василія Великаго, Кирилла Философа, или — собирательно — Св. Отцевъ.

На основаніи всего высказаннаго нами по поводу приведенныхъ образцовъ, и принимая въ соображеніе другіе подобные факты въ нашей древней словесности, мы склоняемся къ выводу, что переписчики и составители сборниковъ и другихъ книгъ имѣли не одно только отрицательное вліяніе на нашу

*) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Томъ VI. 1853. стр. 333.

**) Родословная Головиныхъ, собр. П. Казанскимъ. М. 1847. Записки В. В. Головина стр. 44.

письменность. Правда, между ними попадались и невѣжи, искажавшіе памятникъ; но были и такіе люди, которые умѣли цѣнить произведеніе, надъ которымъ трудились. Притомъ въ древній періодъ списываніе и авторство часто совмѣщались одно съ другимъ: объ одномъ и томъ же лицѣ иногда упоминается и какъ объ авторѣ, и какъ объ усердномъ списыватедѣ книгъ, достойныхъ вниманія и уваженія. Примѣры этому разсѣяны въ лѣтописяхъ. Пиша произведеніе подъ сильнымъ вліяніемъ извѣстнаго образца, иногда только распространяя его, авторъ вносилъ въ древній памятникъ черты новыя, находящіяся въ связи съ современною автору дѣйствительностію. Измѣняя внѣшній видъ памятника, авторы часто удерживали его первобытную основу. Въ этомъ отношеніи судьбы письменной словесности представляютъ черты сходства съ судьбами словесности устной.

Соотношеніе между ними обнаруживается, кромѣ общаго духа, и въ способѣ, какимъ обѣ отрасли пользуются своими неизмѣнными источниками, и въ самомъ признаніи избранныхъ лицъ — какъ главными героями сказаній, такъ и достойнѣйшими творцами произведеній, наиболѣе чтимыхъ современниками. Что касается устной словесности, то любимымъ героемъ ея былъ у насъ Св. Владиміръ; ему приписывались и всѣ событія позднѣйшія, относящіяся ко Владиміру Мономаху, ко Владиміру Галицкому, и къ князьямъ другаго имени, различныхъ періодовъ исторіи. Матеріалы для сказаній были болѣе или менѣе одни и тѣже. Смутное воспоминаніе о прошломъ, о томъ, что было «во ту ли стару старину, во ту ли стародавнюю» и сочувствіе событіямъ современнымъ давали содержаніе поэтическому разсказу, переходившему изъ поколѣнія въ поколѣніе. Чѣмъ болѣе сходны были условія быта различныхъ эпохъ, тѣмъ болѣе народные поэты увле-

кались желаніемъ сберечь «стару рѣчь завѣтную», тѣмъ болѣе сходства замѣчается между ихъ произведеніями.

Подобно устной и письменная словесность имѣла источники, общіе для писателей различныхъ поколѣній, и это было для нея тѣмъ возможнѣе, что образцы ея не ввѣрялись одному только ненадежному храненію памяти. Во многихъ случаяхъ Русскій писатель XII вѣка и Русскій писатель XVI вѣка обращались къ однимъ и тѣмъ же источникамъ, только послѣдній имѣлъ передъ собою труды своихъ соотечественниковъ, предварившихъ его на литературномъ поприщѣ, и могъ пользоваться ими. Множество фактовъ свидѣтельствуютъ, въ какой степени писатели послѣдующіе пользовались трудами своихъ предшественниковъ. Такія заимствованія были обычны преимущественно въ отношеніи къ авторамъ, наиболѣе цѣнимымъ, и однажды составленное понятіе о значеніи автора переходило изъ вѣка въ вѣкъ. Съ первыхъ временъ христіанства водворилось въ нашемъ письменномъ мірѣ высокое уваженіе, напримѣръ, къ Іоанну Златоусту или Св. Кириллу, и оно прошло чрезъ всѣ вѣка. Благоговѣйное воспоминаніе о первомъ поддерживалось его многочисленными произведеніями и подражаніями имъ Русскихъ авторовъ. Слава другаго возобновлялась дѣятельностью соименныхъ ему Русскихъ писателей, и т. п.

Чѣмъ для устной словесности были народные пѣвцы, тѣмъ книжники—для словесности письменной. И тѣ и другіе не только передавали произведенія временъ древнѣйшихъ, но и вносили собственныя дополненія, болѣе или менѣе связанныя съ древнею основою. Участь двигателей обѣихъ отраслей словесности въ извѣстный періодъ народной образованности, представляетъ много общаго даже въ сужденіяхъ о нихъ людей просвѣщенныхъ. Извѣстно, какъ мало значенія

придавали нѣкогда народнымъ пѣснямъ и ихъ пѣвцамъ. Вальтеръ Скоттъ утверждалъ, что эти послѣдніе съ намѣреніемъ искажаютъ поэтическія произведенія, стирая и особенности слога и самый духъ, и потому сравнивалъ ихъ съ алхимиками, замѣняющими золото свинцомъ*). Но нельзя было не сознать, что пѣвцы суть единственные живые источники для знакомства съ стариною и народностью, и въ наше время сборники пѣсней и преданій, записанныхъ съ устъ пѣвцовъ, принадлежатъ къ капитальнымъ пріобрѣтеніямъ многихъ Европейскихъ литературъ. Не благосклоннѣе и даже строже еще слышались отзывы о книжникахъ. Довольно вспомнить приговоры Шлецера Русскимъ переписчикамъ въ противоположность съ Нѣмецкими средневѣковыми, въ число которыхъ, по его словамъ, не легко входили люди необразованные болѣе годные для занятій полевою или садовою работою**). Основательное, чуждое пристрастія и односторонности, изслѣдованіе привело къ другимъ результатамъ, и опредѣлило значеніе лицъ, способствовавшихъ движенію нашей письменности. Лѣтопись и жизнеописанія людей достопамятныхъ принадлежатъ къ древнѣйшимъ произведеніямъ нашей словесности, и на нихъ всего виднѣе обозначилось бы вліяніе невѣжественныхъ переписчиковъ; но оно вовсе не было такъ невыгодно, какъ предполагали нѣкоторые ученые. Современная историческая критика признаетъ, что и всѣ основныя извѣстія древней лѣтописи сохранились въ томъ видѣ, въ какомъ они возникли подъ не-

*) Совершенно противоположны взгляду Вальтеръ Скотта мнѣнія первостепенныхъ знатоковъ и собирателей народной поэзіи, каковы братья Гриммы, Вильмарке и др. См. *Barzaz-Breis*. 1846. Томъ I, глава IX и все введеніе Вильмарке къ Бретонскимъ пѣснямъ, изданнымъ имъ подъ названіемъ *Barzaz-Breiz*, т. е. поэтическая исторія (Barzaz) Бретани (Breiz).

**) Несторъ. I, Введеніе § 19. стр. и д.

ромъ Нестора *),—и древнѣйшій сборникъ жизнеописаній, Патерикъ, передаваемъ былъ переписчиками очень добросовѣстно изъ одного столѣтія въ другое **).

Отрицать общепринятое мнѣніе, что во многихъ памятникахъ нашей древней словесности встрѣчаются мѣста искаженныя—невозможно. Безъ всякаго сомнѣнія нѣкоторые изъ переписчиковъ принадлежали къ числу людей «нѣсколько беззаботныхъ на счетъ литературы», по выраженію современнаго намъ писателя; но нѣкоторые и даже многіе не значитъ еще всѣ. Если невѣжи писцы и искажали рукописи, то люди болѣе образованные видѣли ошибки и исправляли ихъ по своему крайнему разумѣнію. Поправки не были случайными, а вошли въ обычай до того, что даже признано нужнымъ ограничить произволъ въ исправленіи. Весьма замѣчательны слѣдующія слова въ наказѣ Іосифа Волоцкаго иноку (1479—1515): «а изъ церкви и изъ трапезы книги не имати безъ благословеніа пономарева, а увидитъ что въ книзѣ погрѣшеніе, ино не переписати, ни вырѣзати, сказати настоятелю, *съ иныя книги исправити, а не по своему домышленію»* ***). Въ иныхъ случаяхъ переписчики являются надежными руководителями для отысканія истины, вѣрно передавшими всѣ особенности оригинала. Въ другихъ самыя ошибки, неумѣстныя повидимому вставки знакомятъ съ любопытными чертами вѣка, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на преданія временъ отдаленнѣйшихъ, и ученымъ не разъ приходилось убѣждаться, что позднѣйшіе и неисправные списки иногда сохраняютъ въ себѣ слѣды первобытнаго источника гораздо полнѣе, нежели списки болѣе древніе.

*) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. I, стр. XIX.

**) Чтенія М. общества исторіи и древностей. 1847. № 9. О патерикѣ Печерскомъ, *Кубарева*, стр. 16.

***) Дополн. къ актамъ историч. Томъ I. 1847. № 211, стр. 359.

VII.

ЕЩЕ ОДНО ПОУЧЕНІЕ КИРИЛЛА ТУРОВСКАГО,

ПО НЕИЗДАННЫМЪ СПИСКАМЪ.

Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, предложивъ два поученія Кирилла Туровскаго по неизданнымъ спискамъ (Изв. III. стр. 369 и слѣд.), напомнило изыскателямъ необходимость возстановленія подлинныхъ чтеній, необходимость исправленій и дополненій текста всѣхъ Поученій, приписываемыхъ Кириллу Туровскому, при помощи списковъ, которыми Калайдовичъ не пользовался въ своемъ изданіи. Это напоминаніе не осталось безъ послѣдствій. Одинъ изъ молодыхъ тружениковъ филологіи (г. *Филоновъ*), отъ трудолюбія котораго можно ожидать полезныхъ работъ, взялъ на себя обязанность пересмотрѣть списки Поученій Кирилла Туровскаго, находящіеся въ Петербургскихъ библіотекахъ, и извлечь изъ нихъ то,

что нужно для исправленія текста. Онъ сообщилъ на первый разъ, по нашему желанію, сводный списокъ того поученія, которое въ нѣкоторыхъ спискахъ озаглавлено «Словомъ св. Кирилла» и напечатано Калайдовичемъ по списку XVI вѣка подъ № XII (стр. 92). Оно находится въ Рум. Муз. въ четырехъ спискахъ *). Два изъ нихъ писаны уставомъ XIV или начала XV вѣка, третій — полууставомъ XVI вѣка, содержащій въ себѣ нѣсколько исправныхъ чтеній противъ печатнаго, а четвертый—тотъ, съ котораго издалъ Калайдовичь. Здѣсь сообщается слово XII-е по полнѣйшему и древнѣйшему списку; для сличенія взять списокъ другой, хотя древній, но сокращенный **).

«Слово св. Кирилла».

«Понеже таина си велика есть, не всѣмь откровена есть, многыми человѣкы несвѣдома; но ıако же Кирилъ Философъ рече: не того ради створени быхомъ, да ıамы и піемъ и въ одежа различныıа облачимся (по другому списку: «облачитися»); но да оугодимъ Богови и боудоущаıа благаıа полоучимъ (по др. списку: «наслѣдимъ»). Понеже (въ др. сп. «по понеже») непытаніемь Божественыхъ писании заблоудихомъ отъ истинаго поути; ни помышляемъ, како ны есть почтилъ Богъ и създа (въ др. сп. «и создалъ») въ оутробѣ матерни и душю въложилъ и пакы оттоудоу ны възведе (въ др. сп. «изведе»). Егда бо рече: всякъ младе-

---

*) Пятый списокъ № 181 на л. 144 не весь; начало его помѣщено у Востокова Опис. Рук. Р. М. стр. 227—228.

**) Первый списокъ въ № 337 на л. 62 и др.; второй въ № 186 на л. 13 и др. Мы приводимъ первый, свѣряя со вторымъ. Третій списокъ въ № 181. Все, что въ скобкахъ, взято изъ втораго списка.

нець крещаемъ бываеть; тогда посылается (въ др. сп. «посылакмъ») отъ Бога ангелъ на съхраньние (въ др. сп. «на схраненьк») въ все («во все») житие человѣчьском; лоукаваго же сатоны («сотоны») ангелъ даемъ бываеть, егда въ смыслъ и въ разоумъ бываеть («будеть») о всемь добрѣ и злѣ («и о злѣ»). Да егда же начнеть въ правдѣ пребываеть («пребывати») человѣкъ; то приемлеть старѣишиньство Божии ангелъ надъ нимь и съхраняеть его («ꙗ») отъ всякаго лоукавьства диꙗвола въ нощь и въ день («в нощи и во дни»). Имат же душа та съвѣщание въ себѣ («свѣщаньк в собѣ») съ ангеломъ, и написаеть ангелъ вся благаꙗ («дѣла») отъ оуности и до старости. Егда пакы человѣкъ тъ начнеть пребывати въ злых дѣлехъ («дѣлѣхъ» по др. сп); тогда приемлеть власть и старѣишиньство лоукавыи ангелъ («дьꙗволъ») сатанинъ («сотонинъ») надъ таковымъ человѣкомъ, и, въ слѣдъ его ходя, вся грѣхи («грѣхы) написаеть нощныꙗ и дневныꙗ; ангелъ же Господень плачется таковаго человѣка. Аще ли покается; то приемлеть ангелъ Божіи старѣишиньство и власть: тогда ангелъ сотонинъ плачется («плачеться») его. Паки же соуть инози невѣроующе, ни послушати хотяще, ꙗко испытаема есть («суть») душа оу смерти человѣкомъ, егда же исходить исъ тѣла («отъ тѣла»). Попеже поставляеть («поставилъ ксть») Богъ испытаниꙗ три всякомоу человѣкоу: первое испытание, егда хощеть разлоучитися отъ тѣлеси душа («душа отъ телесѣ»); преже бо придоуть бѣси и представять вся дѣла еꙗ, ꙗже боудеть съгрѣшила («сгрѣшилъ») отъ оуности и до старости, отвивающе хартииныꙗ свитки («харатьиныꙗ свитькы») и начноуть обличати душю, исповѣдающе грѣхы еꙗ, ꙗже въ всемь житии («во всемь житьи») съгрѣши (по др. сп. «ркуще: ни ци забыла кси, ꙗже

съгрѣши во всемь животе своемь»*), но мы ихъ не забыхомъ и списахомъ ихъ ꙗсно. Посемъ предстанета два ангела, посланнаꙗ по душю отъ Бога. Егда же оузрить кю душа и оужаснется, и образъ весь («вьсь») измѣнится, и лѣпота лица, роуцѣ и нозѣ премолкнета и слоуха съ нима («и слуха с нимь») и ꙗзыкъ молчаниемъ затворится, и очию зракъ пременится, и боудеть весь оуныль («и») дряхлъ и скорбенъ и за симъ ꙗвится смерть. Тако ноужею страшною душа отъ телеси изиидеть («изидеть»**), и станеть держима душа на свое тѣло зрящи, ꙗко же бы кто («ꙗко же бѣ») извлекся изъ ризы своеꙗ и потомъ зря еꙗ («сталъ зря кꙗ»): тако станеть и душа, зрящи на свое тѣло, отъ него же изииде и оумилно къ ангеломъ възирающее и видить («видѣ») дѣла съвоꙗ предъ собою поставлена, или добраꙗ, или злаꙗ, ꙗко въ извѣсѣхъ извѣщаема («въ звѣсѣхъ»). И посемъ душю въземше, понесоуть на въздоухъ къ второмоу испытанию, идеже есть двадесять («к») мытарствъ, Богомь поставлени на въздоусѣхъ пре («предъ») враты небесными на испытание всякои души исходящии («—щеи») с тѣлеси («отъ телеси») и грядоущи къ небеси: первое мытарьство — оболгание, елико боудемъ лгали отъ оуности и до старости; въторое мытарьство—оклеветание, елико человѣкы оклеветахомъ; третие мытарьство—зависть, елико комоу завидѣхомъ; 4-е мытарьство, иже боудемъ гнѣвъ держали долго на кого когда; 5-е мытарьство—ꙗрость съ гнѣвомъ или на чада, или на рабы или на всякаго человѣка; 6-е — гордость («клико коли разгодѣхомъ» т. е. разгордѣхомъ); 7-е—боуесловие и срамословие и бестоуднаꙗ словеса и плясание («кже») и въ пироу, и свад-

*) Въ третьемъ спискѣ № 181 л. 118: «чи забыла еси ꙗже съгрѣши».

**) Въ третьемъ: «изыдеть».

бахъ («и на свадбах»), и въ павечерницахъ, и на игрищехъ и («на») оулицахъ; 8-е — грабление («рѣзоиманье, грабленьк) насилное и рѣзоимание и мьздоимание; 9-е—тщеславие, когда створихомъ хвалы ради человѣча («славы ради и хвалы человѣческыꙗ»); 10-е—сребролюбие и златолюбие; 11-е—пиꙗньство и запоиство («и») всѣ чаши наши изъчтены соуть отъ бѣсовъ отъ запои; 12-е — злопомнѣние («злопоминанье, клико злопоминахомъ глаголюще: не забуду ти и до смерти»); 13-е—чародѣйство и вълхвавание («волхвованьк), потворы, наоузы («потвори, наоузы»*); 14-е—объꙗдение и раннее («раннек») и полоудневное ꙗдение и питие отъ оуности нашеꙗ и до старости; 15-е—всяка ересь и иже вѣроують въ стрѣчю («в устрѣчю») и въ чехъ, и въ полазъ, и въ птичь грая, и въ върожю («в ворожю»), и еже басни бають и въ гоусли гоудоуть, и еже оуним блоудъ творять; 16-е — прелюбодѣꙗние, еже моужи отъ женъ своихъ блоудъ творять, а жены отъ моужии своихъ («с чюжими мужи, ли с дѣверми, или с кумы, а мужъ и сьꙗтровами, или съ хрестными сестрами, или с близоками, и съ кумами своими»); 17-е—оубииство или биение, или за власы ррание до крови; 18-е—татба и всякое крадение: подобно пытають обличающе душа мимоходящаꙗ; 19-е —всякъ блоудъ, еже съ скотомъ и («с») блоудницами и еже роучныи блоудъ; 20-е — немилосердье и скоупость: сдѣ бо обличають бѣси душю, аже боудеть коли братоу досадила, или нищемоу, или изгнали боудемъ изъ домоу своего, или грозилися на кого, то ту обличающе ны бѣси препирають; аще бо и вся заповѣди Божиꙗ присно съблюдемъ («схранимъ»), а боудемъ немилостиви на нищаꙗ и немилосерди на рабы своꙗ,

*) Тамъ же: «потвори, наоузѣ».

не подавающе («неподатливи») имъ доволного одежа и пища («и одѣньи и пища»), къ дѣлоу же («а дѣломъ») насилоующе и всякыми бѣдами, да егда (?) боудеть испытаема душа, истязаема отъ въздоушныих бѣсовъ. Аще да имать («да еще имать») душа та добраи дѣла и истинное покаяние; то тѣмь искоупающися вся си преходить, и потомъ въсходить въ врата небесныи радоующися, яко изъбывши въздоушныих бѣсовъ, и потомъ оустрѣтають и дроузии ангеле («ангели»), посылаеми по душа («ю») инѣхъ («иныхъ») человѣкъ, веселящеся радоуются о ней, яко избѣже лоукавыих бѣсовъ, и цѣлоують объимающеи («объимающе»); и потомъ принесена бываеть къ престолоу Бога вседержителя и поклонится подножью Господа; и потомъ предасть ю Михаилоу, завѣта (?): иди, веди душу сию, покажи ей обители святыхъ и небесныи полаты раискыи и душа праведныихъ, соущая въ раи, и душа грѣшныихъ, соущаи въ адѣ, и вся моукы различныи въ бездни на моукоу грѣшьнымъ, въ нихъ же имоуть быти моучими въ день великии («великыи») соуда. И носима бываеть преже по небеси и показаеть ей полаты святых и градъ горнии Иерусалимъ, его же Господь самъ по възнесеи («по възнесеньи») създа, и потомъ несена бываеть въ раи къ праведныхъ душамъ; исходяще же душа («души») праведныихъ срѣтають ю, объимающе, и целоують. И потомъ ведеть ю въ адьскоую пропасть, идѣже затворены соуть душа («души») грѣшныихъ («грѣшныхъ») отъ вѣка, и показаеть ей мѣста, идеже имъ моучитися, понеже моука далече отъ мира есть на западѣ; си же вся мѣста обьходить душа праведнаго за 40 днии, и потомъ вънесена боудеть въ раи и въ мѣсто поконно и до послѣдняго воскрешениы. Всѣхъ же грѣшныихъ душа, егда изиидоуть («изидеть») ис телеси и предстаноуть («предста-

нуть?») ей ангели бѣсовьстии и принесоуть предъ ню вся ѥѩ съгрѣшеныѩ, ѩже боудеть створила («съгрѣшии) отъ оуности и до старости, написаны въ свѣтцѣхъ («свитцѣхъ»), и начноуть отвивающе обличати ю: да нелзѣ ся ихъ боудеть заврети, понеже лѣта и мѣсяци («мцѣ») и времена, и дни и часы («и праздници с памятью имуть неписаны, кгда сгрѣшихомъ, или в кои лѣто, или в кои мѣсяць»), или въ которыи праздникъ, или до обѣда, или по обѣдѣ, или въ нощи, или въ дни («ли въ день, ли в нощь»). Да аще исповѣдалъ боудеть отцю духовномоу си и покаѩвся пакы ся не възвратилъ боудеть к нимъ, то обрѣтаются заглажены; понеже невидимо въ нихъ («оу нихъ») заглажають («заглажакть») Духъ Святыи; бѣси же вѣдають, ѩко истиннымь («истиньнымъ») покаѩниемъ («покаѩньемъ») покаѩшася загладишася («загладися») и скорбять, не полоучивше. Аще ли боудеть оутаила («—лъ») своѩ («грѣхы») и не изъповѣдалъ отцю; то незаглажены обрѣтаются въ свитцѣхъ тѣхъ. Аще ли боудеть исповѣлъ («исповѣдалъ») отцю, отець же дара дѣля не положилъ боудеть емоу епитемии («опитемьи»), стыдяся; за ты грѣхи («грѣхы»), рекше, на добраѩ дѣла не наказалъ, на молитвы и поклоны, на постъ и на милостыню и на прочаѩ добрая дѣла не наоучилъ, ни въпрашалъ («ни въстягнулъ») — дабы не творилъ зла, ни съгрѣшалъ; то таковаго грѣси незаглажени ѩвляются («обрѣтаються») въ свитцѣхъ бѣсовьскыихъ, но вси ѩсно съ памятью исписаны; то оба таковаѩ приимета безконечноую моукоу: понеже онъ вѣдаѩ грѣхи («грѣхы») его не положилъ емоу епитемьи («опитемьи») за ты грѣхи, а сии тако же вѣдаѩ изиска себѣ («собѣ») отца потаковника и покаѩвся оу таковаго — оба осоудятся въ единоу моукоу («оба осудитася»). И потомъ въсхитима («въсхытима»)

бываеть душа та лоукавыми бѣсы и бьема лютѣ, не дающе ей ни до перваго мытаръства доити («взити»), и затворима бываеть въ адѣ, въ тмѣ сѣни смертнѣи («и во тмѣ в синѣ смертнѣи), идѣ же души грѣшныихъ отъ вѣка бываеть въ адѣ, въ тмѣ, и въ сѣни смертнѣи соуть держими и тоу сѣдять плачющеся, ожидающе дне великаго соуднаго. Но на преже-глаголаная възидемъ, понеже мнозии съблажняются («мнозѣ соблажняються») рекоуще: яко оуже нѣтъ святыхъ на земли; тако глаголюще мнози заблоудившеся погыбоша («и»), мнози иныя въ слабость въвергоша, о нихъ же отъ нихъ слышаще и на нихъ възирающе състоупиша съ истиннаго поути, заблоудиша послоушающе таковыихъ невѣгласъ(«невѣжь»),понеже невѣдѣние есть злѣе съгрѣшения («невѣданьк злѣк кстъ сгрѣшеньмя»). Аще ли быша потавали («пытали») Божиих еуангелии («и») святыхъ книгъ, яко же Божии оусты речена быша: не преидеть родъ сеи, дондеже вся си боудоуть,—право глаголю вамъ: небо и земля мимоидеть, а словеса моя не имоуть преити, ни изменятся; се толкоуя («толкукть») Лоука еуангелистъ глаголеть о святыихъ: весь преидеть родъ сии («се всь преидеть родъ сь») и не оскоудѣють праведнии святии до скончания мироу. И Матѳеи еуангелистъ тако же свѣдѣтельствоуеть; Иоаччь Богословець тако же извѣстоуеть; и Павелъ Апостолъ рече: не вси оубо оумремъ, вси же изменимся въ мьгновении («в мегновеньи») ока—рекше—въ борзѣ. Егда бо вси человѣци изъмроуть; тогда останоутся мнози праведнии и живи хранимы Богомъ, не разлоучившися душа съ тѣломъ. И инии мнози пророкоша («о семь»): аще оубо кто пытати хощеть, то обрящеть. («И») се оуже видимъ конець мироу приближающься, и оурокъ житию скончавается; но оуже мало нашего живота и вѣка. Вся, якоже рече Господь

(«и сбышася»): въстати имать ıазыкъ на ıазыкъ, царство на царство, страна на страну, князь на князь («царь на царя и князь на князя»), епископъ на епископа, черьнець на черньца, и братъ на брата,—и боудоуть глади и пагоубы и троуси по мѣстомъ: вся же та въ начало болѣзнемъ. По скончании же томъ солнце и мѣсяць померкнеть («и луна померкнета»), небеса съвьются («совьются») въ свитокъ, и силы небесныıа ıавятся, и по семъ («по семь») сынъ Божии съ славою приидеть, хотя соудити всемоу мироу. Сконьчавшю бо ся оурокоу («року») житиıа, оставъшимся тремъ лѣтомъ седмыıа тысящи, боудеть въ та лѣта 3 царство антихристово по скончании же 3-го («трии лѣтъ») царства его («кго»), послѣть Господь Михаила и Гаврила («Гаврила»), и въстроубять въ рога овня: въ мьгновеи («в мегновеньи») ока въскресноуть мертвии; праведници же въскресноуть преже, свѣтли по добродѣтели ихъ, на послѣдокъ же грѣшници («преже свѣтлѣ по добродѣтели ихъ, послѣди же грѣшници») помрачени *) по злымъ ихъ дѣломъ. Посемъ («посемь») огнь неоугасимы потечеть отъ въстока и до запада, поıадаıа горы («и»), каменне и древа, и море исоушаıа; твердь же ıако бересто съвертится и вся видимаıа вещи соущиıа, развѣе человѣкъ, вся отъ ıарости огненыıа, ıако воскъ истають, изгорить вся земля; сквозѣ тыи огнь неоугасимыи подобаеть проити всемоу мироу человѣчьскомоу; не боудеть где съкрытися, ни бѣжати, но боудеть болѣзнь и скорбь, не имоущи ни единоıа («же») оутѣхи, паче же грѣшнымъ непокаıавшимся и ни единоıа скорби имѣвшимъ о души своеи, но точью въ покои, и въ пищи и питии мнозѣ, паче же въ блоудѣ и прелюбодѣıании и въ прочихъ инѣхъ («прочих иныхъ») грѣсѣхъ лѣта своıа

*) Тамъ же: «омрачені».

скончаша, да тѣмъ ꙗвится имъ ꙗрость Божиꙗ полна гнѣва и ꙗру бѣдоу отмщениꙗ носящи; не явится бо имъ ꙗко тремъ отрокомъ хладъ, праведнымъ же ꙗвится хладъ, а не огнь: въ нихъ же («в сих же») соуть нѣкотории имоуще мала сългрѣшениꙗ неисправьлена, ꙗко человѣци: понеже есть Богъ единъ без грѣха и плоть въза нашего ради спасениꙗ — да сихъ огнемъ искоусивъ оцистить («оцистить») *) ꙗ, и просвѣтятся ꙗко солнце; по добродѣтели («бо») праведнымъ даеть свѣтъ, а грѣшнымъ же опаленіе и омрачение. Прошедшимъ же имъ огнѣноую («огньную») сию рѣкоу, огневаꙗ си («сиꙗ») рѣка, по Божью повелѣнью, послоуживши, и отшедши къ западу, тоу оучинится езеро огненое на моучение грѣшникомъ («грѣшнымъ»). И посемь боудеть земли нова и равна, ꙗко же бѣ искони и бѣла паче снѣга, и потомъ повелениемъ Божиимъ пременится («и») ꙗко злато боудеть, изыидеть из неꙗ трава и цвѣти многоразлични («многолачни»), неоувѣдающе никогда же, понеже соуть духовна; и по семъ възрастоуть древа, не ꙗко видимаꙗ сиꙗ («си») соуще, но высотою и лѣпотою и величьствомъ невъзможно есть изглаголати оусты человѣчьскы, понеже соуть духовня — о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ».

Не случайно, въ статьѣ предъидущей о Поученіяхъ Кирилла Туровскаго, эти Поученія названы «приписываемыми» нашему пастырю XII вѣка: это сдѣлано потому что и тогда уже было въ виду нѣсколько мѣстъ изъ твореній Отцевъ Церкви, очень сходныхъ съ текстомъ Кирилловскихъ поученій. Замѣчая это, считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе изыскателей на то, что еще рано, кажется, окончательно

*) Тамъ же: «очистить».

глядѣть на эти поученія, какъ на произведенія чисто-Русскія, и между прочимъ пользоваться ими для доказательства домысловъ относительно быта и образованности древней Руси. Надо прежде отдѣлить въ нихъ чисто-Русское отъ того, что случайно сочтено Русскимъ. Это особенно важно въ отношеніи къ слову, нынѣ сообщенному, гдѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ, проповѣдникъ касается быта и обычаевъ, и гдѣ однако искать отраженія нашей древней Руси было бы по крайней мѣрѣ напрасно, какъ это объяснено будетъ въ другомъ мѣстѣ.

Еще позволю себѣ замѣтить, что не льзя, кажется, не обратить особеннаго вниманія на языкъ Поученій, приписываемыхъ Кириллу Туровскому, на его особенности, не во всѣхъ Поученіяхъ одинаковыя, на обороты рѣчи, а еще болѣе на подборъ словъ, не обличающій иногда ничего Русскаго тамъ, гдѣ бы это Русское казалось необходимымъ. Этимъ не думаю я впрочемъ доказывать, что тамъ, гдѣ нѣтъ Русскихъ словъ, нѣтъ и Русскаго труда: были изстари Русскіе писатели, писавшіе не по Русски, употреблявшія слова не Русскія. У меня въ виду только необходимость разбора дѣла, сколько можно болѣе отчетливаго, прежде чѣмъ приступлено будетъ къ окончательному рѣшенію.

VIII.

ПРЕПОДОБНЫЙ ѲЕОДОСІЙ ПЕЧЕРСКІЙ, КАКЪ ПИСАТЕЛЬ.

(Ординарнаго Академика, Преосвященнаго Макарія, Епископа Винницкаго).

Преподобный Ѳеодосій Печерскій, достопамятный въ исторіи Русской Церкви, какъ одинъ изъ величайшихъ подвижниковъ благочестія, какъ одинъ изъ основателей знаменитой Кіевопечерской Лавры, какъ основатель и «начальникъ общаго монашескаго житія въ Россіи», достоинъ признательной памяти и въ исторіи Русской словесности, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ первыхъ нашихъ писателей. Только два Русскихъ писателя нѣсколько упредили его по времени: это Новгородскій епископъ Лука (съ 1035 г.), которому приписывается весьма краткое поученіе, и Иларіонъ митрополитъ Кіевскій (съ 1051 г.), отъ котораго сохранились три небольшія сочиненія [1]). Слѣдовательно Ѳеодосій въ хронологическомъ спискѣ нашихъ писателей занимаетъ третье мѣсто.

[1]) Поученіе перваго напеч. въ Русск. Достопамят. 1, 7—10; сочиненія втораго—въ Прибавлен. къ Твор. Св. Отц. 11, 223—165.

Сочиненія великаго игумена Печерскаго (1062—1074), которыя донынѣ остаются извѣстными, большею частію, только по имени, и изъ которыхъ одни сохранились въ полномъ своемъ составѣ, а другія въ отрывкахъ, можно раздѣлить на четыре класса. Къ первому принадлежатъ два поученія его, обращенныя вообще къ народу Русскому; ко второму—девять поученій, сказанныхъ собственно Кіево-Печерскимъ инокамъ; къ третьему — два посланія къ В. Князю Изяславу; къ четвертому — двѣ молитвы къ Богу.

Гдѣ и какъ образовался препод. Θеодосій? Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Курскѣ, въ одной изъ тамошнихъ школъ, существовавшихъ въ первой половинѣ XI вѣка, хотя, разумѣется, онъ научился тамъ только грамотѣ и письму [2]). Въ послѣдствіи онъ самъ восполнилъ свое образованіе, по обычаю тѣхъ временъ, чрезъ чтеніе св. Писанія, церковно-богослужебныхъ книгъ, житій Святыхъ и твореній св. Отцевъ. Изъ отеческихъ твореній, кажется, всего болѣе на него имѣли вліяніе писанія препод. Θеодора Студита, котораго уставъ онъ ввелъ въ своей обители: по крайней мѣрѣ, поученія Θеодосія къ инокамъ и по тону, и по оборотамъ, и по всему очень похожи на такія же поученія преп. Θеодора Студита [3]). Замѣчательно также, что препод. Θеодосій приводитъ въ своихъ сочиненіяхъ тексты изъ книгъ св. Писанія, особенно пророческихъ, не съ буквальною точностію и часто въ видѣ распространенномъ: знакъ, что св. Отецъ или писалъ эти тексты прямо изъ своей памяти, или пользо-

---

[2]) Несторъ въ рук. Житіи преп. Θеодосія.

[3]) Убѣдиться въ этомъ весьма легко: такъ какъ поученія пр. Θеодора Студита въ Славянскомъ переводѣ недавно изданы Оптиною Пустынью, Моск. 1853 г.

вался свящ. текстомъ вмѣстѣ съ толкованіями на него, которыя дѣйствительно тогда уже существовали въ Славянскомъ переводѣ [4]). Какой характеръ самихъ сочиненій Θеодосія? Всѣ они болѣе или менѣе кратки и почти всѣ содержанія нравственнаго. Они составлены не по правиламъ искуства и отличаются совершенною простотою, но проникнуты жизнію и пламенною ревностію о благѣ ближнихъ. Тонъ поученій часто обличительный, но вмѣстѣ глубоко-наставительный и нерѣдко умилительный и трогательный. Языкъ — церковно-Славянскій, но имѣющій нѣкоторыя особенности въ словахъ и оборотахъ рѣчи и нечуждый вліянія языка народнаго.

Чтобы ближе познакомиться съ сочиненіями преп. Θеодосія, мы сдѣлаемъ полный обзоръ ихъ, показывая составъ и содержаніе каждаго, а гдѣ нужно — подлинность и разныя обстоятельства, и приводя изъ сочиненій мѣста въ Русскомъ переводѣ.

I.

Первое поученіе Θеодосія къ народу, сохранившееся въ полномъ составѣ, называется: «Поученіе блаженнаго Θеодосія, игумена Печерскаго, о казняхъ Божіихъ» [5]). Оно напи-

---

[4]) Извѣстны, напр., книги шестнадцати Пророковъ, съ краткими толкованіями на нихъ изъ разныхъ Отцевъ Церкви, писанныя въ 1047 г. для Новг. Кн. Владиміра Ярославича и сохранившіяся въ копіяхъ XV вѣка (*Востокова* предис. къ Остроміp. Еванг. стр. 11).

[5]) Извѣстно намъ только по одному списку XV вѣка въ Торжествен. Рум. Муз. № 435, л. 340—344, гдѣ оно помѣщено подъ 3-мъ числомъ Мая, когда празднуется Церковію успеніе Преп. Θеодосія Печерскаго. Другіе списки этого самаго поученія съ именемъ Θеодосія Печерскаго встрѣчалъ въ древлеписьменныхъ Славянскихъ Прологахъ митрополитъ Евгеній (Словарь Дух. Писат. 11, 284, изд. 2).

сано, вѣроятно, по случаю нашествія Половцевъ на землю Русскую въ 1067 г., когда три князя наши Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ потерпѣли отъ нихъ пораженіе на рѣкѣ Алтѣ и вслѣдъ за тѣмъ въ Кіевѣ произошелъ мятежъ: потому что подъ этимъ самимъ годомъ и преп. Лѣтописецъ, сказавъ о побѣдѣ поганыхъ надъ нашими князьями по допущенію Божію, приводитъ, въ видѣ размышленія, большой отрывокъ изъ настоящаго слова Ѳеодосія, хотя и не называетъ его по имени [6]). Въ Словѣ можно различать двѣ главныя части. Въ первой проповѣдникъ говоритъ вообще, что причиною казней Божіихъ, каковы: нашествіе иноплеменниковъ, бездождіе, голодъ, суть наши грѣхи, подтверждаетъ это словами Писанія, обличаетъ вообще въ нечестіи своихъ соотечественниковъ и убѣждаетъ ихъ покаяться и жить по христіански, а не по язычески. «Богъ наводитъ какую либо казнь или иноплеменниковъ, по гнѣву своему, за то, что мы не обращается къ Нему; а междоусобная брань бываетъ по наущенію отъ діавола и отъ злыхъ людей. Богъ не хочетъ зла людямъ, но добра; а діаволъ радуется всякому злу, совершаемому между людьми: онъ издревле врагъ намъ, хочетъ

[6]) Что Несторъ пользовался, при составленіи своей лѣтописи, сочиненіями другихъ и даже заимствовалъ изъ нихъ цѣлые отрывки, это неподлежитъ сомнѣнію. Что онъ могъ воспользоваться, описывая бѣдственное нашествіе Половцевъ на землю Русскую въ 1057 г., отрывкомъ изъ поученія, сказаннаго по сему самому случаю достоуважаемымъ игуменомъ Печерскимъ,—это очень естественно. И если поученіе существовало въ спискахъ съ именемъ Ѳеодосія и было общеизвѣстно, то лѣтописцу и не нужно было упоминать этого имени. Предполагать же, будто кто либо въ послѣдствіи выписалъ изъ лѣтописи Несторовой размышленіе о казняхъ Божіихъ, придѣлалъ къ нему другую, значительнѣйшую половину поученія и приписалъ все поученіе Преп. Ѳеодосію Печерскому, по крайней мѣрѣ, нѣтъ ни какого основанія.

убійства, кровопролитія, воздвигая свары, зависть, братоненавидѣніе, клеветы. Потому если какая либо страна согрѣшаетъ: Богъ наказываетъ ее смертію, или голодомъ, или нашествіемъ иноплеменниковъ, или бездождіемъ и другими различными казнями, чтобы мы, покаявшись, жили такъ, какъ Богъ велитъ, вѣщая намъ чрезъ Пророка: *обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ въ постѣ и въ плачи* (Іоил. 2, 12). Если бы мы пребывали въ заповѣдяхъ Божіихъ: то и здѣсь удостоились бы получить блага земныя и по отшествіи изъ міра — жизнь вѣчную. Но мы постоянно вращаемся въ нечестіи, прилагая грѣхи ко грѣхамъ, во всемъ прогнѣвляя Бога, совершая то предъ очами Его. И исполняются на насъ слова Его, сказанныя чрезъ Пророковъ.... Іоил. 4, 7—9; Притч. 1, 28 и друг.... Посему-то затворяетъ Богъ небо, не даетъ дождя, посылаетъ градъ, погубляетъ морозомъ плоды, томитъ землю зноемъ за наши беззаконія. А если мы покаемся отъ злобъ нашихъ: то, какъ чадамъ, Богъ подастъ намъ вся благая, и *одождитъ вамъ дождь ранній, и поздній, и наполняется гумна ваша пшеницы* (Іоиля. 2, 23—25). Слыша это, подвигнемся на добро: взыщите судъ, избавьте обидимаго и пріидите на покаяніе, не воздавая зломъ за зло, ни клеветою за клевету; но обратимся любовію къ Господу, постомъ и рыданіемъ и слезами омывая грѣхи своя, не словомъ называясь христіанами, а живя язычески». Во второй части поученія проповѣдникъ обличаетъ слушателей въ нѣкоторыхъ частныхъ заблужденіяхъ и порокахъ, господствовавшихъ въ его время и преподаетъ частныя наставленія. Прежде всего указываетъ на остатки язычества: «напримѣръ, не по язычески ли мы поступаемъ? Если кто встрѣтитъ чернеца или черницу, или

свинью, или лысаго коня, то возвращается назадъ: развѣ это не по язычески? Такаго суевѣрія держатся по наученію отъ діавола. Иные вѣрятъ чиханью, которое часто бываетъ на здравіе главѣ; но этимъ обольщаетъ діаволъ, равно какъ и другими обычаями и искушеніями, удаляющими насъ отъ Бога, волхвованіемъ, чародѣяніемъ, блудомъ, запоемъ, *рѣзоиманіемъ* (издоимствомъ?), *приклады* (ростомъ или лихвою?), воровствомъ, лжею, завистію, клеветою, *зубами* (дракою?), скоморошествомъ, гуслями, сопелями и другими играми и непотребными дѣлами». Потомъ—укоряетъ за непристойное стояніе въ церкви и учитъ достойно молиться Богу: «и вотъ еще, когда стоимъ въ церкви, — какъ смѣемъ мы смѣяться или творить шепотъ? Припадаетъ окаянный діаволъ и внушаетъ намъ творить смѣхъ и шепотъ и другія непотребства, когда мы стоимъ въ церкви предъ Царемъ небеснымъ: какой муки мы за это не достойны!.... Молю васъ, братіе, да стоимъ на молитвѣ со страхомъ и любовію другъ ко другу и, молясь во истину, будемъ взывать: *да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою, воздѣяніе руку моею*. Если руки твои не совершали никакого грабежа, хорошо говоришь: *воздѣяніе руку моею*. Потому осматривай руки твои и испытывай, чисты ли онѣ отъ грабежа и издоимства. Если же ты грабилъ и бралъ лихву и корчемный прикупъ, или кого пріобидѣлъ чѣмъ либо, что запретило святое Писаніе: то не говори, не воздѣвай рукъ твоихъ, пока не очистишься отъ всякаго зла»... Далѣе—преподаетъ урокъ касательно постовъ и праздниковъ: «вѣдайте и то, возлюбленныя чада, что св. Отцы наши уставили постные дни по наученію Господню и по заповѣди св. Апостоловъ, и заповѣдали праздновать св. праздники не тѣлесно, но духовно, что бы мы не чреву ра-

ботали не приличнымъ пьянствомъ, но молились Богу о своихъ согрѣшеніяхъ, кормили съ собою немощныхъ, питая тѣло земнымъ брашномъ, а душу духовнымъ, которое называется хлѣбомъ ангельскимъ и снесено съ неба въ священныхъ книгахъ, и все это творили съ любовію, безъ которой ни какая добродѣтель не приносится Богу, живя въ мирѣ не только съ друзьями, но и со врагами»... Наконецъ—съ особенною силою возстаетъ противъ пьянства: «о горе, и еще скажу, о горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ отгоняемъ отъ себя ангела-хранителя и привлекаемъ къ себѣ злаго бѣса; чрезъ пьянство удаляемся отъ Св. Духа и приближаемся къ аду..... Бѣсы радуются нашему пьянству и, радуясь, приносятъ діаволу пьянственную жертву отъ пьяницъ. Діаволъ, радуясь, говоритъ: никогда я столько не услаждаюсь жертвами язычниковъ, сколько пьянствомъ христіанъ, потому что въ пьяницахъ находятся всѣ дѣла моего хотѣнія. Ангелы же святые, пришедши, повѣдали св. Отцамъ съ великою печалію, чтобы они писаніемъ отучили христіанъ отъ пьянства, но не отъ питья: ибо иное—пьянство злое, а иное—питье въ мѣру, и въ законъ, и въ приличное время, и во славу Божію»..... Въ заключеніе всего проповѣдникъ убѣждаетъ: «Слыша это, братіе, подвигнемся работать Господу и творить заповѣди Его, и поживемъ въ законѣ Его всѣ дни живота нашего. о Христѣ Іисусѣ, емуже слава со Отцемъ и св. Духомъ нынѣ и присно».

Другое поученіе Θеодосія, обращенное къ народу, имѣетъ заглавіе: «Слово писано святымъ Θеодосіемъ мнихомъ», и сохранилось не вполнѣ, какъ можно видѣть изъ начала его и конца [7]). Названіе Θеодосія святымъ, древность слога и самое

[7]) Помѣщено въ рукописи Импер. Публ. Библ., поступившей изъ Древлехран. Погодина, подъ названіемъ: «Матица Златая», № 1024 л. 220 об. Слово начинается. «*И се вѣдуще*, братія».... А въ концѣ слова нѣтъ обычнаго заключительнаго оборота или славословія.

содержаніе поученія, соотвѣтственное потребностямъ новопросвѣщенныхъ христіанъ, удостовѣряютъ, что это слово принадлежитъ не другому Ѳеодосію, какъ Печерскому. Здѣсь преподобный преподаетъ своимъ слушателямъ самыя простыя наставленія, говоря: «Знайте, братіе, что за трапезою уставлено произносить двѣ молитвы, одну въ началѣ, другую въ концѣ обѣда. Уставлено такъ же благословлять кутью въ честь и похвалу Святымъ, а не во оставленіе грѣховъ: потому что никакимъ приношеніемъ не очищаются грѣхи, кромѣ приношенія тѣла и крови Господней. Еще уставлено благословлять кутью за упокой усопшихъ, но обѣдъ или ужинъ за упокой благословлять не уставлено; приставлять къ кутьѣ воду и класть на кутью яица не повелѣно. Въ олтарь не должно вносить никакой пищи и питія, кромѣ просфоры, ладона и свѣчи, что относятся къ службѣ. Во время пира тропарей за чашами не пѣть, развѣ только три: одинъ во славу Христа Бога въ началѣ обѣда, другой во славу Пресвятой Дѣвы Маріи въ концѣ обѣда, третій за здравіе Государя, а болѣе не позволяемъ». Послѣ этаго Ѳеодосій снова вооружается противъ господствовавшаго тогда пьянства и обычая пѣть тропари за чашами, приводитъ правила св. Отецъ, запрещающія пьяство, указываетъ на то унизительное положеніе, до какого доходитъ пьяница, отдавая себя на посмѣяніе всѣмъ людямъ и отгоняя отъ себя ангела-хранителя, и, между прочимъ, замѣчаетъ: «Бѣсный страдаетъ невольно и удостоится жизни вѣчной; а пьяный страдаетъ по своей волѣ и подвергнется вѣчной мукѣ. Къ бѣсному придетъ іерей, сотворитъ молитву, — и прогонитъ бѣса; а къ пьяному хотя бы сошлися іереи всей земли и сотворили надъ нимъ мо-

литву, — то не прогнали бы отъ него бѣса самовольнаго пьянства [8])».

II.

Изъ поученій преп. Өеодосія братіи четыре сохранились только въ отрывкахъ и приводятся преп. Несторомъ одно въ его лѣтописи и три въ составленномъ имъ житіи преп. Өеодосія.

Въ лѣтописи помѣщенъ отрывокъ, довольно значительный, слова преп. Өеодосія къ братіи предъ началомъ великаго поста: «Бѣсы, говоритъ преподобный, всѣваютъ черноризцамъ лукавыя похотѣнія, внушая имъ помыслы, и чрезъ то препятствуютъ ихъ молитвамъ. Такія помыслы нужно прогонять крестнымъ знаменіемъ, говоря: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, аминь. Вмѣстѣ съ тѣмъ надобно воздерживаться отъ многой пищи: потому что, при многоядѣніи и неумѣренномъ питьѣ, возрастаютъ лукавые помыслы, а когда возрастутъ помыслы, — совершается грѣхъ. Посему противьтесь дѣйствію бѣсовъ и ихъ лукавству, блюдитесь лѣности и многаго сна, будьте бодры къ пѣнію церковному, къ храненію отеческихъ преданій и чтенію книгъ. Всего же бо-

[8]) Вслѣдъ за этимъ словомъ г. Проф. С. П. Шевыревъ въ своей исторіи Русск. Слов. приводитъ еще другое слово о пьянствѣ изъ того же рукописнаго Сборн., замѣчая, что и послѣднее сочиненіе, можетъ быть, такъ же принадлежитъ Өеодосію (ч. II, стр. 46). Но такъ какъ въ рукописи оно не усвояется преп. Өеодосію; такъ какъ это слово, не смотря на свое названіе, есть собственно посланіе духовнаго отца къ духовному сыну (нач. «Благословеніе отца духовнаго къ сынови. Вѣси, сыну».... И далѣе: «написахъ ти, чадо мое любимое, о эломъ піанствѣ, — не внялъ еси»...): то мы и нерѣшаемся отнесть означенное слово къ словамъ или поученіямъ преп. Өеодосія Печерскаго.

лѣе нужно чернорizцамъ имѣть въ устахъ Псалтирь Давидову и ею прогонять уныніе, наводимое бѣсами. Младшіе должны оказывать старшимъ покорность и послушаніе, а старшіе имѣть къ младшимъ любовь, служить для нихъ примѣромъ въ воздержаніи, бдѣніи, смиреніи, наставлять ихъ и утѣшать и такимъ образомъ проводить постъ.... Сорокъ дней поста Богъ далъ намъ на очищеніе души: это десятина, удѣляемая Богу изъ году. Дней въ году 365; изъ нихъ мы приносимъ Богу десятину, совершая сорокодневный постъ, въ который душа, очистившись, свѣтло празднуетъ Воскресеніе Христово, веселясь о Господѣ: ибо постъ очищаетъ умъ человѣка. Постъ установленъ отъ начала: еще Адаму заповѣдано было не вкушать отъ одного древа. Моисей, постившись сорокъ дней, сподобился принять Законъ на горѣ Синайской и видѣлъ славу Божію. Постившіеся Ниневитяне избавились гнѣва Божія. Даніилъ, постившись, удостоился великаго видѣнія. Илія, постившись, взятъ былъ какъ бы на небо. Три отрока, постившись, угасили силу огненную. Постился и Господь 40 дней, показавъ намъ продолженіе постнаго времени. Постомъ Апостолы искоренили бѣсовское ученіе. Постомъ прославились Отцы наши, какъ свѣтила въ мірѣ, сіяющія и по смерти, показавъ великіе труды и воздержаніе, именно: Антоній великій, Евфимій, Савва и прочіе Отцы, которымъ и мы поревнуемъ, братіе [9])».

Отрывки изъ поученія Ѳеодосія, помѣщенные въ житіи его, не такъ обширны, особенно два первые Изъ поученія о смиреніи сохранены только слѣдующія слова: «когда идете,

[9]) П. Соб. Р. Лѣтоп. 1,79. При внимательномъ чтеніи этаго мѣста можно замѣтить, что лѣтописецъ приводитъ здѣсь не одинъ, а три отрывка изъ поученія Ѳеодосіева, предъ началомъ В. поста.

имѣйте руки свои сложенными на персяхъ, и никто да непревосходитъ васъ въ смиреніи вашемъ; но кланяйтесь другъ другу, какъ прилично инокамъ. Не ходите изъ келія въ келію, но каждый въ своей кельи молитесь Богу [10])». Изъ поученія о нестяжательности—слѣдующія: «Не прилично намъ, братіе, инокамъ, отрекшимся всего мірскаго, вновь собирать имѣніе въ своей келіи. Какъ мы можемъ приносить чистую молитву Богу, держа сокровища въ своей келіи? Вы слышали, что сказалъ Господь: *идѣже сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше.* (Матѳ. 6, 21), и богачу: *безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже уготовалъ еси, кому будутъ* (Лук. 12, 20). Почему будемъ довольны, братіе, уставленною одеждой и пищею, предлагаемою на трапезѣ отъ келаря, а въ келіи не станетъ держать ничего такого. Тогда только мы можетъ съ полнымъ усердіемъ и всею мыслію возносить чистую молитву къ Богу [11])». Наконецъ изъ слова о подвигахъ монашескихъ вообще въ житіи Ѳеодосія читаемъ слѣдующій отрывокъ: «Молю васъ, братія, будемъ подвизаться въ постѣ и молитвахъ, попечемся о спасеніи душъ нашихъ и возвратимся отъ злобъ нашихъ и отъ путей лукавыхъ, каковы: любодѣяніе, татьбы, клеветы, празднословіе, ссоры, пьянство, объядѣніе, братоненавидѣніе. Отъ всего этого уклонимся, братія, всѣмъ этимъ возгнушаемся и не осквернимъ душъ нашихъ, но пойдемъ путемъ Господнимъ, ведущимъ въ животъ, и взыщемъ Бога рыданіемъ и слезами, постомъ и бдѣніемъ, покорностію и послушаніемъ, да такимъ образомъ обрѣтемъ милость отъ него. Еще же возне-

---

10) Патерик. Печерс. рукоп. Новгород. Софійской библіотеки № 802, л. 37 об.

11) Тамъ же л. 44.

навидимъ міръ сей, помня всегда слова Господа: *иже любитъ отца, или матерь паче мене, нѣсть мене достоинъ: и иже любитъ сына, или дщерь паче мене, нѣсть мене достоинъ* (Матѳ. 10, 37), и другія: *обрѣтый душу свою, погубитъ ю: а иже погубитъ душу свою мене ради, обрящетъ ю* (— 39). Посему и мы, братіе, отвергшись міра, отвергнемся и того, что въ немъ, возненавидимъ всякую неправду, совершаемую въ мірѣ, и не возвратимся къ своимъ первымъ грѣхамъ: *ни кто же*, сказалъ Господь, *возложь руку свою на рало, и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи* (Лук. 9, 62). Какъ избѣжимъ мы безконечной муки, оканчивая время своей жизни въ лѣности и не имѣя покаянія? Слѣдуетъ намъ, братіе, нарекшимся иноками, во всѣ дни каяться во грѣхахъ своихъ. Покаяніе есть путь, приводящій къ царству; покаяніе есть ключь царствія небеснаго; покаяніе есть путь, вводящій въ животъ. Этого пути, братія, да держимся, утвердимъ на немъ стопы свои; къ нему не приближается лукавый змій. Шествіе по сему пути нынѣ прискорбно, но конецъ его радостенъ. Будемъ же, братіе, подвизаться прежде суднаго дня, да получимъ вѣчныя блага и избѣгнемъ всего, что ожидаетъ нерадивыхъ и живущихъ безъ покаянія [12])». Впрочемъ этотъ послѣдній отрывокъ, при всей краткости своей, представляетъ нѣчто цѣлое: въ немъ недостаетъ, можетъ быть, только нѣкоторыхъ заключительныхъ словъ, обычныхъ въ нашихъ древнихъ поученіяхъ.

Другія пять поученій преп. Ѳеодосія, обращенныхъ къ братіи, сохранились въ полномъ своемъ составѣ и сдѣлались извѣстными недавно по одной рукописи XV вѣка [13]). Под-

---

[12]) Тамъ же л. 32.

[13]) Соборн. Рум. Муз. № 406. См. *Востоковъ*. Опис. Муз. стр. 615.

линность этихъ поученій не можетъ подлежать сомнѣнію: всѣ они названы словами *святаго* Ѳеодосія; а другаго святаго Ѳеодосія-проповѣдника мы не знаемъ до XV вѣка ни въ Русской, ни въ Греческой Церкви, кромѣ Ѳеодосія Печерскаго. По слогу и тону своему эти поученія совершенно согласны съ тѣми, какія усвояетъ Ѳеодосію Печерскому нашъ древнѣйшій лѣтописецъ. И въ самомъ содержаніи этихъ поученій встрѣчаются такія черты, которыя прямо указываютъ на преп. Ѳеодосія Печерскаго. Здѣсь, напримѣръ, проповѣдникъ, наставляя братію, ссылается на преп. Ѳеодора Студита и на его уставъ: «якоже ны богоносный Ѳеодоръ учитъ», или: «якоже въ уставѣ пишется», а извѣстно, что преп. Ѳеодосій первый принялъ для своей обители уставъ Студійскій и всѣми мѣрами старался утвердить его между братіею. Здѣсь проповѣдникъ внушаетъ инокамъ, чтобы они не переходили изъ келіи въ келію, при встрѣчѣ смиренно кланялись другъ другу, согласны были удѣлять часть изъ монастырскаго имущества для вспомоществованія бѣднымъ и со слезами умоляетъ своихъ слушателей: всему этому дѣйствительно училъ преп. Ѳеодосій Печерскій свою братію, какъ свидѣтельствуетъ Несторъ, и училъ со слезами [14]). Здѣсь наконецъ проповѣдникъ говоритъ братіи, что ихъ созвала въ обитель благодать Св. Духа и *молитва Святыя Богородицы* и что Богъ подаетъ имъ все *молитвами Св. Богородицы:* такія слова представляются, какъ нельзя болѣе, естественными въ устахъ преп. Ѳеодосія Печерскаго, когда мы знаемъ, что Печерская обитель съ самаго начала посвящена была Пресв. Богородицѣ, что и первый храмъ, находившійся еще въ пещерѣ, и второй,

---

[14]) *Несторъ* въ Житіи Препод. Ѳеодосія.

воздвигнутый надъ пещерою, и третій—болѣе обширный, деревянный, и четвертый — великолѣпный, каменный — всѣ устроены были въ честь Пресв. Богородицы, и что Печеряне всегда почитали Ее своею первою и высшею Покровительницею и Благодѣтельницею.

Въ первомъ изъ этихъ поученій преп. Ѳеодосій возбуждаетъ въ своихъ инокахъ любовь къ Богу и ближнимъ [15]). Для сего прежде всего напоминаетъ имъ ихъ обѣтъ возненавидѣть все и послѣдовать Христу: «Что внесли мы, любимицы мои, въ міръ сей, или что можемъ изъ него вынести? Не оставили ли мы міра и всего, что въ мірѣ, по заповѣди Христа: *иже не возненавидитъ всего и не послѣдуетъ ми, нѣсть ми ученикъ* (Лук. 14, 26) [16]) и еще: *иже аще-мя любитъ, слово мое сохранитъ* (Іоан. 14, 23), *и иже душу свою погубитъ мене ради, обрящетъ ю* (Матѳ. 10,30)? Но любовь къ Богу совершается не на словахъ, а въ дѣйствительныхъ дѣлахъ, — Господь сказалъ: *иже пребудетъ въ заповѣдѣхъ моихъ, азъ возлюблю его и явлюся ему самъ* (Іоан. 14, 21); *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, якоже и азъ возлюбихъ вы; о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате*

---

15) Въ Сборн. Рум. Муз. (смот. примѣч. 13) поученіе это озаглавлено такъ: «Въ среду 3-й недѣли поста Слово Св. Ѳеодосія на часѣхъ о терпѣніи и о любви». Здѣсь не совсѣмъ точно показано содержаніе слова и произвольно назначено время для его произнесенія: извѣстно, что преп. Ѳеодосій предъ наступленіемъ В. поста удалялся изъ обители и проводилъ весь постъ въ пещерѣ (П. Собр. Р. Лѣт. 1, 79), слѣдовательно не могъ произносить къ братіи поученій въ теченіи всего поста. Это же самое должно замѣтить и касательно четырехъ послѣдующихъ словъ, помѣщенныхъ въ томъ же Сборникѣ.

16) Этотъ, какъ и послѣдующіе, тексты, приведены не точно: мы оставляемъ ихъ, какъ приведены.

между собою (Іоан. 13, 34, 35)».... Далѣе указываетъ преподобный на ту высочайшую любовь, какую явилъ намъ Господь въ дѣлѣ нашего искупленія: «Сколько любви излилось на насъ, недостойныхъ! *Якоже возлюби мя Отецъ*, сказалъ Онъ, *и азъ возлюбихъ вы; больше сея любве никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя,—вы же друзи мои есте* (Іоан. 15, 9. 13. 14). Каковы жъ должны быть мы, слыша все это? Не горитъ ли въ насъ сердце? Не возбуждаетъ ли насъ совѣсть? Что добраго мы сотворили Ему, почему Онъ избралъ насъ и извелъ отъ маловременнаго житія сего? Не всѣ ли мы уклонились и не хотѣли работать Ему? Не всѣ ли ходили въ слѣдъ похотей своихъ? И Онъ не презрѣлъ насъ, находившихся въ такомъ нечестіи, не возгнушался естества нашего, но, воспріявъ зракъ раба, уподобился намъ, чтобы мы спаслися».... Въ заключеніе Ѳеодосій говоритъ: «итакъ, братія моя, содержа между собою истинную любовь, воспріимемъ чистый законъ благаго Бога нашего и соблюдемъ Его святыя заповѣди, подвизаясь въ бдѣніи и молитвахъ и непрестанно молясь за весь міръ, да получимъ чрезъ то царство небесное о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.»

Второе поученіе преп. Ѳеодосія [17]) показываетъ, что нѣкоторые изъ братій роптали на него за то, что онъ часто удалялъ изъ обители слабыхъ и нерадивыхъ, впрочемъ до полученія ими дара иночества, а другіе—за то, что принималъ въ обитель странниковъ и бѣдныхъ на ея содержаніе. Сказавъ противъ первыхъ, что онъ, по долгу своему, не смотря на ихъ ропотъ, не можетъ молчать и поблажать ихъ слабо-

[17]) Въ Сборникѣ оно озаглавлено: «Въ четвертокъ 3-й недѣли поста св. Ѳеодосія слово о терпѣніи и о любви и о постѣ».

сти, преподобный обращается преимущественно къ послѣднимъ и говоритъ: «Прилично было бы намъ отъ своихъ трудовъ кормить убогихъ и странниковъ, а не оставаться въ праздности, не переходить изъ келіи въ келію. Вы слышали слова Павла: *якоже ниdѣ туне хлѣба ядохъ, но нощь дѣлахъ, а въ днь проповѣдахъ, и руцѣ мои послужиша мнѣ и инѣмъ* (2 Сол. 3, 8). А мы ничего такого не совершили. И если бы не посѣтила насъ благодать Божія и не кормила насъ чрезъ боголюбивыхъ людей: что сдѣлали бы мы, смотря на свои труды? Скажемъ ли, что за наше пѣніе, за нашъ постъ и бдѣніе все то приносятъ намъ? А мы ни за кого изъ приносящихъ не помолимся.... Не прилично намъ, возлюбленные, удерживать только для себя посылаемое намъ отъ Бога чрезъ боголюбивыхъ людей на пользу душевную и тѣлесную, но должно подавать и инымъ, требующимъ: *лучше даяти*, сказалъ Апостолъ, *неже взимати* (Дѣян. 20, 35). *Блаженъ*, сказано такъ же, *разумѣваяй на нища и убога: въ день лютъ избавитъ его Господь* (Пс. 40, 2), и еще: *блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ* (Матв. 5,7.). Да не уподобимся онымъ ропотливымъ, которые чрева ради пали въ пустынѣ».... Изобразивъ за тѣмъ, какъ Іудеи, изведенные Богомъ изъ земли Египетской, не смотря на всѣ Его благодѣянія, роптали на Него, и прилагая этотъ примѣръ къ своимъ слушателямъ, Ѳеодосій восклицаетъ: «какъ же мнѣ не стенать и не тужить, любимцы мои, когда я слышу тоже самое и между вами?.... Или, скажу словами Пророка, *кто дастъ главѣ моей каменіе и очамъ моимъ источники слезъ, да плачуся день и ночь о дщери людій моихъ* (Іер. 9, 1). Мы удалились въ пустыню и чаемъ Бога, спасающаго насъ: и не извелъ ли Онъ насъ такъ же изъ

Египта, т. е. отъ міра, въ пустыню сію безводную, не рукою Моѵсеевою, но благодатію своею? Что же мы вознерадѣли, братія моя и отцы? Что принесли мы отъ имѣній своихъ въ это мѣсто, или чтó я требовалъ отъ васъ, принимая васъ въ обитель сію и въ человѣколюбіе Божіе, которое подаетъ намъ, бѣднымъ, все по молитвамъ Богородицы? Молюся вамъ отъ всей души моей, любимцы мои, да не пребываемъ въ двоедушіи и да не прогнѣвляемъ благаго Владыки, подобно онымъ непокорливымъ (Іудеямъ), но воздадимъ хвалу благому Владыкѣ за то, что Онъ столько печется о насъ и подаетъ намъ все въ изобиліи, не помня немощей нашихъ»....

Третье поученіе препод. Ѳеодосія [18]) состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой онъ указываетъ на примѣры злостраданія и терпѣнія, какъ то: на Іова, на самаго Христа Спасителя, на Пророковъ, Апостоловъ, Мучениковъ и преподобныхъ Отцевъ. Въ второй призываетъ къ терпѣнію и мужеству въ подвигахъ иноческихъ свою братію. Особенно трогательны въ послѣдней части слѣдующія слова великаго игумена: «Молю васъ, любимцы мои, отрясемъ уныніе наше; вспомнимъ первый нашъ входъ, каковы были мы, когда пришли къ дверямъ монастырскимъ. Не всѣ ли мы обѣщались терпѣть и поношенія, и укоренія, и униженія, и изгнанія? Вспомнимъ, что, стоя предъ святыми дверьми, мы давали отвѣтъ о своемъ обѣщаніи какъ бы на страшномъ судѣ, не предъ видимыми только свидѣтелями, но и предъ невидимыми, что мы призывали во свидѣтеля самаго Владыку и Бога, говоря: се Христосъ здѣ невидимо стоитъ; блюди, кому обѣщаеши; никто же бо тебе на се не нудитъ. А нынѣ мы всѣ тѣ обѣщанія вмѣнили ни во

---

[18]) Въ Сборникѣ озаглавлено: «Въ четвертокъ 3-й недѣли поста на часѣхъ св. Ѳеодосія поученіе о терпѣніи и милостыни».

что. Намъ надлежитъ имѣть покорность и терпѣніе: и того не имѣемъ. Читаемъ житія Святыхъ и затыкаемъ свои уши, чтобы не слышать о ихъ мужествѣ.... Когда начнется рать и затрубятъ трубы воинскія, никто изъ воиновъ не можетъ спать: воину ли Христову прилично лѣниться? Тѣ оставляютъ жену, чадъ, имѣніе, жертвуютъ самою жизнію изъ за славы временной и преходящей: а мы, если стерпимъ, борясь съ супостатами нашими, и одолѣемъ ихъ, мы удостоимся вѣчной славы и чести неизреченной.»

Въ четвертомъ своемъ поученіи [19]), послѣ предварительнаго приглашенія иноковъ вообще къ подвижничеству, преп. Ѳеодосій преподаетъ имъ нѣкоторыя частныя наставленія касательно хожденія въ церковь, и именно, ссылаясь на богоносснаго Ѳедора-Студита и его уставъ, заповѣдуетъ: а) при первомъ ударѣ въ било вставать на молитву, а при второмъ спѣшить въ церковь; б) вошедши въ церковь, инокъ долженъ благоговѣйно положить три земные поклона и за тѣмъ со страхомъ и въ безмолвіи стать при стѣнѣ, не опираясь однакожъ на нее или на какой либо столпъ церковный; в) подходя къ другимъ инокамъ, долженъ со смиреніемъ и сложенными руками поклониться имъ до земли; г) во время кажденія кадильнаго особенно долженъ быть благоговѣйнымъ, чтобы удостоиться благодати Св. Духа чрезъ это кажденіе; д) при пѣніи псалмовъ неприлично инокамъ перегонять другъ друга и производить безпорядокъ, но надобно смотрѣть на старѣйшаго (доместика) и начинать пѣніе по его указанію; е) точно такъ же, когда иноки предъ началомъ или окончаніемъ пѣнія раскланиваются между собою, надобно смотрѣть имъ на ста-

[19]) Его заглавіе въ Сборникѣ: «Въ пятокъ 3-й недѣли поста св. Ѳеодосія поученіе о трьпѣніи и о смиреніи».

рѣйшаго и слѣдовать его примѣру; ж) вообще иноки должны стоять въ церкви съ величайшимъ благоговѣніемъ, удостоившись вмѣстѣ съ Ангелами служить невидимому Богу, который вѣдаетъ самыя сердца наши. Въ заключеніе, призывая своихъ слушателей нелѣностно посѣщать всѣ церковныя службы, преподобный говоритъ: «Да не лѣнимся, любимцы мои, братія, и отцы, и чада духовныя, избранныя! Со слезами говорю любви вашей сіи горькія слова: потому что вамъ говорю, а самъ не исполняю, и нынѣ на мнѣ сбылось сказанное Богомъ чрезъ Пророка: *вскую ты повѣдаеши оправданія и воспріемлеши завѣтъ мой усты твоими? Ты же возненавидѣлъ еси наказаніе и отверглъ еси словеса моя вспять* (Псал. 49, 16. 17).... Но нужно мнѣ говорить вашей любви все это, чтобы никто изъ васъ не умеръ отъ моего молчанія лютымъ грѣхомъ, — о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ».

Въ послѣднемъ своемъ поученіи [20]) преп. Ѳеодосій сначала напоминаетъ братіи о своемъ крайне отвѣтственномъ долгѣ поучать ихъ. «Слышимъ Господа, говорящаго чрезъ Пророка къ нашему учительству: *сыне человѣчь, стража дахъ тя дому Израилеву, да слышиши слово отъ устъ моихъ, и воспретиши имъ отъ мене, внегда глаголати ми беззаконнику: смертію умреши; и не возвѣстиши ему, ни соглаголеши, еже остатися беззаконнику и обратитися отъ пути своего, еже живу быти ему: беззаконникъ той въ беззаконіи своемъ умретъ, кровь же его отъ руки твоея взыщу* (Іез. 3, 17. 18)».... Потомъ обличаетъ иноковъ въ ихъ нерадѣніи и лѣности: «какъ же

---

[20]) Оно озаглавливается: «Въ пятокъ 3-й недѣли поста св. Ѳеодосія о хожденіи къ церкви и о молитвѣ».

мнѣ послѣ этого не говорить вамъ и какъ не обличать каждаго изъ васъ порознь? Созвала насъ благодать Св. Духа и молитва Св. Богородицы въ сію обитель, въ единодушіе, въ единоуміе и въ едину волю.... А мы хочемъ имѣть многія воли. Когда время службы позоветъ насъ въ церковь: тогда діаволъ омрачаетъ сердца наша лѣностію, и мы не идемъ не только въ церковь, но и за трапезу. О повечерницѣ нечего и говорить: сколько разъ я возглашалъ о томъ, и нѣтъ ни одного, кто бы послушался! Какъ же мнѣ молчать и не стонать? Если бы возможно было, я говорилъ бы каждый день, со слезами умоляя васъ и припадая къ колѣнамъ вашимъ, чтобы ни одинъ изъ васъ не пропускалъ молитвеннаго времени.... Сколько лѣтъ прошло, и я не вижу ни одного, кто бы пришелъ ко мнѣ и спросилъ: какъ мнѣ спастись?...». Наконецъ преподобный убѣждаетъ иноковъ исправиться: «Не въ укоръ это я написалъ вамъ, но убѣждаю васъ оставить такое нерадѣніе и умоляю, чада мои любимыя, и братія, и отцы, воспрянемъ отъ сна лѣности, да не опечалимъ Св. Духа. Пріидите, поклонимся и припадемъ Ему; восплачемъ предъ Господомъ, сотворившимъ насъ.... Будемъ плакать здѣсь, да получимъ царство небесное и въ немъ обрѣтемъ себѣ утѣшеніе. Скорби настоящей жизни, и воздыханія, и труды суть ничто сравнительно съ будущею славою».

III.

Поучая народъ и братію, преп. Θеодосій поучалъ нерѣдко самыхъ князей не только словомъ, но и чрезъ писанія. Преп. Несторъ свидѣтельствуетъ о посланіяхъ его къ В. Князю Святославу и въ особенности объ одномъ весьма великомъ посланіи, въ которомъ старецъ сильно обличалъ князя за по

хищеніе имъ Кіевскаго престола у брата своего Изяслава [21]). Къ сожалѣнію всѣ эти посланія не дошли до насъ. Сохранились только два посланія къ В. Князю Изяславу.

Одно изъ нихъ начинается словами: «Что възмыслилъ еси, боголюбивый княже, въпрашати мене, некнижна и худа, о таковѣй вещи....» и имѣетъ предметомъ рѣшеніе двухъ вопросовъ. Князь спрашивалъ: можно ли въ день воскресный, *еже есть недѣля*, закалать вола, или овна, или птицу, или что другое, и ѣсть ихъ мясо? Ѳеодосій предварительно замѣчаетъ, что воскресенье не есть собственно недѣля, но первый день недѣли, въ который воскресъ Христосъ, точно такъ, какъ понедѣльникъ есть вторый день недѣли, вторникъ — третій, среда — четвертый, четвергъ — пятый, пятница — шестый, суббота — седьмый. За тѣмъ отвѣчаетъ князю: іудеямъ, когда Богъ извелъ ихъ изъ Египта, данъ былъ законъ хранить субботу, такъ чтобы ничего не дѣлать, не возгнѣтать огня, не закалать ничего въ пищу, а все нужное приготовлять въ пятокъ вечеромъ, — и это Іудеи соблюдаютъ до нынѣ. Но съ того времени, какъ Господь Богъ нашъ снишелъ на землю: все Іудейское умолкло; мы не чада Авраама, а чада Христа Бога нашего чрезъ святое крещеніе; мы свободны отъ исполненія закона обрядоваго. Слѣд. тотъ, кто сказалъ тебѣ, будто въ воскресенье не должно закалать, ни ѣсть закланнаго, сказалъ не отъ св. Писанія, но отъ своего сердца. Намъ это не возбранено и не грѣшно. Если мы примемъ такой обычай, т. е. чтобы зака-

---

21) «Не престаше обличая его, овогда, *епистолія* пиша, посылаше къ нему.... Сице же и послѣ въписа къ нему *епистолія велику зѣло*, обличая того и глаголя: гласъ крове брата твоего въпіетъ на тя къ Богу, яко Авелева на Каина» и пр. (Жит. Преп. Ѳеодосія).

лать еще въ субботу, а въ воскресенье только ѣсть закланное: тогда мы, очевидно, будемъ подражать Іудеямъ. Князь спрашивалъ еще: хорошо ли, если кто отречется ѣсть мясо въ среду и пятокъ? Весьма хорошо и полезно, отвѣчалъ Ѳеодосій, — не я это завѣщаваю, но божественные Апостолы, которые узаконили поститься въ среду, когда Іудеи сотворили совѣтъ на Христа, и въ пятокъ, когда они распяли Господа. Притомъ если ты самъ, по какой либо причинѣ, отрекся вкушать мясо въ означенные дни: то и исполни обѣщаніе, хотя христіанину не должно самому себя связывать, если не будетъ связанъ отъ отца своего духовнаго. Впрочемъ мы имѣемъ и другое преданіе отъ св. Апостолъ и св. Отцевъ, чтобы праздники Господскіе, Богородичные и 12 Апостоловъ праздновать свѣтло: въ эти праздники, когда они случатся въ среду или пятокъ, я разрѣшаю тебя вкушать мясо, если только ты самъ себя связалъ, а если ты связанъ отцемъ духовнымъ, то отъ него прими и разрѣшеніе [22]). Характеръ вопросовъ, рѣшаемыхъ въ этомъ посланіи, указываетъ на самыя первыя времена нашей Церкви; а надписаніе посланія, въ обоихъ его извѣстныхъ спискахъ, именемъ преп. Ѳеодосія Печерскаго не позволяетъ сомнѣваться, что ему оно и принадлежитъ [23]).

---

[22]) Вопросъ, должно ли соблюдать постъ въ среду и пятокъ, когда въ эти дни, случится какой либо Господскій или Богородичный праздникъ, былъ уже возбужденъ въ Греческой Церкви еще въ XI вѣкѣ, хотя усилился уже въ XII (*Руднев.* О ерес. и расп. въ Русск. Церк. М. 1838, 51—55).

[23]) Одинъ списокъ, которымъ мы пользовались, помѣщенъ въ Сборникѣ XV или начал. XVI в. Новгор. Соф. библ. № 522, л. 100; другой находится въ Сборникѣ Паисіевскомъ Кирилло-Бѣлозер. монастыри, писан. на хлопчатой бумагѣ древнимъ уставомъ, № 410 (*Шевыр.* Поѣздк. въ Кирилло-Бѣлозер. монастырь 11, 32. 38).

Другое посланіе Θеодосіево къ В. Князю Изяславу гораздо важнѣе и разсуждаетъ о вѣрѣ Варяжской или Латинской. Оно сохранилось въ многочисленныхъ спискахъ, которые впрочемъ можно раздѣлить на три фамиліи, и вездѣ усвояется преп. Θеодосію Печерскому [24]). Потому хотя нельзя ручаться, что оно дошло до насъ во всей своей первобытной цѣлости, —такъ какъ между фамиліями есть разности, частію въ порядкѣ размѣщенія, частію въ количествѣ статей, но нѣтъ основанія сомнѣваться въ его подлинности [25]). Въ

[24]) Списки первой фамиліи находятся въ тѣхъ же двухъ Сборникахъ, вслѣдъ за посланіемъ Θеодосія, нами разсмотрѣннымъ (см. предыдущее примѣчаніе), и начинаются словами: «Азъ, Θедосъ, худый мнихъ, рабъ есмь Пресвятой Троицѣ, Отца и Сына и Св. Духа».... Списки второй фамиліи въ Корич. Рум. Муз. XVI в., № 233 л. 377 (*Востон.* Опис. 308), также въ Сборникѣ Царскаго № 393, л. 513 об. (Строев. Опис. 461), и начинаются: «Вопрошеніе князя Изяслава, сына Ярославля, внука Володимірова, игумена Печерскаго Θеодосіа о Латинѣ. И рече Изяславъ: скажи ми, отче, вѣру Варяжскую». Списки третьей фамиліи — во всѣхъ Патерикахъ Кассіановской редакціи 1462 года (напримѣръ, Импер. Пуб. биб. № 271; Новгор. Соф. библ. № 502 и др.) такъ же въ Сборникахъ (смотр. Опис. рукоп. *Толстова* Отд. III, № 70, стр. 599 и 600), и начинаются словами: «Въспросъ благовѣрнаго князя Изяслава о Латынѣхъ. Прінде нѣкогда благовѣрный и великій князь Изяславъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимеровъ къ святому отцу нашему Θеодосію». Судя по началу первая фамилія представляется наиболѣе близкою къ подлиннику, а въ двухъ остальныхъ фамиліяхъ начало видимо измѣнено стороннею рукою. При сравненіи этихъ двухъ послѣднихъ фамилій третья кажется только распространеніемъ второй.

[25]) Посланіе находится не только въ патерикахъ Кассіановской редакціи, что заставляло нѣкоторыхъ сомнѣваться въ его подлинности, но и въ кормчихъ и другихъ сборникахъ (смотр. предыдущее примѣч.). А рѣзкій тонъ посланія, какъ увидимъ, совершенно согласный съ духомъ того времени, не только не можетъ служить признакомъ неподлинности посланія, напротивъ скорѣе ручается за его подлинность.

этомъ посланіи преп. Θеодосій изчисляетъ князю разныя отступленія Латинянъ отъ православной вѣры и ихъ не добрые обычаи, а за тѣмъ учитъ его, какъ должно держать себя по отношенію къ Латинской вѣрѣ и ея послѣдователямъ. Къ числу отступленій отъ вѣры и не добрыхъ обычаевъ относятся слѣдующія: а) Латиняне въ Савеліеву ересь впали (разумѣется въ томъ смыслѣ, что они сливаютъ двѣ Божескія vпостаси, Отца и Сына, въ одну, когда говорятъ, будто Духъ Святый исходитъ отъ Обоихъ Ихъ вмѣстѣ, какъ отъ одного начала); б) совершаютъ Божественную службу на опрѣснокахъ, а не на квасномъ хлѣбѣ; в) прощаютъ грѣхи за дары, т. е. употребляютъ индулгенціи; г) не помазываютъ крещенныхъ масломъ и мvромъ, какъ мы, но кладутъ имъ соль въ уста; д) называютъ ихъ не по имени Святыхъ, а какъ захотятъ родители; е) постятся въ субботу; ж) ѣдятъ мяса до вторника первой седмицы великаго поста; з) употребляютъ въ пищу дикихъ коней, удавленину, медвѣжину, бобровину и под.; и) кладутъ мертвецовъ ногами на западъ, а главою на востокъ; і) женятся на сестрахъ; к) священники ихъ и епископы не вступаютъ въ законный бракъ, а живутъ въ незаконныхъ связяхъ; л) епископы носятъ перстни, ходятъ на войну и проч. и проч. Надобно замѣтить, что между обвиненіями на Латинянъ, излагаемыми въ посланіи, находятся и такія, которыя могли относиться къ частнымъ лицамъ, а отнюдь не ко всей Римской церкви, или даже представляются несовсѣмъ вѣрными. Это могло произойти отъ двухъ причинъ: отъ того, что преп. Θеодосій судилъ о заблужденіяхъ Латинянъ только по слухамъ, и — отъ того, что такія именно обвиненія и многія другія подобныя взводили тогда на Латинянъ въ Греціи и во-

обще на востокѣ [26]). А можетъ быть нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій внесены въ посланіе Ѳеодосія уже въ послѣдствіи стороннею рукою: такъ какъ, встрѣчаясь въ спискахъ одной фамиліи, не встрѣчаются въ спискахъ другой. Излагая наставленія, какъ держать себя по отношенію къ вѣрѣ Латинской и ея послѣдователямъ, преп. Ѳеодосій заповѣдуетъ: а) надобно всѣми мѣрами блюстися ея, особенно тѣмъ, которые живутъ посреди Латинянъ, потому что только въ православной вѣрѣ можно спастись, а въ вѣрѣ Латинской или Сарацынской (Магометанской) нельзя; б) не должно хвалить чужую вѣру; потому что кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ хулитъ свою и есть двоевѣрецъ и близокъ къ ереси; в) если бы кому пришлось и умереть за православную вѣру, долженъ умереть, не отрицаясь отъ нея, по примѣру Святыхъ; г) съ послѣдователями Варяжской вѣры не должно имѣть общенія, ни по дѣламъ брачнымъ, ни въ причастіи Христовыхъ Таинъ, ни въ пищѣ; впрочемъ, когда они попросятъ пищи, накормить ихъ, только въ ихъ собственныхъ сосудахъ, а не въ своихъ; въ случаѣ же крайности—и въ своихъ, которыя потомъ вымыть и освятить молитвою. Кромѣ этихъ общихъ наставленій преп. Ѳеодосій, обращаясь собственно къ князю, говоритъ: «ты, чадо, непрестанно хвали свою вѣру, и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ; если увидишь кого либо нагимъ или голоднымъ или подвергшимся бѣдствію, будетъ ли то еретикъ,

---

[26]) См., на примѣръ, символъ вѣры, преподанный Греками В. Кн. Владиміру по крещеніи его (П. Собр. Р. Лѣт. 1, 48 — 50); Посланіе Константинопол. Патріарха Михаила Керуларія къ Петру, Антіох. Патріарху, особенно п. XII и XIII (*Coteler*. Eccl. Graecae Monum. 11, 135 — 145; снес. 381 — 584); Обличенія противъ Латинянъ, особенно 23, 43, 53, 57, 59 (*Coteler*. ibid. 111, 495—509).

или Латынянинъ, всякаго помилуй и избавь отъ бѣды, какъ можешь: и ты не погрѣшишь предъ Богомъ, который питаетъ и православныхъ Христіанъ, и не православныхъ, и даже язычниковъ, и о всѣхъ печется.... Когда ты встрѣтишь, что иновѣрные состязаются съ вѣрными и хотятъ лестію отвлечь ихъ отъ правой вѣры: помоги своими познаніями правовѣрнымъ противъ кривовѣрныхъ, и ты избавишь овча изъ устъ львовыхъ.... Если кто скажетъ тебѣ: ту и другую вѣру далъ Богъ,—ты отвѣчай: развѣ Богъ двоевѣренъ? Не слышишь ли, что написано: *единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе*? И не сказалъ ли Ап. Павелъ: *аще и ангелъ благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 8)».... Мы нѣсколько смягчили рѣзкій тонъ посланія, который показался бы не совсѣмъ приличнымъ въ наше время, но былъ весьма приличенъ и естественъ во дни преп. Ѳеодосія, когда Латиняне только что отдѣлились отъ православной Церкви Восточной и по своимъ происказмъ къ совращенію православныхъ и крайней испорченности нравовъ были нестерпимы какъ для Грековъ, такъ, вслѣдъ за ними, и для Русскихъ [27]).

IV.

Молитвы преп. Ѳеодосія извѣстны намъ двоякаго рода: во-первыхъ устныя, которыя сохранилъ въ житіи его преп. Несторъ [28]), и которыя, какъ не написанныя самимъ Ѳеодо-

[27]) Кромѣ означенныхъ (въ предыд. примѣч.) сочиненій, припомнимъ такъ же отзывъ Митрополита нашего Іоанна II (1080—1088), который, подобно Ѳеодосію Печерскому, запрещалъ православнымъ вступать въ браки съ Латинами (Русс. Достопам. 1, 94).

[28]) Напримѣръ, молитва преп. Ѳеодосія о стадѣ своемъ, т. е. объ инокахъ, и молитва, какую произнесъ онъ предъ своею кончиною (Патер. рукоп. Новгор. Соф. библіот. № 502, л. 51. 59; Патер. печатн. л. 39. 44 об. Кіев. 1791).

сіемъ, не могутъ имѣть мѣста въ нашемъ обозрѣніи, а вторыхъ письменныя. Къ послѣднимъ принадлежатъ: молитва преп. Θеодосія за всѣхъ христіанъ и молитва его, написанная по просьбѣ Варяжскаго князя Шимона или Симона.

Первая молитва сохранилась въ харатейной Псалтири 1296 года подъ заглавіемъ: «Молитва святаго Θеодосія за вся христіаны [29])». Если еще въ XIII вѣкѣ она усвоялась св. Θеодосію: то сомнѣваться въ подлинности ея было бы съ нашей стороны крайнею недовѣрчивостію. Правда въ молитвѣ упоминается, вслѣдъ за другими Святыми и преп. Антоніемъ Печерскимъ, самъ Θеодосій; но кто знаетъ, какъ не разсудительно иногда наши древніе переписчики дѣлали подобнаго рода вставки [30]), тотъ не соблазнится и этою вставкою. Молитва состоитъ въ слѣдующемъ: «Владыко, Господи, человѣколюбче! Вѣрныхъ, Господи, утверди, да будутъ еще болѣе вѣрны; неразумныхъ, Владыко, вразуми; язычниковъ, Господи, обрати къ христіанству, да будутъ нашими братіями; находящихся въ темницахъ, или въ оковахъ, или въ нуждѣ, избави, Господи, отъ всякой печали, пребывающимъ въ затворахъ, и на столпахъ, и въ пещерахъ, и въ пустынѣ, братіямъ нашимъ подаждь, Господи, крѣпость къ подвигу. Помилуй, Господи, князя нашего и градъ сей и всѣхъ, живущихъ въ

---

[29]) Свѣдѣнія объ этой Псалтыри и самая молитва недавно напечатаны въ статьѣ г. *Буслаева*: «Палеогр. и Филологичес. матеріалы для ист. письм. Славян.» стр. 23—29. (Смот. Сборникъ: «Матеріалы для исторія письменъ», Москв. 1855).

[30]) Указываемъ на примѣры, представленные г. Кубаревымъ и очень близкіе къ настоящему случаю, какъ въ Печерскихъ Патерикахъ, гдѣ говорится собственно объ одномъ Антоніи, переписчики къ имени Антонія вовсе некстати присовокупляли и имя Θеодосія (о Патер. Печ. въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, № 9 отд. 1, стр. 15). См. впрочемъ Извѣстія. IV. 245.

немъ. Помилуй милостію Твоею и мене, раба Твоего грѣшнаго: если я и много грѣшенъ, то по правой вѣрѣ я рабъ Твой. Спаси, Господи, и помилуй епископа нашего и весь монашескій чинъ, со іереями и діаконами и всѣми православными христіанами. Помилуй, Господи, находящихся въ бѣдности и озлобленнымъ нищетою подаждь богатую милость, ради молитвъ св. Богородицы... (здѣсь помянеповавы и преп. Антоній и Θеодосій). И упокой, Господи, души рабовъ Твоихъ, правовѣрныхъ князей нашихъ и епископовъ и всѣхъ сродниковъ нашихъ по плоти, умершихъ во градахъ и селахъ, и въ пустыняхъ, и на пути, и въ морѣ, упокой ихъ въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ ликѣ Святыхъ, въ оградѣ благаго рая и жизни безконечной, въ неизглаголанномъ и немерцаемомъ свѣтѣ лица Твоего: ибо Ты еси покой и воскресеніе усопшихъ рабовъ Твоихъ, Христе Боже нашъ, и Тебя славимъ со Отцемъ и Св Духомъ и нынѣ и присно». Молитва, очевидно, вполнѣ достойная великаго игумена Кіево-Печерскаго!

Что касается до молитвы, составленной имъ по просьбѣ Симона Варяга: то св. Симонъ, епископъ Владимірскій, разсказываетъ самый случай къ ея написанію. Однажды Симонъ Варягъ, любимый Θеодосіемъ и много жертвовавшій на его обитель, пришелъ къ нему и, послѣ обычной бесѣды, сказалъ: «прошу у тебя, отче, одного дара». «О чадо, сказалъ Θеодосій, чего проситъ твое величество отъ нашего смиренія». «Я прошу у тебя, продолжалъ Симонъ, дара великаго и превышающаго мои силы». Θеодосій отвѣчалъ: «Тебѣ извѣстно, чадо, наше убожество; часто и хлѣба у насъ не достаетъ для дневной пищи, а имѣю ли что другое, не знаю». «Если ты захочешь, сказалъ Симонъ, то поможешь мнѣ, по благодати, данной тебѣ отъ Бога.... Я прошу у тебя, дай мнѣ

слово, что благословитъ меня душа твоя, какъ въ жизни, такъ и по смерти. Помолись о мнѣ, о сынѣ моемъ Георгіѣ, и о всемъ моемъ родѣ, какъ молишься ты о своихъ черноризцахъ». Θеодосій обѣщался и присовокупилъ: «я молюсь не о черноризцахъ только, но и о всѣхъ, любящихъ мѣсто сіе святое». Тогда Симонъ, поклонившись преподобному до земли, неотступно просилъ его подтвердить свое обѣщаніе писаніемъ, и Θеодосій написалъ разрѣшительную молитву, которая начиналась словами: «во имя Отца и Сына и Св. Духа» и до нынѣ, замѣчаетъ св. Симонъ Владимирскій, т. е. въ XIII вѣкѣ, влагается въ руки всякому умирающему [31]). Въ этой молитвѣ,— неизвѣстно, была ли она та самая, какая донынѣ употребляется въ нашей Церкви, или другая,—преподобный помѣстилъ слѣдующія слова: «Помяни меня Господи, когда пріидешь Ты въ царствіи Твоемъ, чтобы воздать каждому по дѣламъ его. Тогда, Владыко, сподоби и рабовъ Твоихъ Симона и Георгія стать одесную Тебя въ славѣ Твоей и услышать благій Твой гласъ: *пріидите, благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра*» (Матѳ. 25, 34) [32]).

Изъ сдѣланнаго нами обзора сочиненій преп. Θеодосія оказывается, что они, кромѣ внутренняго своего достоинства, имѣютъ еще значеніе историческое. Поученія Θеодосія къ на-

[31]) Разрѣшительная молитва надъ умершимъ читалась въ Церкви издревле (*Діонис. Ареопаг.* о церковной іерархіи, гл. VII, отд. III, п. 4, и *Пахимер.* толков. на означенную главу). Гоаръ представляетъ даже образецъ этой молитвы, употреблявшійся въ Греціи, нѣсколько несходный съ тою, какая употребляется у насъ (Euch« Graec. p. 544, Venet. 1730). Но со временъ преп. Θеодосія разрѣшительная молитва, по прочтеніи надъ усопшимъ, начала влагаться въ его руки.

[32]) *Симонъ* въ Сказаніи о Печер. церкви.

роду указываютъ на нѣкоторые недостатки и пороки, господствовавшіе въ народѣ. Поученія къ братіи обнаруживаютъ и слабыя стороны иноческой жизни въ Кіево-Печерской обители, неизвѣстныя изъ писаній преп. Нестора, который желалъ выставить преимущественно свѣтлую сторону родной обители въ назиданіе потомству. Наконецъ посланія къ В. Кн. Изяславу ясно обозначаютъ тѣ религіозные вопросы, какіе занимали тогда самихъ нашихъ князей. Вообще видно, что сочиненія преп. Өеодосія написаны не на какія либо отвлеченныя или произвольно придуманныя темы, а соотвѣтственно современнымъ потребностямъ, и потому, изображая въ себѣ умъ и сердце самаго писателя, не мало обрисовываютъ и его время.

XI.

СТАРИННЫЯ СКАЗКИ О ЦАРѢ СОЛОМОНѢ.

Записка А. Н. Пыпина.

Средневѣковыя литературы европейскихъ и восточныхъ народовъ представляютъ цѣлый рядъ разсказовъ о царѣ Соломонѣ, гдѣ личность его была окружена болѣе или менѣе поэтическимъ колоритомъ. Различныя сказанія передавали славу его мудрости, если не всегда удовлетворяя исторической истинѣ, то по крайней мѣрѣ народнымъ понятіямъ и убѣжденіямъ. Нерѣдко впрочемъ эти сказанія развивали содержаніе другаго рода, относя къ Соломону постороннія преданія, но и здѣсь не теряется мысль о первоначальномъ характерѣ лица, и разсказанное приключеніе должно было служить той же основной темѣ.

Литература нашихъ древнихъ и старинныхъ рукописей также не осталась чужда этимъ поэтическимъ преданіямъ; въ различной формѣ, съ различнымъ значеніемъ они нерѣдко встрѣчаются въ рукописяхъ. Между ними мы обратимъ вниманіе на тѣ повѣсти, которыя стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ

народною словесностью стараго времени, могутъ служить фактами ея столько бѣдной исторіи.

Состояніе народной словесности въ допетровскомъ періодѣ нашей литературы до сихъ поръ остается очень неясно и неопредѣленно, потому именно, что существованіе ея мало выразилось въ письменныхъ памятникахъ. Производительность нашей литературы въ древнемъ ея періодѣ обнаружилась преимущественно въ двухъ основныхъ формахъ — въ трудахъ историческихъ и сочиненіяхъ духовнаго содержанія; количество произведеній, выступающихъ изъ ряда этихъ коренныхъ явленій, сравнительно, очень невелико; но по своей малочисленности, они получаютъ въ нашихъ глазахъ еще болѣе интереса. И факты духовной словесности, и сочиненія съ чисто-историческими достоинствами, сколько ни драгоцѣнны для насъ, какъ свидѣтельство о древней жизни, не могутъ назваться результатомъ свободныхъ, только литературныхъ стремленій. И тѣ и другія выполняли свою частную задачу, проистекавшую изъ иныхъ причинъ и побужденій, и, хотя для ея рѣшенія нужны были извѣстная степень литературнаго образованія и умѣнье взяться за дѣло,—авторскіе пріемы нѣкоторыхъ изъ писателей нашихъ того времени обличаютъ много искусства и навыка, — при всемъ томъ эти произведенія получали большую или меньшую цѣну скорѣе по степени своей пользы въ примѣненіи къ потребностямъ читателя, нежели по достоинствамъ чисто-литературнымъ.

Не таковы были отношенія народной словесности къ другимъ отраслямъ и направленіямъ литературы, у народовъ западно-европейскихъ: свойства исторической судьбы народа тамъ и здѣсь были слишкомъ различны, условія образованности опредѣлились иначе, такъ что аналогія литературныхъ

явленій, какую хотятъ нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей постановить между нашей древней словесностью и литературами западно-европейскими, не можетъ быть обширна и должна ограничиться немногими случаями; иначе она становится натянутою и ложною. Несравненно большее количество фактовъ говоритъ въ доказательство разнородности или даже противоположности ихъ. Не только нѣмецкая и романская, но даже латинская литература среднихъ вѣковъ давно стояла въ тѣсной связи съ жизнью народа, его преданіями и миѳами; изъ нихъ почерпала и мысль и краски для своихъ произведеній. У насъ было не такъ, и едва въ одномъ поэтическомъ памятникѣ древней нашей словесности можно указать такое сближеніе съ коренными созданіями народной фантазіи.

Въ этомъ отношеніи обвиненія старой нашей литературы въ бѣдности совершенно справедливы. Бѣдность заключается именно въ отдаленіи отъ національныхъ мотивовъ, которые одни могли сообщить ей достаточно силъ въ залогъ будущихъ успѣховъ. Народная словесность жила только въ устахъ народа и по основному, давно опредѣлившемуся характеру нашей письменности, не нашла себѣ мѣста въ ней. Такою осталась она цѣлые вѣки. Хотя и сильно измѣнившись отъ разнородныхъ вліяній, она дошла и до насъ черезъ цѣлое тысячелѣтіе, сохранивъ своихъ героевъ какъ свидѣтелей давнишняго своего возникновенія; но не смотря на эту живучесть и обиліе внутренней силы, она не была для письменной литературы живительнымъ источникомъ мысли и выраженія. Народная устная словесность отразилась въ письменности только немногими своими чертами, въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ фактахъ. Сюда относятся лѣтописныя вставки изъ народныхъ притчъ, пословицъ и сказаній, упоминанія памятниковъ духов-

ной литературы о народныхъ повѣрьяхъ и преданьяхъ и т. п., появленіе которыхъ въ письменныхъ памятникахъ нельзя не признать случайностью.

Это своеобразное положеніе народной словесности зависѣло отъ разныхъ причинъ: его можно считать недостаткомъ, хотя оно существовало какъ необходимый историческій фактъ. Объясняя его, нельзя не замѣтить и того обстоятельства, что очень долго писателями (а также и писцами) были у насъ почти одни духовныя лица. Это было отчасти и на западѣ; но тамъ общее направленіе литературы опредѣлилось такъ, что писатель слѣдовалъ и подчинялся его вліянію, тогда какъ у насъ онъ скорѣе непріязненно смотрѣлъ на то, что выходило изъ круга его дѣятельности, и потому на народныя начала въ словесности. Притомъ характеръ образованности въ теченіе всего стараго періода нашей исторіи оставался духовнымъ по преимуществу; оттого писатель и изъ свѣтскаго сословія не былъ въ состояніи отклониться отъ общаго пути: намъ извѣстны сочиненія бояръ и дьяковъ позднѣйшаго времени, но эти сочиненія такого рода, что не зная составителей, мы не колеблясь признали бы ихъ духовными лицами.

Такимъ образомъ, основныя условія развитія нашей литературы и образованія препятствовали успѣхамъ народной словесности, до такой степени, что даже въ томъ отдѣлѣ старинной письменности, который всего болѣе приближался къ ней характеромъ содержанія, въ отдѣлѣ повѣстей и сказокъ, только немногія произведенія носятъ на себѣ слѣды вліянія народной поэзіи. Эти повѣсти составляютъ одно изъ самыхъ интересныхъ явленій старинной литературы, съ одной стороны по своему содержанію и характеру сюжета, съ другой потому, что въ нихъ мы находимъ почти единственныя, отмѣ-

ченныя старинной, свидѣтельства о прежнемъ состояніи народной словесности, ея формѣ и объемѣ.

Къ числу ихъ принадлежатъ и нѣкоторыя повѣсти о Соломонѣ. Источники нашихъ разсказовъ о Соломонѣ были неодинаковы и самые разсказы были различны: одни вѣроятно были только поучительнымъ и занимательнымъ чтеніемъ, другіе напротивъ ближе проникли въ народное сознаніе и, измѣнившись подъ его вліяніемъ, вошли въ составъ народной литературы. Вообще немногія изъ старинныхъ повѣстей, находимыхъ въ рукописяхъ, были въ родствѣ съ произведеніями народной поэзіи. Получивъ начало книжнымъ путемъ, большая часть изъ нихъ остались тѣмъ, что называютъ volksbuch, livre populaire т. е. хотя и хорошо знакомымъ народу, но все таки книжнымъ произведеніемъ, не занимавшимъ существеннаго мѣста въ его воображеніи. Таковы были Александрія и другія повѣсти, которыя пользовались однако большою извѣстностью, что доказывается и разнообразіемъ ихъ редакцій и множествомъ списковъ. Повѣсти о Соломонѣ по своему началу подходятъ подъ тѣже условія; они не были самостоятельнымъ произведеніемъ русской фантазіи, — но или по имени дѣйствующаго лица, или по содержанію, которое понятнѣе было народному вкусу, они получили иное значеніе въ глазахъ народа и стали достояніемъ его спеціальной литературы.

Повѣсть, замѣчательная въ этомъ отношеніи, называется по рукописи Рум. Музея XVII вѣка № 363 л. 418—438 «новѣсть царя Давида и сына его Соломана и о ихъ премудрости», нач. «Бысть у царя Давида три дѣвицы»; по списку Ундольскаго XVII вѣка «повѣсть о царѣ Давыдѣ и о сынѣ его Соломонѣ и о ихъ премудрости», нач. одинаково со спи-

скомъ Рук. [1]). Повѣсть, довольно значительнаго объема, раздѣляется по содержанію на два отдѣльные разсказа: первый изъ нихъ передаетъ исторію дѣтства и странствованій Соломона; другой, начинаясь съ возвращенія его къ Давиду, заключаетъ споръ его съ царемъ Поромъ и побѣду Соломона. Дѣленіе это рѣзко замѣтно по извѣстному намъ Румянцовскому тексту, такъ что каждую часть можно принять за отдѣльное цѣлое. Не вдаваясь въ подробности содержанія, мы обозначимъ только отношеніе повѣсти къ другимъ произведеніямъ, имѣющимъ съ ней много общаго.

Въ средневѣковыхъ литературахъ, особенно нѣмецкой, было очень распространено произведеніе, передававшее исторію Соломона и Морольфа или Маркольфа (Marculphus, Marcolph, Morolff, Morolt, Marcoul, Marcon и проч.). Впрочемъ, въ нѣмецкой литературѣ подъ этимъ именемъ, «Salomon und Morolff», извѣстны были два совершенно различныя произведенія. Одно изъ нихъ получило начало очень давно и въ латинской редакціи упоминается уже въ индексѣ папы Гелассія въ V вѣкѣ [2]): послѣ того о немъ говорили Вильгельмъ Тирскій, нѣмецкій поэтъ Фрейданкъ и другіе. Латинская редакція вышла въ свѣтъ въ числѣ первыхъ напечатанныхъ книгъ; давно появляются и нѣмецкіе переводы. Во французской передѣлкѣ собственное имя Соломона было даже пріурочено къ какому то національному герою Salemon li quens de Bretagne. Кромѣ того извѣстны англосаксонскій, датскій, шведскій и пр. переводы; путемъ нѣмецкой литературы исторія Соломона и

---

[1]) Врем. М. Общ. кн. 14. Списокъ повѣсти находится также въ рукописномъ собраніи г. Забѣлина; ниже мы укажемъ списокъ ея изъ б-ки Царскаго.

[2]) Scriptura, quae appellatur Contradictio Salomonis, Apocrypha. *Fabricii*, Codex pseudep. V. T. I. 1055. Изд. 1713—23.

Маркольфа перешла наконецъ въ чешскую и польскую. Но особенное сочувствіе нашла эта исторія въ Италіи, гдѣ, измѣнивъ собственныя имена, она сдѣлалась любимымъ народнымъ романомъ. Мѣсто Соломона занялъ лонгобардскій царь Альбоинъ, вмѣсто Маркольфа является національный мудрецъ Бертольдо, который достигъ такой славы, что ему придумали даже сына Бертольдино и внука, и каждый изъ нихъ получилъ свою особенную исторію [3]).—Главный сюжетъ этой первой редакціи Соломона и Морольфа есть состязаніе, споръ о мудрости,—тема нѣкоторыхъ восточныхъ разсказовъ. Содержаніе вертится на противоположности славнаго и мудраго царя и грубаго, уродливаго Морольфа, который оостроумными отвѣтами разрѣшаетъ всѣ мудреные вопросы царя и нерѣдко удивляетъ его своими выходками. Кромѣ діалоговъ о разныхъ предметахъ жизни, особенно о характерѣ, добродѣтеляхъ и недостаткахъ женщинъ, исторія говоритъ о томъ, какъ царь сталъ преслѣдовать Морольфа за его рѣзкія истины, и какъ этотъ послѣдній всегда умѣлъ избѣгать опасностей и оставаться цѣлымъ и невредимымъ.

Не здѣсь однако особенно любопытная для насъ сторона преданія о Морольфѣ. Въ нѣмецкой стихотворной передѣлкѣ этой редакціи, напечатанной Гагеномъ [4]), исторія, послѣ спасенія Морольфа отъ висѣлицы, имѣетъ продолженіе, не встрѣчающееся въ латинскихъ текстахъ (v. 1605 — 1876). Это

---

[3]) Подробности и указанія о Морольфѣ *Grässe*, Sagenkreise 466 fg. J. *Dunlop's* Gesch. der Prosadicht., d. v. Liebrecht. 328, 503, 511. Одна передѣлка исторіи Бертольдо была переведена и у насъ: «Италіанской Езопъ, или сатирическое повѣствованіе о Бертолдѣ, содержащее въ себѣ удивительныя съ нимъ приключенія и остроумныя выдумки» 2-е изд. СПб. 1782. 8.

[4]) Deutsche Gedichte d. Mitt., herausg. von Fr. *v. d. Hagen* und *Büsching*. Berlin. 1808. 44—64.

окончаніе имѣетъ другія отличительныя черты: Морольфъ уже не грубый поселянинъ, а умный и хитрый придворный Соломона, ловко исполняющій трудныя и опасныя порученія царя. Самое содержаніе не имѣетъ ничего общаго съ первымъ Морольфомъ, и оно-то развивается въ другомъ гораздо обширнѣйшемъ стихотвореніи [5]), очень сходномъ по характеру со второй половиной нашей повѣсти о Соломонѣ.

Издатель этого стихотворенія, несмотря на всю разницу его съ первымъ Морольфомъ, т. е. съ діалогами между имъ и царемъ, думалъ найти въ нихъ общія стороны, хотя и сознавался, что во второмъ Морольфѣ есть что-то «чуждое». Но Гриммъ, въ прекрасной критической статьѣ по поводу изданія ф.-д.-Гагена, выразилъ другое мнѣніе и опредѣлилъ оба стихотворенія совершенно иначе [6]). Приписавъ первому произведенію чисто восточное, и именно еврейское происхожденіе, онъ рѣзко отдѣлилъ отъ него второе стихотвореніе, сюжетъ котораго и вся обстановка принадлежатъ по его мнѣнію не востоку, а средневѣковой Европѣ. Приводя здѣсь мнѣніе Гримма, замѣтимъ, что это второе произведеніе (Hagen 1—43) соотвѣтствуетъ второй половинѣ нашей повѣсти, тогда какъ первая часть этой послѣдней совершенно своеобразна и кажется не имѣетъ ничего подобнаго въ средневѣковой нѣмецкой литературѣ. Передавая сходныя приключенія, очень часто съ тѣми же подробностями, русскій и нѣмецкій разсказъ имѣютъ значительную разницу между собою: въ нѣмецкомъ стихотвореніи сюжетъ развивается гораздо обширнѣе и подробнѣе,—можетъ быть потому, что здѣсь участвовало авторство

[5]) *V. d. Hagen* und *Büsching*, ib. «Salomon und Morolff» 1—43.

[6]) Heidelberg. Jahrb. d. Liter. 1809. V Abth. II, 162 — 164. 249 — 257.

нѣмецкаго зингера, — и представляетъ притомъ два событія, хотя и одинаковыя, тогда какъ въ нашей повѣсти разсказывается только одно. Другое несходство, кромѣ мелкихъ подробностей, заключается въ собственныхъ именахъ: Морольфъ, хитрый помощникъ Соломона, замѣняется безыменнымъ посланникомъ; Фараонъ и Принціанъ, соперники Соломона по нѣмецкой поэмѣ, замѣняются въ русской повѣсти царемъ индѣйскимъ Поромъ; исполнитель казни у Пора называется Пилатомъ («пошлю азъ тебя къ немилостивому Пилату и велю съ тебя голову снять», говоритъ Поръ Соломону). Впрочемъ Гриммъ думаетъ, что собственныя имена въ нѣмецкомъ стихотвореніи явились случайно, и въ сущности неважны. И ф.-д.-Гагенъ и Гриммъ признаютъ, что нѣмецкое стихотвореніе или основа его древнѣе той рукописи, гдѣ оно найдено (XV вѣка). Обстановка его совершенно рыцарская, напоминающая эпоху крестовыхъ походовъ: Соломонъ есть глава христіанства, какъ римскій императоръ; героя его — Морольфъ и храмовые рыцари, сражающіеся противъ невѣрныхъ; разсказы о странствованіяхъ Соломона и его сподвижниковъ указываютъ на извѣстность Средиземнаго моря, Wendelsee, во время странствованій крестовыхъ рыцарей.

Имена Морольфа, Соломона, Іерусалима, говоритъ Гриммъ, не принадлежатъ собственно сагѣ и вставлены впослѣдствіи; совершенно особенный характеръ Морольфа уничтожаетъ возможность связи между двумя разными произведеніями этого имени. Восточное происхожденіе втораго Морольфа, которое хотѣло дать ему ф.-д.-Гагенъ, въ такой же степени несовмѣстимо съ его содержаніемъ. Саги о хитрыхъ похищеньяхъ, переодѣваньяхъ и избавленьяхъ нерѣдки въ древней нѣмецкой поэзіи, а эта поэма представляетъ собраніе такихъ приключе-

ній, и если можно въ немъ видѣть заимствованіе съ Востока, то это заимствованіе должно быть отнесено къ доисторическому родству съ Востокомъ, которое здѣсь конечно окажется неумѣстнымъ. Во всемъ стихотвореніи рѣзко выдается противоположность христіанскаго міра съ невѣрными, какъ основная черта содержанія, и ей трудно было явиться въ заимствованномъ съ Востока сюжетѣ. Напротивъ многія имена и предметы прямо относятся къ Германіи (напр. герцогъ Фридрихъ, deutsche harfen, deutsche fechten и пр.) или напоминаютъ другія нѣмецкія поэмы, каковы Рòтеръ, Отнитъ, Вольфъ-Дитрихъ и др. Наконецъ въ Морольфѣ встрѣчаются общіе эпическіе обороты древней нѣмецкой поэзіи и отдѣльныя выраженія, которыя указываютъ на эпическія представленія Нибелунговъ и вовсе не похожи на манеру придворныхъ поэтовъ. Морольфъ принадлежитъ именно къ тому разряду произведеній, которыя они отвергали какъ простонародныя. По всему этому заключаетъ Гриммъ, что такъ называемая вторая часть Морольфа, т. е. сходная съ послѣдней половиной русской повѣсти, состоитъ изъ очень древнихъ *нѣмецкихъ* сагъ, и несмотря на вставленныя позднѣе имена, также стара и національна, какъ саги въ книгѣ героевъ (Heldenbuch)..... Въ цѣломъ, пѣсня о Морольфѣ стоитъ пожалуй нѣсколько ниже ихъ, но скорѣе по содержанію, нежели по представленію, которое всегда живо и полно интереса.

Наша повѣсть стоитъ слѣдовательно въ связи съ нѣмецкими народными сказаніями. Въ ней самой, какъ мы уже замѣтили, болѣе чѣмъ въ другихъ подобныхъ произведеніяхъ, видны элементы народной поэзіи; народность ея представленія и языка достаточно показываютъ, что она образовалась другимъ путемъ, чѣмъ большая часть старинныхъ русскихъ по-

вѣстей. Основанная сначала, вѣроятно, на чужомъ преданіи, она развивалась и измѣнялась не въ слѣдствіе книжныхъ редакцій, а произволомъ устной передачи. Впослѣдствіи она была записана, и записанный видъ ея представляетъ потому не первоначальную форму преданія, а форму, уже испытавшую вліяніе воззрѣній народной поэзіи. Но какимъ образомъ объясняется въ этой повѣсти — мы говоримъ о второй ея половинѣ — имя Соломона? Соединенное у насъ, какъ въ нѣмецкомъ стихотвореніи, съ одними приключеніями, оно не могло быть тамъ и здѣсь чистою случайностью, какъ это думаетъ Гриммъ. Независимо отъ самаго содержанія, оно могло явиться въ нашей повѣсти только изъ нѣмецкаго преданія, или обратно, — такъ, чтобы одно становилось источникомъ другому. Въ противномъ случаѣ, надобно предположить существованіе третьяго, болѣе первобытнаго преданія, которое было источникомъ и русскаго и нѣмецкаго разсказа, и тогда опять случайность имени Соломона не находитъ себѣ оправданія [7]).

Мнѣніе Гримма объясняетъ въ этомъ случаѣ только разнородность двухъ нѣмецкихъ сказаній о Морольфѣ; оно не уничтожаетъ однако возможности сомнѣнія въ нѣмецкомъ происхожденіи втораго Морольфа. Сближенія Гагена дѣйствительно основываются на обстоятельствахъ случайныхъ, и потому неважныхъ; но путь соединенія этихъ преданій могъ быть другой, хотя въ законченномъ видѣ своемъ они и не имѣютъ ничего общаго между собою, кромѣ именъ. Чисто національныя эпическія формы втораго Морольфа доказыва-

[7]) Если была здѣсь случайность, то въ имени Морольфа, потому что это лицо совершенно измѣняетъ свой характеръ во второмъ стихотвореніи.

ютъ, по мнѣнію Гримма, германское его происхожденіе, а германское начало приводитъ его къ мысли о случайности именъ Соломона и Морольфа. Но эпическія формы т. е. эпическая внѣшность, обстановка сюжета еще не отвергаетъ чужаго происхожденія самаго сюжета, и въ такомъ случаѣ, если подобные ему встрѣчаются и въ чисто національныхъ произведеніяхъ народной поэзіи. Вполнѣ національная обработка формы доказываетъ, что преданіе (можетъ быть и чужое) рано сдѣлалось достояніемъ народной словесности. Такъ было вѣроятно и съ Морольфомъ; вспомнимъ, что многія подробности стихотворенія прямо указываютъ на Германію временъ феодализма и крестовыхъ походовъ. Противоположность міра христіанскаго съ языческимъ, по словамъ Гримма, не могла найти мѣста въ преданіи не германскомъ, а заимствованномъ съ Востока (такъ думалъ Гагенъ; замѣтимъ однако, что заимствованіе могло быть сдѣлано и не прямо съ Востока, а черезъ другой посредствующій источникъ); но точно тоже можно сказать и о русской повѣсти, гдѣ Соломонъ съ своимъ «христіанскимъ» войскомъ овладѣваетъ «многими землями и всякими ордами»; христіанскій характеръ Соломона есть примѣненіе самой народной поэзіи, которая этимъ объявляла себя на сторонѣ благочестиваго царя. Въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей популярной литературы мы можемъ указать примѣры такихъ примѣненій, еще болѣе рѣзкіе: въ сказаніи объ Акирѣ Премудромъ, взятомъ изъ Тысячи и Одной Ночи, мудрецъ Акиръ является не только христіаниномъ, но и русскимъ; въ другомъ замѣчательномъ произведеніи той же эпохи, защита христіанскихъ интересовъ отдается Александру Македонскому, что и было одной изъ причинъ его похода противъ «невѣрныхъ языкъ». Очевидно, что въ первоначальномъ источникѣ

этихъ произведеній не было и мысли о противоположности христіанства и язычества, и народная поэзія съ гораздо меньшимъ правомъ могла измѣнить въ этомъ смыслѣ характеръ Акира или Александра, нежели характеръ Соломона. Понятно, что, нарушая такія существенныя особенности любимыхъ своихъ героевъ, народная поэзія легко можетъ придать чужому преданію и черты національнаго быта, нравовъ и обычаевъ.

Что преданіе не было чисто нѣмецкой сагой, содержанію которой случайно было придано имя Соломона, подтверждается значительнымъ его распространеніемъ, которое впрочемъ мы не можемъ еще опредѣлить съ точностью. Въ сербскихъ приповѣдкахъ, изданныхъ Караджичемъ [3]), есть между прочимъ одна, «Іедна гобела у као а друга из кала», представляющая новый варіантъ тогоже самаго содержанія т. е. большаго нѣмецкаго стихотворенія о Морольфѣ и второй половины русской повѣсти. Эта сербская приповѣдка несомнѣнно показываетъ, что въ русской повѣсти обѣ половины имѣютъ общаго только одно имя Соломона и соединены въ спискѣ Рум., а вѣроятно и другихъ, чисто механически. Приводимъ ее здѣсь для тѣхъ, кто захочетъ сравнить съ нею русскую повѣсть; при всей близости содержанія, она представляетъ и свои отличія.

«Жена Премудрога Соломуна загледа се у некака другога цара, и намисли да остави првога мужа и да бјежи овоме другоме; али никако није могла да се украде, јер је је Соломун врло чувао; за то се договори с овијем другијем царем те јој пошаље нешто те попије па се учини као мртва. Кад ова тако умре, Соломун јој осијече мали прст у руке да види јели

[3]) Српске народне приповијетке. У Бечу. 1853, 196—198.

заиста умрла, и кад види да жена не осјећа ништа него да је мртва, онда је закопа. А овај цар нареди своје људе, те је ноћу ископају и донесу њему и он јој опет некако поврати живот, и узевши је за жену стане с њоме живљети. Кад Премудри Соломун дозна шта је било од његове жене, он се дигне да је тражи, и поведе са собом подоста наоружанијех људи, па кад дође близу столице онога цара што му је жену узео, остави људе у шуми казавши им кад чују труба да затруби, онда да иду на њезин глас њему у помоћ носећи сваки пред собом по зелену шумнату грану, а он отиде сам у царев двор. Кад тамо, а то жена са слугама сама у двору, а цар отишао у лов. Кад жена опази својега првог мужа, она се поплаши, али га опет некако превари те га у једној соби затвори. Кад цар дође из лова, жена му каже да је дошао Премудри Соломун, и да је у тој и у тој соби затворен: «него» вели «иди сад одмах к њему у собу те га посијеци; али се немој шалити да и што почнеш с њим говорити, јер ако га пустиш само једну ријеч да проговори, превариће те». Цар с голом сабљом у рукама отвори врата, и пође к Премудроме Соломуну да му осијече главу. Соломун је мирно и без страха сједио на јастуку, па кад види овога ђе иде к њему са сабљом, а он се насмије. Кад цар то види, није се могао уздржати да га не запита за што се смије, а Соломун му одговори да се смије ђе цар цара хоће да погуби на женском узглављу. Цар га онда упита: «А да како?» А Соломун му одговори: «Ја сам већ у твојим рукама; свежи ме па изведи на поље иза града те ме погуби на видику, на прије него ме погубиш, заповједи да се три пута затруби у трубу да чује сватко и ко хоће да може доћи да види, па ће поћи и гора да гледа ђе цар цара губи». Цар то послуша особито да види

да ли је истина да ће и гора поћи да гледа ђе цар цара губи. Па онда свеже Соломуна и метне га на једна проста кола, па га са својим момцима и дворанима поведе на поље да погуби. Кад су тако ишли, Соломун се кроз кола био загледао у предње точкове, пак се у један пут насмије. Цар који је поред нега јахао на коњу запита га што се смије, а он му одговори: «Смијем се гледајући како једна гобела у као а друга из кала». Онда цар окренувши главу од нега рекне: «Хвала Богу, људи говоре *Премудри* Соломун, а он будала!» Кад у том дођу на мјесто ђе хоће да га погубе, цар заповједи те се један пут затруби. Како чују трубу војници Соломунови, они се крену. Кад се други пут затруби, они се стану примицати, али се људи нијесу виђели него саме зелене гране пред њима као гора. Цар се томе врло зачуди и увјери се да је истина што му је Соломун казао, па заповједи те се затруби и трећи пут; у том Соломунови војници стигну на оно мјесто те Соломуна отму, а цара и све његове момке и дворане похватају и побију».

Русская повѣсть приводитъ болѣе подробностей, сходныхъ иногда съ нѣмецкимъ Морольфомъ. Въ ней вставленъ напр. эпизодъ о золотыхъ рукавцахъ, съ помощью которыхъ посланный царя Пора нашелъ средство проникнуть во дворецъ его противника. Притомъ предпріятіе его не было первой завязкой приключенія; поводъ къ нему поданъ былъ такимъ же образомъ со стороны Соломона. Посланный Пора говоритъ царицѣ (женѣ Соломона): «нашъ царь Поръ пытаетъ себѣ себѣ царицы и мѣсто ей уготованно на вѣтренномъ обходѣ царствовати (?), и звѣзды на небѣ щитати, и мѣсяцъ переводити въ нашемъ царствѣ». Прельщенная царица отвѣчаетъ на его предложенія: «поити тебѣ со мною по землѣ, и царь Со-

ломонъ лютымъ звѣремъ догонитъ, а подымешь меня на пчелиные крылья, и царь Соломонъ яснымъ соколомъ долетитъ, а въ водѣ щукою догонитъ». Таже эпическая формула повторена въ разсказѣ, когда царь началъ свое преслѣдованіе. Получивъ всѣ нужныя свѣдѣнія черезъ лазутчика, который проникъ во дворецъ Пора посредствомъ такихъ же золотыхъ рукавцовъ, Соломонъ собралъ многочисленное войско «и поставилъ свои крѣпкіе воеводы и силу близъ царства Порова. И рече царь Соломанъ своимъ царемъ и уланомъ и сильнымъ воеводамъ и княземъ и всей силѣ: «стойте тутъ съ силою, а «меня, цари и уланы и сильные, крѣпкіе воеводы, отпустите «ко царю Пору въ царство, и я увижу и услышу своимъ «окомъ и ухомъ; а вы, сильные воеводы, стойте и ждите »троегласные трубы къ себѣ отъ меня: какъ буду живъ въ «царствѣ томъ и труба вострубитъ, и вы борзо сѣдлайте свои «добрые кони; и въ другой часъ труба вострубитъ, и вы по«спѣшите на добрыхъ своихъ конехъ; а въ третей часъ труба «вострубитъ, и какъ заслышите, и вы напущайте и сѣките, «и милости не давайте. А будетъ троегласнаго гласу вы не«услышите, и вы поидите въ свою землю, въ мое царство, а «меня не ждите, и въ животѣ меня не будетъ, и по мнѣ ве«ликую память и по моемъ животѣ держите и поминайте. А «вы цари и уланые и князи и сильные воеводы простите и «благословите». А самъ Соломанъ пошелъ въ царство Порово въ калическомъ платьѣ и (пришелъ) въ свитѣ срацынской...» Далѣе разсказъ идетъ какъ въ сербской повѣсти, съ нѣкоторыми варіантами. Исторія приближается къ концу; плѣнный царь въ третій разъ «вострубилъ ратнымъ голосомъ, и труба говоритъ, что плачетъ: «напускайте и сѣките и топчите, «живота не давайте, а милости не кажите», и царь Соломанъ

въ велицей радости идетъ къ землѣ на третей исходъ съ первыя своея смерти, и его цари и уланы и князи и крѣпкіе воеводы и все силное воиско падаютъ предъ царемъ Соломаномъ о сыру землю и держатъ царя Пора и съ царицею во своихъ полкахъ. И царь Поръ съ царицею падаютъ на свои царскіе колѣни предъ царемъ Соломаномъ и рече царь Соломанъ: «царю Поре, царица глупая и неразумная погубитъ «человѣка вскорѣ: велѣла на меня три осила поставить, осилъ «шелковой, а другой осилъ сребряной, а третей сверхъ тѣхъ «осиловъ златои—перевилъ бы осилъ веревкою лыченою, ла«нотною, и въ томъ бы удавился,—такова же смерть». И царь Поръ повѣсилъ главу свою буйную и не могъ видѣть себя, да не пособить. И царь Соломанъ скоро велитъ съ обѣихъ головы снять вострымъ мечемъ и велитъ развергнуть скоро; а Поровыхъ людей, кои старые и не могли битися, и велѣлъ поимати и съ собою вести, а то всѣхъ своимъ воискомъ прибили и присѣкли, а злато и сребро къ себѣ перевозили, и добрыхъ коней стадами погнали, а Пора царя и съ царицею злой смерти предалъ. И оттого царю Соломану многіе цари и князи и уланы подъ его руку поклонишася, слышачи его премудрость, а царь Соломанъ въ велицей чести и славенъ зѣло. И слышавъ то царь Давидъ сына своего премудрость царя Соломана, что онъ обладалъ многими землями и всякими ордами и власть надъ ними взялъ, радъ бысть тому». За участіе народной фантазіи и слова въ образованіи этой повѣсти достаточно говорить свѣжесть языка ея и наивныя примѣненія: Соломонъ овладѣваетъ «ордами», его окружаютъ «цари и уланы и сильные князи и крѣпкіе воеводы», какъ въ былинахъ приближенными царей выставляются «мурзы и ула-

нова» [9]); тройственное число составляетъ почти общую принадлежность народной фантазіи, какъ и эпическое повтореніе однажды замѣченныхъ подробностей. Форма, конечно не вполнѣ сохраненная въ записанномъ видѣ повѣсти, во всякомъ случаѣ обличаетъ присутствіе народнаго авторства [10]).

Что касается до первой половины нашей повѣсти о Соломонѣ, то и она не была свободна отъ вліянія воззрѣній и формы народной поэзіи, хотя можетъ быть и въ меньшей степени. Имя Соломона неразъ повторялось народной словесностью славянскихъ племенъ; тѣже сербскія приповѣдки представляютъ еще два разсказа, изъ которыхъ одинъ «Соломуна проклела мати» имѣетъ мотивы, общіе съ нашей повѣстью. Но содержаніе ихъ совершенно различно: въ сербской сказкѣ Соломонъ долженъ былъ увидѣть «морске дубине и небеске висине» и достигаетъ этого: приключенія эти разсказаны здѣсь точно также, какъ въ исторіи похожденій Александра, сказаніи объ Акирѣ и планудовой біографіи Езопа [11]). Очевидно, что здѣсь перемѣшались разсказы и Соломону приписано чужое приключеніе, какъ въ этихъ же приповѣдкахъ извѣстный анекдотъ о Мидасѣ отнесенъ къ царю Трояну [12]). Въ нашей повѣсти изъ подобной завязки произошелъ разсказъ о странствованіи Соломона, въ которомъ онъ спасаетъ «гостей-заморянъ» отъ смерти, отгадывая загадки, предложенныя имъ царемъ (Давидомъ). Вотъ одна изъ нихъ: «по конецъ моего цар-

---

[9]) Ср. Древ. Рус. Стих. 91, 93, 311, 312, 313 и др.

[10]) Любопытно, что въ сказкѣ «о Панфилѣ» спасеніе отъ висѣлицы разсказывается совершенно такимъ же образомъ. Рус. Сказки, М. 1787, 104—129, и въ другихъ сказочныхъ сборникахъ. Другія обстоятельства повѣсти повторяются отчасти въ нѣмецкой сказкѣ «der treue Johannes». *Grimm*, Kindermärchen, изд. 1850. I, 33.

[11]) Ср. статью объ этихъ послѣднихъ въ Отеч. Зап. 1855. № 2.

[12]) «У цара Тројана козје уши». Српске прип. 189—192.

ства стоитъ древо златовѣтвіе, у того древа самоцвѣтное каменіе, сверьхъ того древа мѣсяцъ сьяетъ, и около того древа у корени вкругъ пшеница бѣлоярая, вкругъ же той пшеницы нива orженая силная». Соломонъ даетъ на нее слѣдующій отвѣтъ: «по конецъ твоего царства стоитъ древо златое (sic), то твое царство и царствіе; у того древа самоцвѣтное каменіе, то твои государевы ближніе пріятели и столные многіе цари и короли и князи и уланные и мурзы; сверьхъ того древа мѣсяцъ сьяетъ, то ты государь царь; а около того древа по земли вкругъ пшеница бѣлоярая, то твои ближніе бояре и околничіе и думные дворяне; и вкругъ же пшеницы нива орженая сильная, то твои православные христіане»..... Вообще, наши повѣсти и сербскія приповѣдки представляютъ разрозненныя части цѣлаго цикла сказаній о Соломонѣ, принадлежавшаго народной словесности; возстановить и объяснить этотъ циклъ теперь тѣмъ труднѣе, что повѣствовательный и сказочный отдѣлъ славянской народной литературы до сихъ поръ извѣстенъ очень мало.

Оставляя другіе разсказы о мудрости Соломона, такъ называемые «суды» его, повѣсть о Даркирѣ, занесенную въ «поученіе отца къ сыну о женстѣй злобѣ» и пр., которые встрѣчаются и въ средневѣковыхъ европейскихъ сборникахъ, даже въ Декамеронѣ Боккаччьо, возвращаемся ко второй редакціи повѣсти о Соломонѣ, гдѣ развивается тотъ же основной сюжетъ. Эта вторая повѣсть извѣстна намъ изъ рукописи толстовскаго собранія Отд. II, № 140 по каталогу Публ. б-ки Отд. XVII. Q. № 22 скороп. сборникъ, XVII—XVIII в., об. л. 739—744, гдѣ повѣсть названа «притча царя Соломана о цари Китоврасе», нач. «Бысть во Іерусалимѣ царь Соломонъ, а во градѣ Лукордѣ царствуя царь китоврасъ» и

нр. Къ сожалѣнію въ рукописи недостаетъ нѣсколькихъ листовъ. Содержаніе повѣсти развивается совершенно также; измѣненія ограничиваются мелкими подробностями. Китоврасъ, чудесное существо, занимаетъ здѣсь мѣсто соперника Соломонова, Пора. Царь Китоврасъ не былъ похожъ на другихъ людей: «обычайже той имѣя царь — во дни царствуетъ надъ людми, а въ нощи обращашеся звѣремъ китоврасомъ и царствуетъ надъ звѣрми». Этотъ поэтическій образъ есть явленіе нерѣдкое вообще въ народной поэзіи; вспомнимъ героя одной нѣмецкой сказки, который днемъ былъ львомъ, а вмѣстѣ съ нимъ всѣ его люди были львами, ночью же принимали они обыкновенный человѣческій видъ [13]). Другой варіантъ притчи о китоврасѣ сравнительно съ первой повѣстью, состоитъ въ томъ, что китоврасъ является братомъ Соломона. Замѣтимъ быть можетъ не случайное обстоятельство, что въ нѣмецкомъ стихотвореніи, соотвѣтствующемъ нашей повѣсти, Морольфъ изъ грубаго, но мудраго поселянина, дѣлается хитроумнымъ, какъ Одиссей, помощникомъ, и также — братомъ Соломона. Правда Морольфъ и Китоврасъ играютъ различныя, даже противоположныя роли, — одинакова въ нихъ только мудрость, — но вообще надобно замѣтить, что въ кругу этихъ повѣстей произошло странное смѣшеніе, указанное уже Гриммомъ въ нѣмецкой поэмѣ. Въ нашихъ повѣстяхъ смѣшеніе достигло еще бóльшей степени. Отдѣльный фактъ преданія вносится въ другое, почему нибудь сродное ему преданіе, и новый разсказъ, забывая свое происхожденіе и характеръ, окружаетъ тему свою новыми чертами и подробностями, среди которыхъ трудно отличить первоначальную основу.

---

[13]) *Grimm*, Kindermärchen, II, 9.

Какъ чудесное существо, «китоврасъ» давно былъ извѣстенъ въ старинной народной литературѣ, хотя вѣроятно не съ тѣми свойствами, съ какими изображаетъ его предыдущая повѣсть. «Повѣсть о китоврасѣ» (нач. «Тогда же убо бысть потреба Соломону вопросити о китоврасѣ. Осочишаже ѝ гдѣ живетъ въ пустыни далнеи» и пр.) находится въ замѣчательномъ Хронографѣ 1494 г. Рум. Музея № 453, л. 320—328, которымъ я не могъ однако пользоваться. Въ сборникѣ Царскаго, XVII вѣка, № 720 (по описанію Строева, М. 1848) л. 236 помѣщена статья «царство Соломона царя во Іерусалимѣ», о которой г. Строевъ выразился слѣдующимъ образомъ: «исторія Соломона, откуда-то заимствована» (ср. тамъ же № 286, л. 314—342). Здѣсь упоминается и о китоврасѣ, вѣроятно также, какъ въ Рум. хронографѣ 1494 года: китоврасъ, по этой рукописи, былъ, какъ говоритъ г. Востоковъ, чудесное существо, исполненное мудрости и предвѣдѣнія, и между тѣмъ родъ дикаго человѣка, подобнаго отчасти простотою и грубостію шекспирову Калибану. При всей своей мудрости онъ былъ обманутъ посланными Соломона, которые налили виномъ и медомъ тѣ колодцы, откуда китоврасъ обыкновенно пилъ воду, и когда китоврасъ опьянѣлъ, они заключили его соннаго въ оковы. Соломонъ хотѣлъ спросить его совѣта, какъ тесать камни безъ помощи желѣза для строенія храма и проч. Этотъ апокрифъ, основанный на текстѣ Кн. Цар. I, 6. 7., упомянутъ и въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ [14]), а занесенъ къ вамъ вѣроятно изъ

---

[14]) «О Соломони цари и о китоврасѣ». I. Э. Болг. 210. Этотъ китоврасъ упоминается и въ одномъ нѣмецкомъ стихотвореніи XI — XII вѣка (*Diemer*, D. Ged. des XI—XII Jh. Wien, 1846, 107—114. *Gödeke*, D. Dichtung im Mitt. Hanover, 1854. 192—104), но въ немъ онъ названъ дракономъ.

греческаго источника, какъ и большая часть апокрифическихъ сочиненій; имя «китоврасъ» составлено, конечно, по греческому произношенію слова κενταύρος. На основаніи этого имени могла образоваться и сказка о послѣдовательныхъ превращеніяхъ его въ человѣка и въ звѣря. Если китоврасъ былъ похожъ отчасти на дикаго человѣка, одареннаго однако рѣдкою мудростью, есть даже возможность сравнивать его съ первоначальнымъ западноевропейскимъ Маркольфомъ, котораго описызаютъ въ высшей степени грубымъ, грязнымъ и уродливымъ человѣкомъ [15]); если можно было Маркольфу сдѣлаться

15) Вотъ напр., описаніе Маркольфа по латинской редакіи Marcolphus. Disputationes, quas dicuntur habuisse inter se mutuo Rex Salomon sapientissimus, et Marcolphus facie deformis et turpissimus: tamen ut fertur eloquentissimus etc. Francofurti M. D. XCVIII (17 листк., у Гагена означено неправильно 34 Blt.), изданной при книгѣ Dicteria proverbialia etc. cum versione Germanica Andreae Gartneri Mariemontani-Franc. 1598. 8. Оно помѣщено при самомъ началѣ книги f. I, b: «Cum sederet Salomon super solium Dauid patris sui plenus sapientia, et divitijs, vidit quendam hominem, Marcolphum nomine, qui ab Oriente nuper venerat, facie turpissimum, et deformem: et tamen eloquentissimum. Uxoreius erat cum eo, quae nimis erat terribilis, et rustica: cum eos ambos conspectui suo pariter exhiberi iussisset: stabant ambo ante eum, se mutuo conspicientes. Statura itaque Marcolphi fuit breuis, et grossa, caput habuit grande: frontem latissimam, rubicundam et rugosam, aures pilosas, et usque ad medium maxillarum pendentes, oculos grossos et lipposos, labium subtus minus quasi caballinum, barbam sordidam et foetosam quasi hirci, manus truncas, digitos breues et grossos. pedes rotundos, nasum spissum et gibbosum, labia magna et grossa, faciem asininam, capillos, veluti sunt hircorum: calceamenta pedum eius rustica erant nimis. ranniliosa atque lutosa pellis, curta tunica usque ad nates, caligae repagulatae, vestimenta eius coloris turpissimi erant». Ср. Гриммовы объясненія слова Маркольфъ, которое по еврейски einen Schimpf-und Spottnamen enthält, чему онъ даетъ впрочемъ другой смыслъ. По мнѣнію его Маркольфъ въ этомъ первоначальномъ видѣ своемъ служитъ олицетвореніемъ пародическаго настроенія народа, хотѣвшаго выразить въ немъ плоды своей умственной опытности, пріобрѣтенной вѣками, и по обстоятельствамъ

братомъ Соломона, то была такая же возможность и для китовраса. Что они получили при этомъ различное значеніе, — зависѣло отъ того, что превращенія произведены были подъ вліяніемъ различныхъ сближеній, быть можетъ и отъ того, что затерялась память о первобытномъ преданіи.

Изъ сказаннаго нами можно кажется заключить, что русская повѣсть о Соломонѣ въ средневѣковой литературѣ не была фактомъ единственнымъ въ своемъ родѣ, и что нѣмецкое стихотвореніе о Морольфѣ, принимаемое Гриммомъ за чисто нѣмецкое преданіе, къ которому случайно привязано было имя Соломона и Морольфа, имѣло вѣроятно другой отдаленный (византійскій?) источникъ, откуда получила свое начало и русская повѣсть. При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ откроется, можетъ быть, что и между обоими средневѣковыми произведеніями, извѣстными подъ именемъ Соломона и Морольфа, была какая нибудь связь, которая впослѣдствіи затерялась отъ смѣшенія преданій, и которую теперь трудно допустить между ними съ перваго взгляда.

разсказа Гриммъ считаетъ Маркольфа чисто еврейскимъ и древнимъ произведеніемъ. Въ этомъ нельзя кажется сомнѣваться. Но впослѣдствіи Маркольфъ могъ измѣнить первоначальному значенію и позднѣйшее преданіе могло дать ему новую форму, точно также какъ самый апокрифъ о китоврасѣ раздѣлился на отличныя одно отъ другаго описанія.

